

ГОДЪ СЕДЬМЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

7 и 8. ПРИ **1869.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ:

МОСКВА.

Типографія Т. Рисъ, у Мясницкихъ воротъ, д. Воейкова.

1869.

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПИСЬМА ГЕРМАНСКОЙ ПРИНЦЕССЫ О РУССКОМЪ ДВОРѢ.

1795 годъ.

Въ Виртембергскомъ журналѣ „Morgenblatt“ напечатанъ рядъ писемъ, относящихся ко времени Императрицы Екатерины II-й и представляющихъ картину Русскаго Двора въ 1795 г. Письма эти писаны изъ Петербурга супругою наслѣднаго герцога Саксенъ-Кобургскаго къ мужу, въ Германію. Извѣстно, что въ 1795 г. герцогиня пріѣхала въ Петербургъ съ тремя дочерьми своими, изъ коихъ одну предположено было выбрать въ невѣсты молодому внуку Екатерины, Великому Князю Константину Павловичу. Выборъ палъ на младшую принцессу, которая и была въ слѣдующемъ году обвѣнчана съ Великимъ Княземъ подъ именемъ Анны Ѳеодоровны; но черезъ четыре года вернулась въ Германію, и потомъ жила въ разводѣ съ своимъ супругомъ.

Письма эти писаны въ видѣ журнала, въ которомъ жена передаетъ мужу свои ежедневныя впечатлѣнія и встрѣчи. Первое письмо писано 18 Октября, на другой день по пріѣздѣ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ блеска и великолѣпія, которымъ ослѣплена была принцесса Кобургская при большомъ Дворѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ гостей въ зимній дворецъ, Екатерина встрѣтила ихъ въ отведенныхъ имъ комнатахъ и поразила ихъ съ перваго разу своимъ величіемъ. „Она приняла насъ—пишетъ герцогиня—чрезвычайно милостиво и любезно, осмотрѣла каждую изъ нашихъ дѣвицъ проницательнымъ взглядомъ и остановила его на младшей, Юліи. Разсказываютъ, что, когда гости подъѣхали ко дворцу и выходили изъ экипажа, Императрица смотрѣла на нихъ изъ окна: старшая принцесса быстро выскочила изъ экипажа на лѣстницу; вторая хотѣла сдѣлать тоже, оступилась и упала; но послѣдняя вышла изъ экипажа и взошла на ступеньку спокойно и съ достоинствомъ—это понравилось Екатеринѣ, и она сказала про себя: c'est la dernière. „Я нашла, продолжаетъ герцогиня, что всѣ описанія Екатерины, какія до насъ доходили, не вѣрны. Опишу ее тебѣ по первому впечатлѣнію. Она немного пониже меня, только полнѣе, осанка ея величественна; такою воображала я себѣ въ дѣтствѣ волшебницу. Лицо у нея широкое и полное; съ виду нельзя ей дать 60 лѣтъ. Волосы и брови у ней не крашеные, совсѣмъ сѣдые и густые; прическа совершенно соотвѣтствуетъ ея лѣтамъ. Головной уборъ приколотъ двумя огромными бриллiантами. Выраженіе лица очень пріятно, ротъ до сихъ поръ необыкновенно красивъ, носъ не великъ, но прекрасной формы и чудные голубые глаза, безъ которыхъ нельзя вообразить ее. Она слегка румянится, но кожа такъ свѣжа у нея, что навѣрное она никогда не бѣлилась. Поступь у нея удивительно легкая, не по лѣтамъ, и вообще ее можно назвать олицетвореніемъ крѣпкой старости, хотя у насъ за границею часто говорятъ объ ея болѣзняхъ.

Съ первыхъ же дней, принцессы освоились со Дворомъ и вошли въ обыкновенную жизнь его. Повидимому туалеты ихъ не отличались ни полнотою, ни пышностью, и Екатерина прислала имъ двѣ корзины великолѣпныхъ шелковыхъ матерій и

полдюжины портнихъ, которыя тотчасъ же принялись за работу. 20-го Октября Императрица прислала матери и дочерямъ бриллянтовые знаки ордена св. Екатерины и въ тотъ же день привела къ нимъ въ первый разъ Великаго Князя Константина, о которомъ герцогиня пишетъ: „Константину на видъ кажетъ не менѣе 23 лѣтъ (ему было тогда около 16), и видно, что онъ еще выростетъ. У него широкое, круглое лицо; и если бы не курносый носъ его, онъ былъ бы очень красивъ; у него большіе голубые глаза, въ которыхъ много огня и ума; рѣсницы и брови почти совсѣмъ черные; небольшой ротъ и губы совсѣмъ пунцовые; очень пріятная улыбка, прекрасные зубы и свѣжій цвѣтъ лица. У обоихъ братьевъ такія здоровыя лица, такое крѣпкое, мускулистое тѣлосложеніе, что они рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ придворныхъ кавалеровъ; въ ясномъ взглядѣ ихъ видна чистая кровь и душа неиспорченная. Константинъ, кажется, воинъ и душой и тѣломъ, со всею военною ловкостью... Александръ замѣчательно красивъ, высокаго роста, но граціозность не мѣшаетъ мужественному его виду, и выраженіе лица у него гораздо прелестнѣе чѣмъ у брата, хотя у нихъ общій air de famille. У Константина болѣе блеску въ глазахъ и глаза красивѣе, но у Александра черты лица совершенно правильныя; у него придворныя располагающія манеры, и онъ разговорчивѣе брата въ обществѣ. Жаль только, что при этой необыкновенной любезности есть какая-то лѣнь и вялость въ его манерѣ... Братья чрезвычайно привязаны другъ къ другу и постоянно вмѣстѣ. Константинъ имѣетъ больше характера и отъ того владѣетъ совершенно старшимъ братомъ, что̀ не мѣшаетъ однакоже взаимному ихъ довѣрію“.

Великій Князь Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Гатчины познакомиться съ принцессами. Герцогиня съ дочерьми должна была итти къ нему для перваго знакомства, въ его комнаты, черезъ весь дворецъ, но осталась довольна его любезностью; потомъ онѣ были у В. Князя Александра Павловича. Герцогиня пишетъ, что она устала до крайности отъ этихъ визитовъ, потому что надо было пройти по дворцу по крайней мѣрѣ три мили. Только что успѣли онѣ вернуться въ свои комнаты, какъ В.К. Павелъ Петровичъ пришелъ отдать имъ визитъ. Въ тотъ же день герцогиня описываетъ блестящій балъ и театръ въ Эрмитажѣ. Начиная съ Императрицы, всѣ удивляются красотѣ дочерей ея, о чемъ она пишетъ съ восторгомъ.

Разсказъ становится интереснѣе съ 5-го письма, отъ 24 Октября. „Все рѣшено—пишетъ герцогиня,—и рѣшено такъ, какъ ты ожидалъ. Звѣзда Юліина взяла верхъ, и лучше что такъ вышло. У Юліи больше достоинства и характера, чѣмъ у нашей милой, слишкомъ доброй Натты. На взглядъ Императрицы всѣхъ красивѣе Софія, и она сказала другу нашему генералу Будбергу: Si je pouvais, je les garderais toutes les trois; mais comme c'est Constantin qui se marie, il choisira“ (Еслибъ можно было, я оставила бы всѣхъ трехъ; но Константину жениться—пусть онъ выбираетъ). Въ итальянской оперѣ Императрица сказала мнѣ: Il vous faut quelques jours de repos (Надо вамъ отдохнуть нѣсколько дней). Эти дни отдыха я приняла съ благодарностью и пробыла дома среду и четвергъ (21 и 22)“.

„Въ пятницу утромъ мы поѣхали кататься по городу. Трудно себѣ представить что нибудь прекраснѣе новаго города и набережной Невы. Въ полдень къ намъ собралась вся наша обыкновенная обѣденная компанія. Послѣ обѣда мы пошли съ генерал. Будбергомъ въ Эрмитажъ, смотрѣть картины и разныя произведенія искусства. Картинъ здѣсь множество, но

онѣ очень разнообразнаго достоинства. Очень хороши картины Анжелики Кауфманъ, но болѣе всего понравилась мнѣ картина „Смерть Отца". Въ безконечной амфиладѣ залъ и галерей всего прежде бросается въ глаза обширный видъ на Неву, покрытую множествомъ большихъ и малыхъ судовъ и, по ту сторону рѣки, на Васильевскій островъ, съ прекраснѣйшими зданіями, кадетскимъ корпусомъ, Академіей и пр.: всѣ они кажутся такими чистыми и свѣжими—точно модели".

„Изъ большой столовой съ колоннами мы вошли въ билліардную и здѣсь застали Константина одного. Онъ смутился немного, но тотчасъ оправился и сказалъ, что Императрица велѣла ему показать намъ собраніе рѣдкостей. Со мной онъ разговаривалъ безъ перерыву; но съ дѣвицами не имѣлъ духу сказать ни слова. Онъ отлично говоритъ по французски и имѣетъ много свѣдѣній для своихъ лѣтъ".

„Когда мы кончили, я пригласила Константина пить съ нами чай. Онъ покраснѣлъ до ушей, но съ большимъ удовольствіемъ пошелъ съ нами въ наши комнаты, и мнѣ показалось точно я у себя дома въ Кобургѣ. Все еще не рѣшаясь заговорить съ дѣвицами, онъ обращался все ко мнѣ и къ Будбергу. Будберга онъ безмѣрно любитъ и всякую минуту беретъ его за руку, чтобы показать, какъ онъ цѣнитъ его. Je le crains extrémement — говорилъ онъ мнѣ—et je n'ai jamais craint que lui; car M. Sacken, je le mettais en poche. (Я ужасно боюсь его, и его только одного всегда боялся: съ Сакеномъ я что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ). *Будбергъ*: Mais, monseigneur, je n'étois point auprès de vous. (Но я вѣдь не былъ при васъ, Ваше Высочество). *Константинъ*: Mais on venait vous chercher pour me laver la tête. (Да, только за вами посылали, когда нужно было побранить меня). При всякомъ случаѣ Константинъ повторяетъ: Le général Budberg est le plus honnête homme que nous ayons (Ген. Будбергъ у насъ самый честный человѣкъ). Александръ тоже очень къ нему привязанъ, и оба брата выказываютъ къ нему любовь свою самымъ лестнымъ для него образомъ. Съ другими придворными они просто учтивы, но съ генераломъ обращаются какъ съ отцомъ. Только съ однимъ Зубовымъ они въ близкихъ отношеніяхъ, и это уклоненіе отъ прочихъ придворныхъ помогаетъ имъ соблюдать чистоту душевную".

„Екатерина, во всемъ предусмотрительная, устроила какъ нельзя болѣе разумно воспитаніе обоихъ молодыхъ людей и теперь видитъ себѣ награду въ нихъ: оба они вышли превосходны. У Константина такая прямая душа, столько простоты, столько сочувствія ко всему великому, и въ тоже время столько скромности. Самое сильное его желаніе—сдѣлать кампанію. A la tête de votre regement? (Съ вашимъ полкомъ) спрашиваетъ Будбергъ. Non, mon ami, отвѣчаетъ онъ, je ne suis pas fait encore pour commander un regiment, je veux apprendre obéir, pour servir un jour ma patrie. (Нѣтъ, мой другъ, я еще не доросъ до того, чтобы командовать полкомъ, я хочу еще учиться слушать другихъ, чтобы послужить своему отечеству). И когда онъ говорилъ это, столько прямоты и благородства выражало его лицо. Будбергъ взглянулъ на меня съ восторгомъ. Привязанность братьевъ другъ къ другу замѣчательна. Константинъ говоритъ мнѣ: Je ne sais pas si mon frère peut se passer de moi: moi, sans Alexandre, je ne pourrais point vivre. (Не знаю, можетъ ли братъ обойтись безъ меня, а я жить не могу безъ Александра). Вчера Александръ спрашивалъ меня, довольна ли я его братомъ: Il est un peu étourdi, mais il est si bon. (Онъ немного легкомысленъ, но такъ добръ!) Они, кажется, дополняютъ другъ друга своимъ различіемъ въ характерахъ. Чего нельзя ожидать со временемъ отъ

этихъ молодыхъ людей! Императрица слѣдитъ за ними съ восторгомъ. Оба они чрезвычайно привязаны къ дому, и оба, особливо младшій, ненавидятъ придворныхъ. Въ разговорѣ со мною, Константинъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ высказывалъ презрѣніе свое къ людямъ, которые гонятся за милостями высочайшихъ особъ, и выражалъ свое опасеніе, какъ бы братъ его не подчинился вліянію этихъ людей. Будбергъ улыбнулся и сказалъ: Il vous auront également, Monseigneur. (Они достанутъ и васъ, Ваше Высочество). Тутъ начались увѣренія, что этого никогда не будетъ, и я дивилась, какъ разумно говорилъ Великій Князь и какъ судилъ вѣрно. Pas les gentilshommes de la chambre, mais les officiers vous auront, — замѣтилъ Будбергъ (у васъ будутъ только не кавалеры придворные, а офицеры). — Au moins, pas ceux des gardes (только ужъ не гвардейскіе) возразилъ Константинъ; но потомъ, когда со стороны Будберга было еще нѣсколько замѣчаній, прибавилъ: Il est vrai, que je suis jeune et sans experience; mais il se trouvera pourtant quelque honnête homme qui me montera les pièces. Vous viendrez à mon secours, Budberg. (Правда, что я молодъ и неопытенъ; но найдется же честный человѣкъ, кто мнѣ приготовитъ оружіе. Вы мнѣ поможете, Будбергъ). Онъ протянулъ руку Будбергу, который прижалъ ее къ сердцу со слезами на глазахъ. Я разсказываю все это съ подробностями, чтобы дать тебѣ понятіе о характерѣ Вел. Князя. Правда, что въ немъ по временамъ видится еще много дѣтскаго. Онъ весь покраснѣлъ, когда Будбергъ съ улыбкою посмотрѣлъ на него".

„Передъ ужиномъ Вел. Князь взялся за трость и за шляпу и хотѣлъ уходить; но, кажется, очень обрадовался, когда я пригласила его остаться. За столомъ пажъ хотѣлъ служить ему, но Вел. Князь сказалъ пажу съ величайшей учтивостью: „Je vous prie, Monsieur, ne vous incommodez pas; je n'aime pas qu'un gentilhomme qui sera un jour mon camarade, soit derrière ma chaise. N'est ce pas, Monsieur, nous servirons ensemble? (Прошу васъ, сударь, не безпокоиться; мнѣ непріятно думать, что дворянинъ, который будетъ мнѣ послѣ товарищемъ, стоитъ у меня за стуломъ. Не правда ли, мы будемъ служить вмѣстѣ?) Молодой пажъ, лѣтъ 18-ти, отодвинулся, краснѣя; но на лицѣ его, казалось, можно было прочесть: вся жизнь моя готова вамъ на службу".

„Константинъ гуляетъ каждое утро по городу въ сопровожденіи одного только офицера, безъ служителя, ходитъ между народомъ, вступаетъ въ разговоры, и когда замѣчаетъ какіе нибудь безпорядки, тотчасъ сообщаетъ Императрицѣ. Сама она мнѣ объ этомъ разсказывала, замѣтивъ при томъ: Il se trompe parfois, et nous causons très sérieusement tous les matins pour le moins une heure (иногда онъ обманывается, и мы съ нимъ бесѣдуемъ по крайней мѣрѣ часъ каждое утро). Совершенное довѣріе, которое Великій Князь питаетъ къ Императрицѣ, сердечное, нѣжное обращеніе всѣхъ членовъ этой семьи другъ съ другомъ, отдаленіе отъ придворныхъ, которые всегда представляются мнѣ точно зрителями въ партерѣ — вотъ что меня поражаетъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство глубокой радости, когда подумаю, что оставляю въ такомъ семействѣ дитя мое. Вотъ почему я совершенно довольна, что судьба Юліи такъ устроилась. До свадьбы она будетъ жить съ молодыми Великими Княжнами. Къ Александрѣ и къ Еленѣ она уже привязалась съ обыкновенною своею горячностью; съ ними она и останется на попеченіи умной ихъ воспитательницы г-жи Ливенъ. Это женщина съ характеромъ, знаетъ въ совершенствѣ, что требуется для воспитанія молодыхъ дѣвицъ и умѣетъ внушить имъ достаточно къ себѣ уваженія".

Въ слѣдующемъ письмѣ герцогиня говоритъ: „Вчера послѣ обѣда Константинъ опять пришелъ къ намъ, и принесъ гравированный портретъ Императрицы, который я видѣла въ Эрмитажѣ. Въ этотъ вечеръ онъ себя чувствовалъ болѣе по домашнему и совершенно занялся дѣвицами, но смотрѣлъ все на одну Юлію. Она была чудесно хороша, въ атласной рубашкѣ небесно-голубаго цвѣта; волосы перевиты гирляндой изъ бѣлыхъ розъ. Вел. Князь непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онѣ играли на фортепьяно и пѣли. Ты знаешь, какъ Юлія умѣетъ аккомпанировать. Софія стала рисовать пирожницу, какъ она стоитъ на углу улицы. Константину хотѣлось, чтобъ она нарисовала двухъ гусаровъ—онъ былъ въ восторгѣ: такъ и сказывались въ немъ 16 лѣтъ. Софія прибавила ему гусаровъ, потомъ музыканта, потомъ кучера въ Русскомъ костюмѣ. Константинъ — онъ немножко близорукъ—сидѣлъ за плечомъ у нея позади и поправлялъ костюмъ въ рисункѣ, и говорилъ все по-нѣмецки, замѣтивъ, что его ломанная нѣмецкая рѣчь забавляетъ дѣвицъ. Онъ шутилъ безпрестанно съ Софіей и съ Антуанеттой, — ни разу съ Юліей. Въ этотъ вечеръ онъ ужиналъ съ нами. И сегодня онъ пришелъ бы, Императрица позволила ему, но сказала: Il faut demander à votre ami Budberg (спросись у своего друга). Вел. Князь не рѣшился спросить самъ и, когда мы вернулись изъ французскаго спектакля, послалъ къ Будбергу гр. Зубова. Зубовъ, смѣясь, передалъ порученіе, но вернулся, увы! съ рѣшительнымъ отказомъ. Генералъ имѣлъ на это свои причины, и былъ правъ. Великому Князю Александру позволяли видѣться часто съ принцессою Баденскою, и генералъ замѣтилъ по этому случаю: Il vaut mieux faire désirer le bonheur au petit; il lui en sera plus cher. (Лучше пусть молодой человѣкъ потомится въ ожиданіи счастья — тѣмъ оно будетъ ему дороже). Зубовъ — другъ и довѣренный человѣкъ у обоихъ Великихъ Князей, и они могутъ всегда разсчитывать на добрую его услугу. Теперь Константинъ постоянно ходитъ съ нимъ рука объ руку."

Наконецъ 24 Октября рѣшена была участь принцессы. 25 Октября (7-е письмо) герцогиня пишетъ: „Юлію обручили вчера вечеромъ. Это была картина самая трогательная. Какъ былъ тронутъ, какъ былъ нѣженъ добрый, неиспорченный юноша! Ни одного зятя не буду я любить столько, сколько люблю этого. Не найдешь другаго такого — отличнаго, умнаго, съ такимъ чистымъ сердцемъ!"

„Вчера послѣ обѣда, около 6 часовъ, Константинъ пришелъ ко мнѣ дѣлать формальное предложеніе. Онъ провелъ цѣлый день съ гр. Зубовымъ, который, вмѣстѣ съ Будбергомъ, долго читалъ ему наставленія по случаю чрезмѣрной его живости. Онъ вошелъ въ комнату блѣдный, опустивъ глаза, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: Madame, je viens vous demander la main de Madame votre fille. (Сударыня, я пришелъ у васъ просить руки вашей дочери). Я было приготовила на этотъ случай прекрасную рѣчь, но вмѣсто того зарыдала. Онъ вмѣстѣ со мною прослезился и молча прижалъ къ губамъ мою руку. Когда я опомнилась, я стала говорить, что его попеченію поручаю счастье своей дочери, что чувствительность ея души поможетъ ему дать ей необыкновенное счастье, но прибавитъ ей и страданья въ несчастьи. Я сказала: въ такой дали отъ родины и отъ родныхъ, я поручаю вамъ судьбу ея. Съ этой минуты ея участь и счастіе зависитъ отъ васъ".

„Дальше не помню, что́ я говорила ему и что́ ему внушило отвѣчать мнѣ его доброе сердце. Я слишкомъ была взволнована. Будбергъ прижалъ его къ груди своей и вышелъ изъ комнаты, тоже въ слезахъ. Послали за Юліей.

Она вошла въ комнату блѣдная. Онъ молча поцѣловалъ у ней руку; она тихо плакала: — я никогда не видала ее такою хорошенькой какъ въ эту минуту. N'est ce pas, vous m'aimerez un jour? (Не правда ли, вы со временемъ меня полюбите?) сказалъ Константинъ. Юлія взглянула на него такъ выразительно-нѣжно и сказала: Oui, je vous aimerai de tout mon coeur. (Да, я буду любить васъ всѣмъ сердцемъ)".

„Невольно я вскрикнула: Боже мой! отъ чего отецъ не можетъ всего этого видѣть? Тутъ Юлія, которая такъ тебя любитъ, громко заплакала. Константинъ взялъ ее за обѣ руки, прижалъ ихъ къ сердцу и сказалъ съ полнымъ выраженіемъ той прямоты, на которую мы такъ крѣпко можемъ положиться: Je vous jure, Madame, devant Dieu, que vous reverrez votre père, je vous promets de vous mener en Allemagne, je ne sais pas quand; cela dépend de Sa Majesté, mais je tiens fidelement à ce que je promets, vous reverrez votre père et je le verrai aussi. (Клянусь вамъ передъ Богомъ, что вы увидите батюшку; обѣщаю вамъ, что повезу васъ въ Германію; не знаю когда, это зависитъ отъ Ея Величества; но чтó я обѣщаю, того крѣпко держусь — вы увидите батюшку, и я его увижу). Потомъ, обратясь ко мнѣ, онъ поцѣловалъ мою руку и сказалъ: Oui, Madame, vous la reverrez, je vous le promets. (Да, вы ее увидите, обѣщаю вамъ)".

„Мы сидѣли вмѣстѣ цѣлый вечеръ и были такъ счастливы, но въ груди у меня была боль, такъ что я едва могла говорить. Молодой человѣкъ сидѣлъ возлѣ своей скромной невѣсты, или возлѣ меня, на ручкѣ дивана и, цалуя мою руку, повторялъ: Que je vous aime (какъ я васъ люблю). Разумѣется, это относилось къ Юліи".

„Сегодня большое празднество. Я видѣла, столько ужь проѣхало великолѣпныхъ экипажей. Я сижу и пишу, въ великолѣпномъ уборѣ — сейчасъ идемъ въ церковь".

Послѣ обѣда герцогиня пишетъ: „Сейчасъ только вышли отъ меня оба брата, Вел. Князья. Что они за милые молодые люди! Какъ счастливъ Александръ счастьемъ брата, съ какимъ сердечнымъ сочувствіемъ онъ встрѣчаетъ его — это просто трогательно! Безгранична и довѣренность младшаго брата къ старшему, и по лѣтамъ и по мысли. Не часто можно встрѣтить такую сердечную нѣжность, какова между этими братьями. Александръ увѣряетъ меня, что братъ его совсѣмъ влюбленъ: они сидѣли вчера до поздней ночи въ бесѣдѣ, и Александръ давалъ брату много добрыхъ совѣтовъ; Юлія будетъ очень счастлива въ этомъ семействѣ".

Тутъ же описывается свиданіе съ Екатериною. „Императрица послала за нами, и мы застали ее въ концѣ параднаго туалета—она надѣвала послѣдній орденъ. Она приняла насъ съ необыкновенною любезностью, цѣловала Юлію по крайней мѣрѣ разъ двадцать и сказала мнѣ: Je puis vous dire qu'elle plait au public autant qu'à Constantin. (Могу вамъ сказать, что она нравится публикѣ столько же, сколько и Константину). Когда туалетъ окончился, Императрица пошла къ обѣднѣ, и мы пошли за нею." Затѣмъ описываются торжественный выходъ Императрицы и поздравленія. 7-го Ноября назначенъ былъ обратный выѣздъ герцогини изъ Петербурга. „Я могу спокойно оставить здѣсь Юлію, пишетъ она. Здѣсь объ ней заботятся, какъ лучше желать нельзя. Будущею Dame d'honneur назначена къ ней нѣмка изъ Лифляндіи, жена генерала Рейнера. Нельзя довольно благодарить Бога, что все такъ отлично устроилось. Подлинно, принцъ Фридрихъ (герцогъ Кобургъ-Заальфельдскій, Австрійскій генер.-фельдмаршалъ, умеръ 1815 г.) всегда называлъ Императрицу: Le héros de votre famille (герой вашей фамиліи)." Дѣйствительно, все семейство герцогини осыпано было

милостями и подарками. Передъ маскарадомъ, 5-го Ноября, Императрица прислала герцогинѣ цѣлую корзину съ брилльянтовыми вещами: ей самой брилліантовое ожерелье, серги, цвѣтокъ на голову, пару жемчужныхъ браслетъ и кольцо съ огромнымъ брилліантомъ; двумъ старшимъ дочерямъ—каждой ожерелье, серги, кольца и цвѣтокъ на голову; невѣстѣ: брилльянтовый головной уборъ и великолѣпные браслеты. Придворной ихъ дамѣ, г-жѣ Вагенгеймъ — тоже кольцо и серги. Принцессѣ-герцогинѣ присланъ былъ вексель для полученія въ Лейпцигѣ 80,000 рублей для нея самой и для каждой изъ двухъ дочерей по 50,000 р. Г-жа Вагенгеймъ получила 3000 р. и всѣмъ служителямъ розданы дорогіе подарки. Оба сына герцогини—старшій Эрнестъ (наслѣдный герцогъ Кобургскій), младшій Леопольдъ (въ послѣдствіи король Бельгійскій) — записаны капитанами въ Петербургскій гренадерскій полкъ Вел. Князя Константина Павловича. Послѣднее 9-е письмо, отъ 7-го Ноября, все наполнено описаніемъ послѣднихъ дней пребыванія герцогини въ Петербургѣ. 30 Октября былъ спектакль въ Эрмитажѣ; 31-го ужинъ у Вел. Кн. Александра Павловича; 1-го Ноября — цѣлый день гости провели съ Императрицею въ Таврическомъ дворцѣ. Въ слѣдующіе дни Вел. Князь Константинъ Павловичъ показывалъ имъ Смольный монастырь, Кадетскій Корпусъ и Академію художествъ. 5-го Ноября былъ во дворцѣ великолѣпный маскарадъ, въ которомъ собраны были представители разныхъ мѣстностей и племенъ Россіи въ мѣстныхъ и національныхъ костюмахъ. 6-го числа, послѣ вечерняго собранія въ Эрмитажѣ, герцогиня простилась съ Великими Князьями и на слѣдующее утро выѣхала, съ обѣими старшими дочерьми, въ обратный путь.

Любопытно замѣтить, что въ описаніи всѣхъ сценъ, слѣдовавшихъ за помолвкою, ни разу не упоминается о родителѣ жениха, Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. Только на обратномъ пути изъ Петербурга, 8 числа, герцогиня заѣзжала къ нему въ Гатчину. „Мы были очень любезно приняты,—пишетъ она,— но здѣсь я очутилась въ атмосферѣ совсѣмъ не похожей на Петербургскую. Вмѣсто непринужденности, царствующей при императорскомъ дворѣ, здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій Князь уменъ и можетъ быть пріятенъ, когда захочетъ; но у него много непонятныхъ странностей, и между прочимъ та, что около него все устроено на прусскій ладъ и еще по стариннымъ образцамъ прусскимъ: какъ только въѣзжаешь въ его владѣнія, такъ появляются трехцвѣтные (черные, красные и бѣлые) шлагбаумы, съ часовыми, которые на прусскій манеръ окликаютъ проѣзжающихъ. Всего хуже то, что эти солдаты — Русскіе, обращенные въ Прусаковъ, и одѣты по старинной формѣ Фридриха Вильгельма перваго.“ Въ Гатчинѣ гости провели ночь, по приглашенію Вел. Князя, и на утро отправились далѣе. На дорогѣ настигъ ихъ майоръ Курута, курьеръ изъ Петербурга: съ нимъ Великій Князь прислалъ брилльянтовые знаки Св. Екатерины, которыхъ видно не успѣли приготовить къ ихъ отъѣзду, и письма отъ обрученной невѣсты, которая увѣдомляла между прочимъ, что ее началъ уже учить Русскому языку маіоръ Муравьевъ, офицеръ, служившій подъ начальствомъ Вел. Князя Константина Павловича. Въ Ригѣ оканчиваются письма принцессы Кобургской.

ИРИНЕЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ПСКОВСКІЙ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ, ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ.

Въ прошломъ году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ газетѣ „Москва“ (въ послѣдней, впрочемъ, со словъ перваго) появилось извѣстіе о пожалованіи архіепископу Иринею (Клементьевскому) Императоромъ Павломъ Петровичемъ генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ, для ношенія на рясѣ (1). Чтобы разъяснить обстоятельства подавшія поводъ къ извѣстію объ этомъ оригинальномъ пожалованіи, въ настоящей статьѣ представляются соображенія, на основаніи которыхъ извѣстіе объ аксельбантахъ мы позволяемъ себѣ считать недоказаннымъ. И къ такому приговору мы пришли, не вслѣдствіе поверхностной только оцѣнки приводимаго извѣстія; но пунктуально прослѣдивъ обстоятельства жизни и службы почившаго архипастыря.

Считаемъ долгомъ также заявить, что этотъ очеркъ жизни Высокопреосвященнаго Иринея составленъ, исключительно, по офиціальнымъ документамъ, хранящимся въ архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, гдѣ должно бы, по необходимости, найтись извѣстіе о присвоеніи архипастырю, бывшему членомъ Сѵнода, какихъ бы то ни было служебныхъ отличій. На этомъ основаніи, тщательный просмотръ всего относящагося до служебной дѣятельности высокопреосвященнаго Иринея могъ раскрыть дѣйствительно все, что̀ было на самомъ дѣлѣ съ нимъ, указавъ даже прямые и точные поводы и на подобное пожалованіе, если бы, какъ заявлено печатно, это было совершившимся фактомъ. Мы, между тѣмъ, нашли о дѣятельности архипастыря только то, что̀ здѣсь разскажемъ, дополняя пробѣлы фактами уже извѣстными въ печати, но неиначе какъ по тщательной провѣркѣ ихъ.

(1) Русскій Вѣстникъ, 1868 г., Апрѣль, ст. «Изъ прошлаго», стр. 463. «Москва», 1868 г., 13 Августа, № 107.

Отецъ преосвященнаго Иринея, Андрей Михайловъ, занималъ священническое мѣсто въ селѣ Лухъ, изъ котораго, въ 1753 г., переведенъ въ с. Клементьево, Ковровскаго уѣзда, въ 60 верстахъ отъ уѣзднаго города, по дорогѣ изъ Суздаля въ Шую. Въ Февралѣ (2) того же года, здѣсь у него родился второй сынъ Иванъ (3), получившій по этому фамилію Клементьевскаго, когда онъ поступалъ въ духовное училище (4), сперва, можетъ быть, какъ простое указаніе, откуда привезенъ.

Въ 1760 г. Клементьевскій священникъ Андрей Михайловъ былъ переведенъ на третье мѣсто въ г. Москву, къ Николаевской церкви на Студицахъ (Ивановскаго сорока) „раннимъ викарнымъ“ священникомъ, гдѣ и умеръ, въ 1774 г., когда сынъ его Иванъ, будущій іерархъ, оканчивалъ курсъ въ тамошней духовной академіи. Въ академіи Иванъ Клементьевскій обучался: „Философіи, богословію и исторіи, языкамъ греческому, латинскому и еврейскому, которыхъ, также и другихъ разныхъ классовъ, былъ въ той академіи учите-

(2) Какъ утверждаетъ протоіерей Косьма Чередѣевъ въ сочиненіи своемъ: «Біографіи Тверскихъ іерарховъ отъ начала существованія архіерейской каѳедры въ г. Твери и донынѣ» (стр. 143. Тверь 1859 г.).

(3) Семейство священника Михайлова состояло: изъ жены Анны Игнатьевой, двухъ сыновей, Егора, умершаго въ младенчествѣ, Ивана впослѣдствіи архіепископа Псковскаго, и дочери Настасьи, бывшей въ замужествѣ за протоіереемъ Московской Спасской церкви, что̀ на Глинищахъ, Петромъ Семеновымъ.

(4) Бывало, впрочемъ, въ прежніе годы, что смотрители духовныхъ училищъ и ректоры семинарій перемѣняли и дѣйствительныя фамиліи поступавшихъ мальчиковъ, просто потому, что имъ онѣ не нравились. Мнѣ извѣстны три родныхъ брата, обучавшіеся въ одной семинаріи и получившіе три разныхъ фамиліи: Сучковъ, Листовъ и Цвѣтковъ.

лемъ“ (5). Въ томъ же (1774) году, молодой ученый постригся въ монашество, съ именемъ Иринея, и черезъ два года (1776 г.) произведенъ въ игумена Московскаго Знаменскаго монастыря, съ оставленіемъ въ должности „Московской академіи проповѣдника.“ Въ 1784 же году, 25 Декабря, игуменъ Ириней Арсеніемъ, епископомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ, посвященъ въ архимандрита Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря и, кромѣ того, опредѣленъ префектомъ и профессоромъ „богословскаго ученія“ въ мѣстную семинарію (6) и присутствующимъ въ Консисторіи (7). Въ томъ же 1786 г., по опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, архимандритъ Ириней былъ вызванъ въ С.-Петербургъ „для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди Слова Божія.“ Ему, исключительно, одному изъ трехъ архимандритовъ, вызываемыхъ въ столицу, предписывалось: „взявъ съ собою изъ монастыря пристойную для священнослуженія ризницу и однаго іеродіакона, отправиться въ Санктъ-Петербургъ и явиться Святѣйшему Сѵноду, къ 1-му числу Генваря того 1787 г., неотмѣнно“ (8).

Несмотря на строгость указа, Ириней явился только 11-го Января и, какъ значится въ Сѵнодальномъ журналѣ: „впущенъ былъ предъ собраніе Святѣйшаго Сѵнода, и о вступленіи ему, архимандриту, въ отправленіе помянутой должности дано благословеніе“.

Проповѣди молодаго, 34 лѣтняго, „благообразнаго“ архимандрита, одареннаго даромъ слова, слушались при дворѣ Екатерины II болѣе, чѣмъ снисходительно. Проповѣдникъ не вдавался въ глубокія богословскія разсужденія и не забивалъ вниманія своихъ слушателей непонятными для многихъ схоластическими тонкостями толкованія Священнаго Писанія, безъ которыхъ не произносилось въ то время ни одно поученіе. Простая рѣчь его имѣла успѣхъ: изъ 13-ти проповѣдей, сказанныхъ имъ въ С.-Петербургѣ, съ 1787 г., въ теченіи четырехъ лѣтъ, 10-ть произнесены въ большой придворной церкви, въ присутствіи Императрицы и Августѣйшаго семейства Ея (9). Даровитый придворный проповѣдникъ, Высочайшимъ указомъ 1788 г., Маія 6 дня, назначенъ былъ членомъ Святѣйшаго Сѵнода (10), а опредѣленіемъ Святѣйшаго

(5) Въ показаніяхъ же родныхъ племянниковъ его, между прочимъ, заявлено, «что онъ былъ еврейскаго языка учителемъ и Перервинской семинаріи префектомъ».

(6) Митрополитъ Кіевскій Самуилъ донесъ Святѣйшему Сѵноду, что «сего Іюля 11 числа (1784 г.) Кіевобратскаго монастыря архимандритъ и академіи ректоръ Кассіанъ, съ подобающимъ истинному христіанину порядкомъ, скончался. Святѣйшій Сѵнодъ назначилъ на мѣсто умершаго, архимандрита Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря Варлаама. Съ открытіемъ вакансіи въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, преосвященный Арсеній просилъ Святѣйшій Сѵнодъ опредѣлить изъ Московской академіи проповѣдника игумена Иринея», въ тѣхъ особенно видахъ, что въ Ярославской семинаріи не имѣется префекта и богословіи учителя.

(7) Въ 1786 г., открылась настоятельская вакансія въ Богоявленскомъ второклассномъ монастырѣ (Ростовской епархіи), архимандритъ котораго Авраамъ былъ переведенъ въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. Архіепископъ Арсеній, ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ объ Иринеѣ, какъ о человѣкѣ, который «къ заступленію въ Богоявленскомъ монастырѣ настоятельской вакансіи постепенно и по достоинствамъ способенъ занять,» но ходатайство его оставлено Святѣйшимъ Сѵнодомъ безъ удовлетворенія.

(8) Съ архимандритомъ Иринеемъ были вызваны архимандриты: Аполлосъ, настоятель Воскресенскаго и Антоній—Троицкаго Зеленецкаго монастыря.

(9) Поученія архимандрита Иринея напечатаны въ 1791 г., въ типографіи Святѣйшаго Сѵнода, въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Собраніе поучительныхъ словъ, сказанныхъ при Высочайшемъ дворѣ Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшія Государыни Екатерины вторыя, и въ другихъ мѣстахъ, Сѵнодальнымъ членомъ, Новгородскаго Юрьева монастыря архимандритомъ Иринеемъ“.

(10) Святѣйшій Сѵнодъ, по поводу назначенія архимандрита Иринея своимъ членомъ, 28 Января 1788 г., представилъ Государынѣ слѣдующаго содержанія всеподданнѣйшій докладъ: „По Высочайше конфирмованному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ 1763 г., Октября 1 дня, штату положено быть въ Сѵнодѣ чле-

Сѵнода, 21-го числа слѣдующаго мѣсяца, переведенъ архимандритомъ же въ Юрьевъ монастырь, на тѣхъ основаніяхъ, какъ сказано въ опредѣленіи, что

нами: двумъ архимандритамъ съ жалованьемъ по оному жъ штату, и по Высочайше утвержденному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, въ 1764 г. Октября 27 дня, подносимому отъ коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ росписанію, каждому по тысячи, по сту, по семидесяти по три рубли съ копѣйками въ годъ; но нынѣ сіи оба мѣста состоятъ праздны. Хотя же по особливымъ имяннымъ Вашего Императорскаго Величества 1774 г. Іюня 21 и Сентября 30 числъ Высочайшимъ указомъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ члены Сѵнода Вашего Императорскаго Величества духовникъ Благовѣщенскаго собора протоіерей Іоаннъ, съ жалованьемъ по 1 т. руб. въ годъ, однако за включеніемъ и сего жалованья въ число положенной по штату на всѣхъ Сѵнодальныхъ членовъ суммы, остается еще ежегодно не въ производствѣ отъ одного архимандрита сто семьдесятъ три рубли три копѣйки три четверти, а отъ другаго полный окладъ: тысяча сто семьдесятъ три рубли три копѣйки три четверти, отъ обоихъ же 1346 рублевъ 7 копѣекъ съ половиною. Вслѣдствіе сего штатнаго положенія Сѵнодъ пріемлетъ смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству, не угодно ли будетъ Всемилостивѣйше повелѣть на одну изъ упомянутыхъ ваканцій опредѣлить въ члены Сѵнода изъ архимандритовъ, имѣющихъ способность и къ сказыванію проповѣдей, къ чему по усмотрѣнію Сѵнода оказуются достойными бывшіе здѣсь, въ 1786 и 1787 годѣхъ, по силѣ имянныхъ Вашего Императорскаго Величества 1769 года, Августа 9 и 26 числъ, Высочайшихъ указовъ на чредѣ священнослуженія и для сказыванія проповѣдей архимандриты монастырей ставропигіальнаго Новоіерусалимскаго: Аполлосъ и Ростовской епархіи, БорисоглѣбскагоИриней, о которыхъ относительно природы ученія ихъ и прохожденія должностей при семъ подносится вѣдомость; котораго же изъ нихъ или другаго кого въ помянутое званіе повелѣно будетъ опредѣлить, о томъ Сѵнодъ всеподданнѣйше предаетъ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества благоволенію".

Изъ вѣдомости видно, что архимандритъ Аполлосъ былъ и старше Иринея и получилъ высшее образованіе. Вотъ содержаніе вѣдомости: „Ставропигіальнаго Новоіерусалимскаго монастыря Аполлосъ природою изъ Малороссіянъ, обучался въ Московскихъ: академіи и университетѣ: философіи, богословіи, исторіи, математики, языкамъ: латинскому, еврейскому, греческому, а по нѣсколько итальянскому и французскому; былъ въ той же академіи поэзіи и риторики учителемъ, въ монашество постриженъ въ 1774 г., а въ 1775 опредѣленъ въ семинарію Троицкія лавры ректоромъ и богословіи учителемъ, и присутствовалъ Московской епархіи, въ Радонежскомъ духовномъ правленіи; во архимандрита произведенъ въ 1783 г. въ Ставропигіальный Московскій Заиконоспасскій монастырь, со исправленіемъ въ академіи должностей ректорской и учителя богословіи, и въ 1786 году находился въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божія и въ тоже время переведенъ въ помянутый Воскресенскій монастырь".

Въ Маѣ 6-го дня 1788 г., послѣдовалъ имянный Высочайшій указъ, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: „Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря архимандриту Иринею присутствовать въ Нашемъ Синодѣ".

монастырь „въ недальномъ отъ Санктъ-Петербурга положеніи" ([11]).

Не прошло и четырехъ лѣтъ, послѣ пожалованія его членомъ Святѣйшаго Сѵнода, какъ предъ нимъ открылось новое обширнѣйшее поле дѣятельности.

Въ 1792 г., епископъ Астраханскій Никифоръ уволенъ былъ отъ управленія епархіею. Святѣйшій Сѵнодъ, приступая къ избранію на открывшуюся ваканцію кандидата, представилъ Императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ ([12])

([11]) Въ Ноябрѣ 1789 г. Ириней подалъ Императрицѣ просьбу, въ которой просилъ уволить его въ Юрьевъ монастырь „для исправленія экономическихъ по нему надобностей". Отпускъ ему былъ разрѣшенъ на короткое время. Въ собраніи Святѣйшаго Сѵнода, 28 Ноября, преосвященный Гавріилъ объявилъ ему, что Государыня разрѣшила ему пробыть въ монастырѣ не болѣе 28 дней, т. е. отъ 3 Декабря по 1 Января 1790 года.

([12]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, обстоятельства увольненія епископа Никифора и избраніе кандидата на вдовствующую каѳедру изложены въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Астраханская епархія между второклассными имѣетъ вторую, слѣдовательно предъ Псковскою и Тверскою епархіями гораздо высшую степень, призналъ на оную кандидатами присутствующихъ членовъ Сѵнода: архіепископа Псковскаго Инокентія и епископа Тверскаго Тихона, но первый изъ нихъ просилъ его въ кандидаты на сію епархію, за отдаленностію ея, не включать, а Тверской епископъ охотно объявилъ на то свое согласіе".

„По сему Сѵнодъ пріемлетъ смѣлость всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть помянутаго епископа Тверскаго Тихона перевести въ Астраханскую епархію архіепископомъ,

(7-го мая 1792 г.), въ которомъ, между прочимъ, выразилъ слѣдующее: „Сѵнодъ признаетъ достойными архимандритовъ: Сѵнода члена, Юрьева монастыря Иринея, да Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павла“ (13).

съ оставленіемъ ему и именованія Сѵнода члена, согласно имянному Высочайшему указу, 1767 г. Апрѣля 1-го дня, которымъ повелѣно: Буде кто отъ Вашего Императорскаго Величества опредѣлены будутъ къ присутствію въ Сѵнодѣ, тѣхъ съ того времени именовать и писать Сѵнодальными членами. И когда на сіе послѣдуетъ Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе, то къ произведенію во епископа Тверскаго Сѵнодъ признаетъ достойными архимандритовъ: Сѵнода члена, Новгородскаго Юрьева монастыря Иринея, да Московскаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павла; а котораго изъ нихъ или кого другаго указано будетъ посвятить, и кто посвященъ будетъ, тому повелѣно ль будетъ на мѣстѣ предшественника своего, помянутаго епископа Тихона, присутствовать въ Сѵнодѣ на томъ основаніи, какъ о немъ имяннымъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, 1788 г., Мая 6 дня, предписано“.

„Все сіе Сѵнодъ предаетъ высокомонаршему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, прилагая и вѣдомость объ означенныхъ архимандритахъ относительно природы, прохожденія наукъ и должностей ихъ“.

(13) Въ вѣдомости объ архимандритѣ Павлѣ говорилось слѣдующее: „Московскаго первокласснаго Ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря Павелъ, природою изъ Великороссіянъ, обучался въ университетѣ и въ семинаріи Троицкія лавры: философіи, богословіи, математики и экспераментальной (sic) физикѣ, языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому и другихъ тому же въ помянутой семинаріи обучалъ. Въ монашество постриженъ въ 1775 г., и былъ въ Троицкой лаврѣ намѣстникомъ; въ 1782 г. произведенъ въ архимандрита въ Ставропигіальный Заиконоспасскій монастырь, и находясь въ Московской академіи ректоромъ преподавалъ богословію, потомъ переводимъ былъ настоятелемъ въ первоклассные монастыри: въ 1783 г. въ бывшій Симоновъ; а оттуда въ 1785 г. въ Воскресенскій Новоіерусалимскій, изъ онаго же въ 1786 г. въ помянутый Новоспасскій, упражнялясь при томъ въ сказываніи въ Успенскомъ соборѣ и другихъ мѣстахъ проповѣдей; между же тѣмъ, въ 1784 г. былъ въ С.-Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди Слова Божія, а сего года Марта 1-го дня всеподданнѣйшимъ Вашему Императорскому Величеству отъ Сѵнода докладомъ, представленъ кандидатомъ къ опредѣленію въ члены Московской Сѵнодальной конторы, но на то Высочайшаго указа не послѣдовало. Отъ роду ему 47 лѣтъ“.

Чрезъ 11-ть дней, 18-го Мая 1792 г., былъ объявленъ именный Высочайшій указъ, которымъ, между прочимъ, повелѣвалось: „епископомъ Тверскимъ Всемилостивѣйше жалуемъ архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Иринея, оставляя его, по прежнему, у присутствія Сѵнода“.

На другой день объявленія укава Святѣйшимъ Сѵнодомъ опредѣлено было: „нарѣченіе во епископа Тверскаго и Кашинскаго учинится отъ Святѣйшаго Сѵнода, по чиноположенію церковному, сего Мая въ 22-й день; посвященію же когда и гдѣ быть, о томъ разсужденіе имѣть впредь“. Въ собраніи Сѵнода, 22-го мая 1792 г., совершилось нарѣченіе архимандрита Иринея во епископа Тверскаго, въ присутствіи членовъ Святѣйшаго Сѵнода (14) и знатнаго духовенства, о чемъ въ журналѣ Святѣйшаго Сѵнода записано, между прочимъ, такъ: „Впущено было предъ собраніе Святѣйшаго Сѵнода находящееся здѣсь въ С.-Петербургѣ знатное духовенство, и начато нареченіе Сѵнодальному члену, архимандриту Иринею, во епископа Тверскаго и Кашинскаго; къ тому сперва сказанъ о томъ Всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества указъ, по обыкновенной формѣ, чрезъ Сѵнодальнаго оберъ-секретаря и кавалера (15),

---

(14) Присутствіе Святѣйшаго Сѵнода въ то время составляли: Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій; Иннокентій архіепископъ Псковскій; Тихонъ, епископъ Тверскій; Ириней, архимандритъ Юрьевскій; Лукіанъ, протоіерей гвардіи Преображенскій и оберъ-прокуроръ графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Сѵнодальный же членъ, духовникъ, протоіерей Благовѣщенскій Іоаннъ не былъ, за отсутствіемъ въ Царское Село.

(15) Указъ читалъ въ собраніи оберъ-секретарь Григорій Рудановскій.

Въ настоящее время при нарѣченіи обыкновенно новонарѣкаемымъ произносится рѣчь, которая Иринеемъ едвали произносилась; это мнѣніе основывается на томъ, что въ журналахъ о нарѣченіи обыкновенно, въ настоящее время, пишется, „что въ заключеніе новонарѣченный

по принесеніи же на то отъ него, архимандрита, благодаренія, продолжаемо было то нарѣченіе по чиноположенію, а по окончаніи онаго, протодіаконъ возглашалъ и пѣвчіе пѣли много-лѣтіе: въ началѣ Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, а потомъ Святѣйшему Сѵноду и Сѵнодальному члену, новонарѣченному во епископа, архимандриту Иринею. По принесеніи сего и по окропленіи новонарѣченнаго священною водою протчее духовенство изъ собранія выступило въ 1-мъ часу по полудни".

По желанію Императрицы, посвященіе Иринея, какъ объявлено было Сѵноду словесно оберъ-прокуроромъ, должно быть „учинено здѣсь въ С.-Петербургѣ, въ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы (*), что на Невскомъ проспектѣ"; оно совершилось 26-го Мая 1792 года ([16]).

Черезъ четыре года, т. е. 24-го Октября 1796 г., послѣдовалъ имянный указъ слѣдующаго содержанія: „Всемилостивѣйше пожаловали Мы Сѵнода Нашего члена, епископа Тверскаго и Кашинскаго Иринея архіепископомъ"; а 27-го Октября Ириней присягнулъ въ присутствіи Святѣйшаго Сѵнода, на основаніи указа 1721 г. Ноября 10 дня, и это уже была послѣдняя милость къ нему Екатерины II. Она 6-го Ноября скончалась. Но присутствуя при коронаціи Императора Павла Петровича, совершившейся въ Москвѣ, 5-го Апрѣля, въ день Св. Пасхи, высокопреосвященный Ириней могъ замѣтить къ себѣ лично благоволеніе новаго Монарха, пожаловавшаго ему одну изъ золотыхъ медалей, которыя, кромѣ него, даны только митрополитамъ Новгородскому и Московскому, да архіепископу Казанскому Амвросію ([17]).

Впрочемъ, и во время путешествія Государя на коронацію, Ириней еще могъ убѣдиться въ расположеніи Его къ себѣ, когда, для встрѣчи Монарха, въ Твери, былъ уволенъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ въ свою епархію. Подробности этой встрѣчи Иринеемъ Императора точно не извѣстны намъ, но извѣстно, что она имѣла хорошій исходъ для Тверскаго владыки. Въ доношеніи своемъ Святѣйшему Сѵноду, Ириней написалъ: „Его Императорское Величество сего Марта 13-го дня во время Высочайшаго своего въ Твери присутствія Всемилостивѣйше изволилъ возложить на меня кавалерскій орденъ Св. Алек-

---

произнесъ рѣчь, по окончаніи коей и по окропленіи его священною водою, какъ онъ самъ такъ и всѣ члены изъ собранія выступили". О произнесеніи же рѣчи Иринеемъ, въ приведенномъ выше журналѣ Святѣйшаго Сѵнода не упоминается.

Порядокъ избранія, нарѣченія и рукоположенія во епископа, во время патріаршества и въ Сѵнодальное управленіе, подробно изложены въ статьѣ священника І. Образцова, написанной по поводу выхода въ свѣтъ 1-го т. ,,Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода. С.П.Б. 1868 г." см. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Октябрь, стр. 144—180 ст. Первый годъ сѵнодальнаго управленія.

(*) Кажется, гдѣ теперь Казанскій соборъ. 24 Авг. 1733 импер. Анна заложила новую церковь Рождества Богородицы, на Невскомъ проспектѣ. Въ этой церкви отправлялись въ торжественные дни молебствія, а съ 1745 года совершались бракосочетанія лицъ Императорской фамиліи. Импер. Павелъ вознамѣрился воздвигнуть вмѣсто ея нынѣшній Казанскій соборъ (Пушкаревъ, Описаніе Петербурга I, 170). *П. Б.*

([16]) Протоіерей Чередѣевъ въ сочиненіи ,,Біографіи Тверскихъ іерарховъ", отмѣтилъ объ Иринеѣ, какъ о владыкѣ Тверскомъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о предписаніи консисторіи, объ избраніи цензоровъ для проповѣдей и о составленіи для нихъ инструкціи. Извѣстно, что вступленіе его въ управленіе паствою совпало съ введеніемъ цензуры проповѣдей. Преосвященный Ириней далъ слѣдующее предписаніе: ,,По всѣмъ городамъ выбрать ученыхъ цензоровъ, снабдить ихъ потребными къ цензурѣ наставленіями, и предписать всѣмъ лицамъ, къ проповѣданію назначеннымъ, чтобъ они представляли свои проповѣди къ цензорамъ".

([17]) Въ журналѣ Святѣйшаго Сѵнода 24 Апрѣля, объ этомъ обстоятельствѣ записано такъ: ,,Сѵнодальный членъ предложилъ, что Его Императорское Величество, присутствуя въ Грановитой Кремлевскаго дворца палатѣ, Всемилостивѣйше пожаловать изволилъ ему золотую медаль".

сандра Невскаго". Іюля 25-го онъ доносилъ Святѣйшему Сѵноду вновь о полученной имъ, за собственноручнымъ подписаніемъ Государя, грамотѣ на Всемилостивѣйшее пожалованіе ему командорства ([18]).

Между тѣмъ, вслѣдствіе просьбы, отъ 9-го Октября 1798 г., архіепископа Иннокентія, послѣдовалъ имянный указъ объ увольненіи его отъ управленія епархіею; по докладу Сѵнода, 13-го Октября, на его мѣсто, во Псковъ назначенъ архіепископъИриней, опять съ оставленіемъ его у присутствія Святѣйшаго Сѵнода. А 7-го числа слѣдующаго мѣсяца, онъ же пожалованъ „крестомъ для ношенія на черномъ клобукѣ" ([19]).

Управляя Псковскою епархіею 16-ть лѣтъ, преосвященный Ириней, въ первые два года, жилъ въ столицѣ, осыпаемый милостями Императора Павла I. Съ вступленіемъ на престолъ благословеннаго Монарха Александра I, онъ, до конца жизни своей, не получалъ никакихъ уже наградъ. Это ли забвеніе его службы, или другія обстоятельства намъ неизвѣстныя, заставили его на 61-мъ году отъ роду просить увольненія отъ управленія епархіею. Но 30-го Августа 1814 г., послѣдовалъ имянный указъ, въ которомъ говорилось: „Псковскій архіепископъ Ириней принесъ Мнѣ просьбу объ увольненіи его въ епархію для поправленія здоровья. По состоянію болѣзни и старости лѣтъ, находя нужнымъ дать ему совершенное успокоеніе отъ дѣлъ, Всемилостивѣйше увольняю его отъ управленія епархіею, а въ воздаяніе прежней, не маловременной службы, повелѣваю производить ему, по смерть, всѣ получаемые имъ оклады. Пребываніе же имѣть ему тамъ, гдѣ самъ пожелаетъ". Уволенный отъ всего, Ириней избралъ мѣстомъ своего пребыванія Александро-Невскую Лавру, въ которой и прожилъ еще 4 года. Въ

([18]) Выпишемъ содержаніе грамоты, въ которой поименовано самое командорство: „Преосвященному архіепископу Тверскому и Кашинскому Иринею. Въ слѣдствіе 25-й статьи отъ насъ изданнаго статута Россійскаго ордена, Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ командорство, состоящее въ Московской губерніи, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, изъ селеній: деревни Тишковой, Ступиной, Псаревой, Новая тожъ, Полситной и Тининой, присвоенное кавалеру Россійскаго ордена именованія св. Александра Невскаго, подъ № 16, позволяя вамъ пользоваться онымъ на основаніи помянутаго статута и указа нашего, отъ 30 Апрѣля, сего 1797 года. Дана въ городѣ Павловскѣ Іюля 25 дня, 1797 года".

При грамотѣ приложена „выписка изъ вѣдомости Московской казенной палаты о селеніяхъ, кои нынѣ по Высочайше конфирмованной вѣдомости командорствамъ присвояются кавалеру Россійскаго ордена именованія св. Александра Невскаго, подъ № 16".

	По 5-й ревизіи женск. душъ мужеск. пола	Число десятинъ.			Сколько земли приходится на душу.
		Пашни	Сѣнокосу	Лѣсу	
Въ Серпуховскомъ уѣздѣ					
волости Бѣлопесоцкой. . .					
деревня Тишкова.	63.	По окруж	ной съ дру	гими селені	ями.
— — Ступина.	116.				
— — Псарева, Новая тожъ	77.	3470	414	2172	$4\frac{1}{2}$
— — Полситня	33.				
Волости Кузминской			тоже		
деревня Тинина	12.	1698	67	1011	6
	301.				

([19]) Въ журналѣ Святѣйшаго Сѵнода объ этомъ пожалованіи записано такъ: „по словесному сѵнодальнаго члена, преосвященнаго Иринея, архіепископа Псковскаго и кавалера, объявленію, что Его Императорское Величество, сего Ноября въ 7 день, Всемилостивѣйше пожаловать благоволилъ ему, преосвященному, крестъ для ношенія на черномъ клобукѣ".

концѣ апрѣля 1818 г., намѣстникъ лавры, архимандритъ Гедеонъ донесъ митрополиту Михаилу, что „имѣющій пребываніе въ сей лаврѣ, бывшій Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода членъ, преосвященный Ириней, архіепископъ Псковскій и кавалеръ, по долговременной болѣзни, исповѣдавшись, совершa надъ собою Елеосвященіе и пріобщась Св. Таинъ, скончался сего апрѣля 24-го дня, по полудни, въ началѣ седьмаго часа“.

Изложивъ біографическій очеркъ почившаго святителя, перейдемъ къ разбору извѣстій, на основаніи которыхъ присвоено Псковскому владыкѣ ношеніе генералъ - адъютантскихъ аксельбантовъ.

Первое, по времени, указаніе мнимопожалованныхъ архіепископу Иринею аксельбантовъ находимъ мы на портретѣ, приложенномъ къ „Пантеону Россійскихъ авторовъ“, изданному Пл Петр. Бекетовымъ, въ 1804 г. въ Москвѣ. За тѣмъ, до появленія въ 1868 г. статьи „Изъ прошлаго“, генералъ-адъютантскіе аксельбанты, будто бы присвоенные архіепископу Иринею, изображались, по мнѣнію автора указанной статьи, только на портретахъ архипастыря, и онъ первый заявилъ объ этомъ пожалованіи, какъ о совершившемся фактѣ печатно. Такъ напримѣръ, описывая составъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода за первые годы настоящаго столѣтія, онъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующее: „третьимъ членомъ былъ Ириней, архіепископъ Псковскій, уроженецъ Владимірскій и воспитанникъ Московской духовной академіи. Онъ отличался обширною ученостью, особенно же знаніемъ греческаго языка, перевелъ на русскій языкъ многія сочиненія Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Василія Исаврійскаго, Іустина Философа, Петра Хрисолога и самъ писалъ толкованія на разныя библейскія книги. Императоръ Павелъ очень любилъ Иринея и, кромѣ Александровскаго ордена, пожаловалъ ему генералъ-адъютантскій аксельбантъ для ношенія на рясѣ. Въ 1804 г. предсѣдатель Московскаго общества исторіи и древностей Пл. Петр. Бекетовъ издалъ „Пантеонъ Россійскихъ авторовъ“, съ ихъ портретами, изданіе, сдѣлавшееся теперь довольно рѣдкимъ. Тамъ Ириней изображенъ съ аксельбантомъ, хотя уже не носилъ его въ царствованіе Александра Павловича. Ириней былъ очень добрый человѣкъ и кроткаго характера, но много вредилъ себѣ невоздержною жизнію. Онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ митрополита (Амвросія) и подписывалъ, что̀ онъ ни прикажетъ“.

Въ подтвержденіе своего указанія авторъ ссылается больше всего на портретъ Иринея, помѣщенный въ „Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ“, за 1804 г., гдѣ преосвященный изображенъ, по мнѣнію автора, съ аксельбантомъ на груди; на самомъ же дѣлѣ на портретѣ мы видимъ только однѣ завязки орденской мантіи, въ которой изображенъ на портретѣ архіепископъ Псковскій. Всматриваясь ближе въ портретъ, мы убѣждаемся, что художникъ утолстилъ слишкомъ шнуры завязокъ, что̀ и подало поводъ принять ихъ за аксельбанты. И что это было такъ, въ самомъ дѣлѣ, постараемся убѣдить разборомъ самыхъ источниковъ, на которыхъ авторъ основалъ свое мнѣніе.

Изъ статьи его не видно, какимъ образомъ объявлено было Высочайшее пожалованіе преосвященному Иринею аксельбантовъ: словесно или письменно. Не затрудняя себя разъясненіемъ, замѣтимъ, что въ обоихъ случаяхъ оно не могло исчезнуть безъ слѣда. Во первыхъ должно было сдѣлаться оно извѣстнымъ, какъ мы выше замѣтили, по крайней мѣрѣ, тому учрежденію, къ которому, по роду службы, принадлежало лице, удостоившееся пожалованія.

Чтобы признавали лице пожалованное въ дарованномъ ему свыше достоинствѣ, необходимо, чтобы на это суще-

ствовало свидѣтельство власти, раздающей пожалованія. Слѣдовательно, если бы кто нибудь изъ членовъ Святѣйшаго Сѵнода былъ удостоенъ какого нибудь Высочайшаго пожалованія, то Сѵнодъ не только долженъ былъ получить объ этомъ извѣщеніе, и само собой разумѣется, получилъ бы его ранѣе всѣхъ другихъ учрежденій, не говоря уже о разглашеніи, или прямо отъ высшей власти или чрезъ посредство лица, удостоившагося пожалованія. На томъ же основаніи, что знаки Высочайшаго благоволенія служатъ видимымъ признакомъ заслугъ и достоинствъ человѣка, не естественнѣе ли всего допустить, что тотъ, кто ихъ получилъ, не только не будетъ скрывать этого пожалованія отъ другихъ, но скорѣе, обнародованіемъ Высочайшаго благоволенія, постарается упрочить свои права на достоинство, соединенное съ пожалованными знаками. Генералъ-адъютантамъ у насъ предоставляется, также какъ и статсъ-секретарямъ, непосредственно передавать Высочайшія повелѣнія. Не могъ, по этому уже одному, пожалованный въ это достоинство преосвященный Ириней не заявить своевременно такого обстоятельства Святѣйшему Сѵноду, какъ членъ его; потому что могла тотчасъ же встрѣтиться надобность исполнять соединенную со званіемъ генералъ-адъютанта обязанность предъ самымъ собраніемъ Святѣйшаго Сѵнода.

Положимъ, возразятъ на это, что Ириней умолчалъ предъ членами Святѣйшаго Сѵнода о пожалованіи ему аксельбантовъ, на томъ основаніи, что знаки подобнаго достоинства не усвоены лицамъ православнаго духовенства, и до него не было примѣра, чтобы духовное лицо носило такое отличіе. Но, и въ такомъ случаѣ, какъ онъ могъ знать, что это сдѣлано не съ цѣлью испытать его и что Императоръ Павелъ, зорко слѣдившій за тѣмъ, какъ принимались его пожалованія, не обратитъ недавняго благоволенія въ справедливое неудовольствіе? Знавшіе характеръ Павла I, едва ли въ состояніи допустить мысль, чтобы Его Величество, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, а всего менѣе уже потому только, что это прежде того не дѣлалось, допустилъ бы архіерею скрыть свое пожалованіе. Наконецъ, если бы преосвященный Ириней находилъ стѣсненіе въ ношеніи генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ, и если бы (какъ говоритъ авторъ статьи „Изъ прошлаго“) имѣя ихъ, не носилъ ихъ только въ царствованіе Императора Александра, то, конечно, не позволилъ бы онъ и выпустить въ 1804 г. свой портретъ съ генералъ-адъютантскимъ аксельбантомъ. Мало того, онъ не позволилъ бы живописцу даже снять съ себя портретъ съ этимъ украшеніемъ.

Мы слѣдовательно не имѣемъ права думать, что преосвященный Ириней, получивъ аксельбанты, не далъ бы знать о томъ Святѣйшему Сѵноду. А какъ скоро такія свѣдѣнія неминуемо достигли бы Святѣйшаго Сѵнода, то они, какъ выражавшія, въ извѣстномъ отношеніи, Высочайшія повелѣнія, тщательно сохранились бы посредствомъ извѣстныхъ общихъ способовъ записыванія въ журналы засѣданій Святѣйшаго Сѵнода, что и видѣли мы изъ сообщеннаго преосвященнымъ Иринеемъ извѣстія о Высочайше пожалованныхъ ему командорствѣ, орденѣ св. Александра Невскаго, бриллiантовомъ крестѣ и медали.

Въ доказательство же того, что и самыя незначительныя Высочайшія пожалованія членамъ Святѣйшаго Сѵнода доходили до свѣдѣнія его, и тщательно записывались въ журналы засѣданій его, укажемъ на пожалованія Гавріилу, архіепископу Новгородскому и Платону, архіепископу Московскому, бархатныхъ мантій Императрицею Екатериной II.

Оба преосвященные, тотчасъ по полученіи этого Высочайшаго пожалованія, или сами о томъ заявляли въ засѣданіи Святѣйшаго Сѵнода, когда при-

сутствовали, или извѣщали Святѣйшій Сѵнодъ доношеніемъ. Такъ, словесно заявилъ преосвященный Гавріилъ, а письменно преосвященный Платонъ. Заявленія ихъ находимъ мы тогда же и записанными въ журналы ([20]). Также

([20]) Вотъ содержаніе журналовъ: „Преосвященный Гавріилъ, архіепископъ Новгородскій", записано въ Сѵнодальномъ протоколѣ, „словесно объявилъ, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать изволила ему бархатную мантію для ношенія, которая прислана при письмѣ генералъ-адъютанта Потемкина".

Содержаніе письма слѣдующее:

Преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйше повелѣть соизволила вручить вашему преосвященству препровождаемую при семъ бархатную мантію для ношенія вамъ, съ чѣмъ, по особой моей къ вамъ преданности, душевно поздравляю, съ усерднѣйшимъ почитаніемъ быть честь имѣю, преосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь, вашего преосвященства, покорнѣйшій слуга Григорій Потемкинъ. Декабря 25 дня, 1774 года.

Преосвященный Платонъ, архіепископъ Московскій, точно также, по полученіи мантіи, доносилъ Святѣйшему Сѵноду, въ Мартѣ 1775 г. „Сего 1775 г. Марта дня господинъ генералъ-аншефъ, государственной военной коллегіи вице-президентъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камергеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, Новороссійскій и Азовскій генералъ-губернаторъ и кавалеръ Григорій Александровичъ Потемкинъ, присланнымъ ко мнѣ письмомъ объявилъ, что Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать ему соизволила препроводить, Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ, ко мнѣ бархатную мантію, повелѣвая мнѣ употреблять оную всегда, которая мантія при томъ ко мнѣ и доставлена; о чемъ для свѣдѣнія Святѣйшему Правительствующему Сѵноду съ пріобщеніемъ съ онаго письма копіи симъ и предлагаю. Платонъ, архіепископъ Московскій".

Содержаніе письма слѣдующее:

„Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь! Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила препроводить, Высочайшимъ Ея именемъ, къ вашему преосвященству бархатную мантію, повелѣвая вамъ употреблять оную всегда, которую при семъ почтеннѣйше доставляя и съ таковымъ знакомъ Высочайшаго Ея благоволенія усерднѣйше поздравляю я. Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря, покорный слуга Григорій Потемкинъ".

заявилъ въ царствованіе Императора Павла и преосвященный Ириней о пожалованіи ему золотой медали, ордена Александра Невскаго, креста, для ношенія на клобукѣ и тѣхъ рескриптовъ, которые приведены ниже.

Съ своей стороны, просмотрѣвъ за все царствованіе Императора Павла всѣ Высочайшія повелѣнія и имянные указы, равно всѣ журналы и протоколы засѣданій Святѣйшаго Сѵнода и даже всѣ дѣла, возникавшія или рѣшавшіяся въ этотъ періодъ, и не только въ Архивѣ Святѣйшаго Сѵнода, но и въ другихъ дѣлохранилищахъ, мы нигдѣ не встрѣтили даже и намека на пожалованіе преосвященнаго Иринея генералъ-адъютантскими аксельбантами. Между тѣмъ, мы видѣли, что внесены въ журналы всѣ сообщенія и извѣстія, даже самыя маловажныя, какъ о немъ такъ и о другихъ.

Кромѣ того, обращено нами было вниманіе и на формулярные списки почившаго архипастыря. Прибавимъ также, что нельзя не усумниться въ существованіи пожалованія аксельбантовъ и при одномъ бѣгломъ обзорѣ послужнаго списка преосвященнаго Иринея. Извѣстно, что въ формулярные списки заносятся всѣ, относящіяся до службы поступки лица, для котораго составляется формуляръ, и, конечно, прежде всего вписывается въ него все то, что́ можетъ съ хорошей стороны рекомендовать это лицо. Высочайшее пожалованіе чего бы то ни было за службу, лучшее доказательство несомнѣннаго достоинства этой службы.

Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ ни для кого интереса изъ своего формуляра, содержащаго очеркъ служебной дѣятельности, вычеркивать какое нибудь Высочайшее пожалованіе. Списокъ подается на Высочайшее воззрѣніе, и пропускъ въ немъ извѣстнаго, хотя негласнаго даже (допустимъ) пожалованія, будетъ замѣченъ самимъ жаловавшимъ. Виноватый найдется, кто бы онъ ни былъ. Между тѣмъ, и не во власти лица, заинте-

ресованнаго въ составленіи своего формуляра распорядиться, по своему усмотрѣнію, данными, имѣющими мѣсто въ формулярѣ. Все, относящееся до служебной дѣятельности, будетъ ли оно служить къ порицанію или къ похвалѣ, обыкновенно, вполнѣ прописывается здѣсь, безъ его воли.

Наконецъ, къ документамъ, въ которыхъ должно было встрѣтиться упоминаніе объ аксельбантахъ, если бы таковые были пожалованы Иринею, мы относимъ и посмертную опись имущества почившаго архипастыря. Отъ этой уже описи мы имѣемъ право требовать полноты, тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ, что не можемъ предполагать существованія у составителей ея, при исполненіи своей обязанности, никакой задней мысли, кромѣ цѣли показать въ ней до мелочей все наличное имущество. При Высочайшихъ пожалованіяхъ какими нибудь украшеніями, обыкновенно, вмѣстѣ съ изъявленіями монаршей воли, препровождаются отъ монаршихъ щедротъ и самыя эти украшенія лицу пожалованному.

Допуская положеніе автора статьи „Изъ прошлаго“, что преосвященный Ириней въ царствованіе Императора Александра I не носилъ уже аксельбантовъ, мы однакоже не въ правѣ допустить, чтобы они у преосвященнаго не были на лицо, чтобы онъ ихъ куда дѣвалъ, или утратилъ. Это не теряется и не похищается безъ заявленія. Не могъ носить, то долженъ былъ имѣть у себя, хотя, помимо всего, изъ одного уже почтенія къ памяти усопшаго Императора. Однако же и въ описи имущества преосвященнаго Иринея генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ нѣтъ, и о нихъ нигдѣ не говорится, хотя перечислены подробно всѣ пожалованія, о которыхъ мы уже упоминали.

Такимъ образомъ, во всѣхъ историческихъ документахъ, которые, для рѣшенія вопроса о пожалованіи преосвященнаго Иринея аксельбантами, имѣютъ наибольшую важность, ни слова не говорится о подобномъ пожалованіи.

Послѣ этого, посмотримъ, на сколько заслуживаетъ довѣрія самый источникъ, изъ котораго авторъ статьи „Изъ прошлаго“ заимствовалъ, какъ онъ увѣряетъ, свѣдѣнія о пожалованіи преосвященному Иринею аксельбантовъ.

Онъ ссылается на „Пантеонъ Авторовъ“, но тамъ объ этомъ ничего нѣтъ. Не находится ли свѣдѣніе о пожалованіи этихъ аксельбантовъ въ Запискахъ оберъ-прокурора Яковлева, коими пользовался авторъ? Между тѣмъ и здѣсь, находя довольно подробную характеристику преосвященнаго Иринея, опять даже нѣтъ намека на счетъ пожалованія ему генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ. Яковлевъ пишетъ только, что „архіепископъ Ириней Псковскій, человѣкъ добрый, все подписывалъ не читавши, по приказанію митрополита, съ тѣмъ только, чтобы онъ не мѣшалъ ему пользоваться покойною жизнію и доставилъ бы ему пенсіонъ“.

И такъ единственнымъ основаніемъ извѣстія о пожалованіи преосвященному Иринею генералъ-адъютантскихъ аксельбантовъ остается опять одинъ портретъ преосвященнаго, помѣщенный „въ Пантеонѣ“. Здѣсь дѣйствительно аксельбантъ есть на груди, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на мантіи ордена Св. Александра Невскаго должны быть, по положенію, завязки ([21]).

Такое основаніе очень шатко. Неудивительно поэтому, что позднѣйшіе исполнители портрета преосвященнаго Иринея сочли лучшимъ, и болѣе соглас-

---

([21]) Съ такими завязками, какъ и слѣдовало по статуту кавалерскаго одѣянія ордена Александра Невскаго, написанъ масляными красками портретъ преосвященнаго Иринея, какъ члена Академіи наукъ, и помѣщенъ въ ея залахъ. Кромѣ того, мы видѣли литографированный портретъ того же архипастыря съ аксельбантомъ, прикрѣпленнымъ къ мантіи, въ Императорской публичной библіотекѣ. На этомъ экземплярѣ аксельбантъ, или точнѣе сказать, какія то веревки, мало похожія на подобіе аксельбантовъ, перекинуты черезъ плечо.

нымъ съ установившимся понятіемъ объ аксельбантѣ, изображать его даже черезъ плечо.

Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, не признавалъ орденовъ учрежденныхъ Императрицей Екатериной Великой, — каковы ордена: Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія и Св. Владиміра, которые по сему и не вошли въ изданную Павломъ Орденскую грамоту. Ордена эти возстановлены были только Императоромъ Александромъ Благословеннымъ. При грамотѣ, изданной Павломъ объ орденахъ, приложены и рисунки орденскихъ знаковъ, такъ и кавалерскихъ одѣяній.

Достаточно только бѣгло взглянуть на рисунокъ кавалерскаго одѣянія Александра Невскаго и на портретъ Иринея, помѣщеннаго въ „Пантеонѣ", чтобы убѣдиться, что на послѣднемъ художникъ изобразилъ не аксельбанты, а завязки мантіи, значительно утолстивъ ихъ. Шнуры эти помѣщаются въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ изображены на портретѣ преосвященнаго Иринея аксельбанты, и за тѣмъ эти шнуры, точно также какъ и аксельбанты, должны быть свиты жгутомъ, такъ что достаточно было утолстить штрихъ такихъ жгутовъ, чтобы они приняли форму аксельбантовъ, впрочемъ, еще разъ повторимъ, неиначе, какъ только при очень сильномъ развитіи воображенія въ наблюдателѣ.

Высказанная же нами догадка прямо бросается въ глаза при сличеніи одѣяній кавалеровъ ордена Св. Александра Невскаго съ портретомъ преосвященнаго Иринея, помѣщеннымъ въ „Пантеонѣ".

Мы сочли здѣсь нужнымъ привести рескрипты Екатерины II и Павла I, послѣдовавшіе на имя архіепископа Иринея, въ томъ убѣжденіи, что, какъ ни формальны они, но все же могутъ служить матеріаломъ для болѣе полной, чѣмъ теперь мы имѣемъ, біографіи почившаго архипастыря.

Высокопреосвященный Ириней цѣлую четверть вѣка состоялъ членомъ Святѣйшаго Сѵнода и, въ продолженіи 63 лѣтней жизни, оставилъ отечеству нѣсколько замѣчательныхъ произведеній своего пера; потому заслуживаетъ отъ потомковъ собранія во едино извѣстій о немъ, разсѣянныхъ въ архивныхъ дѣлахъ.

П. Григоровичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рескрипты Екатерины II.

I.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Генералъ-поручику барону фонъ-деръ-Палену повелѣно отъ Меня Курляндскую губернію, по образу изданными отъ меня учрежденіями предписанному, съ помощію Божіею, открыть, что и имѣетъ быть имъ исполнено въ теченіи будущаго января мѣсяца. Я желаю, чтобы Ваше Преосвященство къ означенному времяни отправились въ губернскій городъ сего намѣстничества Митаву, и принесеніемъ тамо въ православной церкви нашей Всевышнему молитвъ благословили пастырски дѣло сіе Богу угодное и для людей Его толико полезное. Пребываю Вамъ доброжелательная ([22]), Екатерина. Въ С.-Петербургѣ. Декабря 3-го дня 1795 года.

II.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней. Повелѣвъ генералу, князю Рѣпнину Виленскую и Слонимскую губерніи, по образу изданными отъ Меня учрежденіями предписанному, съ Божіею помощію, открыть, Я желаю, чтобы Ваше Преосвященство, по извѣщенію Васъ помянутаго генерала о времени, когда имѣетъ быть означен-

---

(22) Преосвященный Ириней выѣхалъ изъ С.-Петербурга 13 Января 1796 года.

ное открытіе совершено, отправились туда и принесеніемъ тамо въ православной церкви нашей Всевышнему молитвъ благословили пастырски дѣло сіе Богу угодное и для людей Его толико полезное. Пребываю впрочемъ Вамъ доброжелательная ([23]). Екатерина. Въ С.-Петербургѣ Августа 10-го 1796 года.

Рескрипты Павла I.

III.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Приносимое Вами Мнѣ поздравленіе и изъявленіе чувствованій Вашихъ, усердія и преданности ко мнѣ, Я пріемлю съ благоволеніемъ, и благодарю за оныя, спѣшу извѣстить Васъ, что, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, присутствіе Ваше въ Вильнѣ сдѣлалось болѣе ненужнымъ, а потому и соизволяю, чтобы Вы возвратились сюда. Пребываю впрочемъ Вамъ благосклонный. Павелъ. С.-Петербургъ Декабря 6-го 1796 года.

([23]) Преосвященный Ириней отправился къ мѣсту назначенія 1-го Ноября 1796 года и прожилъ въ городѣ Вильнѣ до Декабря того же года.

IV.

Преосвященный епископъ Тверскій Ириней! Я получилъ исправно доставленные Мнѣ чрезъ Васъ, при письмѣ отъ священника Спасо-Преображенской церкви Петра Симеонова, Ковчегъ и Животворящій со святыми мощами Крестъ. Монахиня Варсонофія, получившая оный отъ своей матери, извѣстна мнѣ по ближности къ любезнѣйшей бабкѣ Моей, въ Бозѣ почивающей Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и по предсказанію, событіемъ потомъ оправданному, о времени моего рожденія, ею учиненному. Крестъ сей, чрезъ ея руки и нынѣ до меня дошедшій, сугубо мнѣ драгоцѣненъ, яко залогъ святыни и яко принадлежность предку моему, Царю Алексѣю Михаиловичу, и Я приношеніе сего дара пріемлю въ полной по достоинству онаго цѣнѣ и съ приличнымъ тому уваженіемъ. Васъ, за доставленіе Мнѣ онаго, благодарю и, съ обыкновеннымъ Моимъ къ Вамъ благоволеніемъ, пребываю благосклонный. Павелъ. Въ Павловскѣ. Іюля 2-го дня 1798 года.

ЗАПИСКА,

поданная княземъ А. Б. Куракинымъ Императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія.

Всемилостивѣйшій государь!

Всякое пристрастіе чуждо моей душп. Я только то помню, что я Русской и что люблю моего государя и мое отечество. Они для меня не раздѣльны; и въ спокойствіи Вашемъ и въ славѣ Вашей, вижу я и ищу всегда спокойствіе и славу отечества. Я движимъ единственно моею совѣстію, моею присягою, въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству данною, всѣми сильными чувствіями моей личной привязанности къ особѣ Вашей и желаніемъ, чтобъ Россія всѣми благотвореніями кроткаго и милосердаго царствованія Вашего наслаждаться не переставала, чтобъ въ памяти позднѣйшихъ поколѣній сохранялося царствованіе Ваше счастливѣйшимъ для нея временемъ, и чтобъ могущество и предѣлы Россіи, предками Вашими утвержденныя, навсегда въ цѣлости и непочатыми пребыли. Лишнимъ почитаю къ происшествіямъ уже со-

вершившимся обращаться. Не раздроблять и оцѣнять оныя зоветъ меня теперь долгъ мой; но къ тому, чтобъ представить Вашему Величеству, по лучшему удостовѣренію моему, внутреннее мнѣніе мое о приличнѣйшихъ и полезнѣйшихъ средствахъ, коими Ваше Величество, въ настоящемъ положеніи Европы, достоинство могущей (sic) имперіи Вашей предохранить, и оной благоденственное спокойствіе возвратить можете. По обстоятельствамъ, по среди которыхъ мы теперь находимся, Ваше Величество увѣнчали уже себя общею хвалою, непорочностію и твердостію Вашихъ видовъ и намѣреній и явивъ, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, собственную Вашу храбрость и неустрашимость. Храброе Ваше воинство, мужественными подвигами своими неколебимо отличающееся, подтвердило къ себѣ древнее всѣхъ почтеніе, исполняя съ честностію и точностію всѣ Ваши обязательства по союзу между Вашимъ Величествомъ и Цесаремъ, и по вызову отъ него Вамъ учиненному, поспѣшили Вы съ знаменитою военною силою къ нему на помощь; но слабость, разстройство, безначаліе Австрійской монархіи и напасти неслыханныя и во всѣхъ лѣтописяхъ подобныхъ себѣ не имѣющія, которыя въ войнѣ своей противъ Французовъ въ сіи послѣдніе мѣсяцы претерпѣла, не токмо ее вывели изъ числа большихъ державъ, но и лишили всѣхъ способовъ къ оборонѣ своей и къ содѣйствію съ войсками Вашего Величества, Австрія покорена и обладаема французскимъ оружіемъ; Бонапарте нѣтъ преграды въ предписаніи Цесарю постыднѣйшихъ и язвительнѣйшихъ условій и пожертвованій для его мира съ нимъ; отъ одного произвола Бонапарте зависить можетъ потребовать, чтобъ слабая ему покоренная Австрія, по примѣру Гишпаніи, подъ сѣнію его покровительства токмо политическое бытіе свое продолжала, и во всѣхъ его предпріятіяхъ ему повинно содѣйствовала; слѣдовательно исчезла Австрія въ могуществѣ своемъ, не имѣетъ оная никакой возможности болѣе ни намъ помогать, ни отъ насъ вспоможенной быть; дѣйствіемъ ея перемирія съ Бонапарте, Ваше Императорское Величество вывели ваши войска изъ ея владѣній; тѣмъ остановились на время наши военныя дѣйствія, но тѣмъ не пресѣклося, а продолжается еще положеніе наше войны противъ Французовъ. Мы видимъ Бонапарте со всѣми его силами въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ находился до отступленія нашихъ войскъ въ Моравіи. Онъ на границахъ Галиціи, имѣя при себѣ Костюшка, Заіончка и всѣхъ единомышленниковъ сихъ извѣстныхъ польскихъ мятежниковъ. Всѣ доходящія о немъ извѣстія и частныя истинныя заключенія каждаго поселяютъ во всѣхъ то вѣрное ожиданіе, что онъ теперь занимается возстановленіемъ прежней польской республики, чрезъ отторженіе отъ Россіи, Пруссіи и Австріи ея частей, по раздѣламъ ихъ, имъ уступленныхъ. Я не могу никакъ согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что напрасно сіи виды Бонапарте приписываются, и что въ совершеніи оныхъ будто нѣтъ для него возможности, а для Франціи пользы. Совсѣмъ противное представляется удостовѣренію моему. Таковое событіе теперь не токмо весьма возможно, но и со всегдашними, и особливо съ настоящими видами и пользами Франціи совершенно сообразно. Возстановленіемъ Польши въ прежнее ея состояніе возродится паки въ Европѣ новое государство, паче другихъ для Россіи вредное и оную отъ Европы, отъ вліятельнаго въ ея дѣлахъ участія, устранить долженствующее; нѣтъ сомнѣнія, чтобъ всѣ умы въ Галиціи, удрученной тягостнымъ австрійскимъ управленіемъ, желаніемъ и ожиданіемъ своимъ къ оному пріуготовлены уже

не были, и для произведенія въ Галиціи пламени мятежа достаточно будетъ конечно одного провозглашенія отъ Бонапарте, что освобождается оная подъ его покровомъ отъ ига австрійскаго. Возможно будетъ для Бонапарте поставить сіе первою цѣною съ Пруссіею для своего примиренія, чтобъ склонить сію послѣднюю на отступленіе отъ ея польскихъ владѣній съ тѣмъ, чтобъ въ замѣну за оныя получить отъ его руки нѣмецкія владѣнія короля Великобританскаго и короля Шведскаго, чѣмъ единовременно нанесетъ онъ и обѣимъ симъ государямъ мстительный сильный ударъ свой. Когда же настоящія польскія области, Пруссіи и Австріи принадлежащія, съ руководствомъ и подкрѣпленіемъ Франціи и съ предметомъ возстановленія прежней польской республики, въ полномъ мятежѣ будутъ, какъ ожидать можно тогда, чтобъ наши польскіе подданные, сколь оные подъ державою Вашего Императорскаго Величества ни благоденствуютъ, осталися покойными и не поспѣшили бы достизать съ ними вмѣстѣ до равной цѣли воскрешенія имени и бытія ихъ древняго отечества? Пребываніе многомочной и многочисленной военной силы Вашего Императорскаго Величества посреди и на границахъ польскихъ областей вашихъ не превозможетъ удержать въ спокойствіи и повиновеніи шаткихъ и легкомысленныхъ ея обывателей, въ глубинѣ своихъ сердецъ о прежней мечтательной независимости ихъ жалѣть не престававшихъ; и тогда, вмѣсто одной войны наружной, присовокупится другая война съ нашими собственными новыми подданными для укрощенія ихъ мятежнаго волнованія. Отъ сихъ послѣднихъ воспослѣдуютъ разсыпанныя нападенія на наши войски, всѣ способы къ ихъ содержанію и къ ихъ дѣйствіямъ будутъ отягощены, въ сей борьбѣ будетъ Россія сражаться съ врагомъ внѣшнимъ и со врагами внутренними, и не токмо напряженіе всѣхъ ея силъ, но даже истощеніе оныхъ врядъ достанетъ ли на преодолѣніе всѣхъ тѣхъ великихъ и тяжкихъ затрудненій, въ коихъ себя тогда увидитъ.

Сверхъ того уничтоженіемъ могущества австрійскаго дома, Бонапарте получить долженъ такое вліяніе надъ Портою, по древней своей привычкѣ къ Франціи всегда наклонной, что ее отторгнувъ отъ существующихъ нынѣ узъ тѣснаго союза съ нами, можетъ ее паки навести на ополченіе и недоброжелательство противъ насъ; хотя таковый возможный разрывъ съ нами Порты, столь часто бремя нашихъ побѣдъ надъ нею понесшей и не можетъ ввергать насъ въ великое о слѣдствіяхъ его безпокойство, однако еслибъ воспослѣдовалъ во время продолженія нашей войны съ Франціею и нашего занятія польской мятежъ укрощать: то не менѣе потребовалъ бы великаго отдѣленія силъ нашихъ и тѣмъ былъ бы для насъ весьма тягостенъ. Есть ли Бонапарте, можетъ быть, на сіи мѣры и не расположится или къ онымъ и Порту рѣшить въ состояніи не будетъ, то представляется другое предположеніе, что можетъ онъ для удовлетворенія Австріи за области, которыя вѣроятно ему новымъ ея съ нимъ миромъ пожертвованы будутъ, захотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако бы совершилося какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему подвластною пребыть, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалося съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой ею части бывшей венеціанской республики къ новому королевству италійскому: ибо Бонапарте, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи и

страхѣ его возможныхъ на нее нападеній содержать.

Паденіе Австріи дѣломъ самимъ послужило къ возвышенію находившейся въ непримиримомъ и вѣчномъ противъ нея соперничествѣ Пруссіи, и сотворяетъ сію послѣднюю державу тою, которой союзъ съ нами всѣхъ другихъ для насъ естественнѣе, нужнѣе и полезнѣе. Волею, дальновидностію и собственнымъ подвигомъ Вашего Императорскаго Величества, сей союзъ благополучно совершенъ и существуетъ. Общая польза обѣихъ государствъ требуетъ не токмо непрерывнаго продолженія онаго, но и того, чтобъ по настоящему ходу общихъ дѣлъ европейскихъ, оный еще какъ можно болѣе стѣснить, дабы во всякомъ случаѣ во взаимныхъ своихъ подвигахъ и пользахъ были за одно. Тѣсная связь дружбы и довѣренности, сопрягающая лично Ваше Величество съ королемъ Прусскимъ и основанная на совершенномъ познаніи Вашемъ добродѣтельныхъ качествъ его души, увѣнчевая сей союзъ, прочность онаго утверждаетъ. Но миролюбивое расположеніе сего государя, извѣстное Вашему Величеству желаніе его ограничать себя въ единомъ нетлѣнномъ сохраненіи настоящихъ предѣловъ его владѣній, и правила, по которымъ его министерство всегда поступало, позволяютъ намъ на Пруссію полагаться только въ однихъ мѣрахъ оборонительныхъ. И есть ли самъ Бонапарте, мстя Пруссіи за ее сближеніе съ нами и удаленіе отъ него, не ополчится противъ нее и не принудитъ оную къ защитѣ своей, которую мы съ нею раздѣлять обязаны будемъ: то, съ другой стороны, не вѣроятно, да и по всѣмъ доводамъ мало основательной надежды есть, чтобъ оная, въ продолженіи войны нашей противъ Франціи, самими дѣйствіями участвовать рѣшилась въ случаѣ томъ, что сія война сдѣлалася бы теперь неизбѣжною, или необходимою.

Не подчинены союзу нашему съ Англіею наши связи на твердой землѣ и обстоятельства, въ коихъ мы на оной находиться имѣемъ, ни оными распоряжать ни по онымъ дѣятельную помощь намъ оказывать сія морская держава не можетъ. Оныя нами самими опредѣляемы и управляемы быть должны по лучшей нашей пользѣ, перемѣняющейся въ ея видѣ и способахъ случающимися происшествіями. Но при томъ, нужно намъ доброжелательство Англіи, и желательна связь съ нею, для процвѣтанія нашей морской силы и для успѣховъ нашей торговли. Я думаю, что, по симъ двумъ предметамъ, всѣ наши обязательства съ нею составляться должны, не подчиняя себя никакому ей пожертвованію и содѣйствію въ ея предпріятіяхъ въ виду имѣющихъ единственно собственное ея любочестіе, или властолюбіе, никакъ въ своемъ родѣ не уступающее тому, коимъ Франція обвиняется. Превосходство силъ Англіи на морѣ ровняется совершенно съ превосходствомъ силъ Франціи на сушѣ, и въ ономъ имѣетъ она сама по себѣ достаточное могущество для содержанія своего политическаго равновѣсія съ Франціею и для недопущенія сей послѣдней какія либо насильства продолжать или незаконныя завладѣнія свои распространять. Когда мы, слѣдуя обстоятельствамъ и собственной пользѣ нашей, можемъ располагаться по нашимъ собственнымъ видамъ и надобностямъ, отъ видовъ и надобностей Англіи отдѣленнымъ: то Англія, слѣдуя справедливости и при сохраненіи нашихъ дружелюбныхъ и торговыхъ съ нею связей, не можетъ за то намъ мстить, и естьлибъ могла оная пожелать какое либо мщеніе противъ насъ произвести, то въ чемъ бы могло оное состоять? По нашему мѣстному положенію, нѣтъ для нея возможности оное намъ чувствительнымъ учинить.

Швеція и Данія, сіи двѣ державы второй степени, въ единствѣ дѣйствовать и никому сильныхъ ударовъ наносить не могущія, въ тѣсной связи съ нами теперь сопряженныя, всю довѣренность свою обратили къ доброжелательству нашему къ нимъ и, за оную имъ соотвѣтствуя, не трудно будетъ намъ во всякое постановленіе наше для общаго спокойствія въ Европѣ нужное, съ предохраненіемъ ихъ безопасности и выгодъ, ихъ включить.

Тоже самое скажу о королѣ Обѣихъ Сицилій, твердою привязанностію своею къ Россіи всегда ознаменовавшемся, который высадкою нашихъ войскъ въ Неаполь, послѣ подписанія у него отъ Франціи вынужденнаго акта о его строгомъ неутралитетѣ, вверженъ въ тягчайшее опасеніе самаго лютаго мщенія ея, когда сіи войски наши, опредѣленныя къ содѣйствію австрійской арміи, эрцгерцогомъ Карломъ предводительствованной и уже Италію оставившей, не довольно многочисленны, чтобъ, противъ сильнаго ополченія Французовъ, землю, въ которую вошли, и себя самихъ достаточно защитить.

Достоинъ вниманія Вашего Императорскаго Величества жребій не токмо сихъ въ Неаполь высаженныхъ войскъ нашихъ, но и тѣхъ, которыя подъ начальствомъ графа Толстаго въ Гановерѣ находятся, естьли паче чаянія, чего я и предполагать себѣ не позволяю, графъ Гаугвицъ для Берлинскаго двора отъ насъ тайное и намъ до сего неизвѣстное особое условіе съ Французами заключилъ.

Дерзнувъ теперь изобразить предъ Вашимъ Величествомъ сокращенную, но истинную картину о состояніи союзниковъ Вашихъ, о положеніи настоящемъ Бонапарте и о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ ему приписуемыхъ, которыхъ отъ него со всею вѣроятностію ожидать можно, и о новыхъ тяжкихъ заботахъ, въ коихъ Ваше Величество при продолженіи съ нимъ войны сильную Имперію Вашу отъ его коварства и предпріимчивости увидѣть можете, явствуетъ изъ оной, что Австрія пала, и оную уже ни въ какой щетъ класть не слѣдуетъ; что на содѣйствіе наступательное естественнаго навсегда и перваго союзника вашего короля Прусскаго надѣяться не можно; что союзъ нашъ съ Англіею, напастьми Австріи въ безсиліе уже приведенной, не можетъ обязать насъ забывать то, чѣмъ мы нашему сохраненію и нашимъ собственнымъ пользамъ должны; что короли Шведской, Датской и Обѣихъ Сицилій, намъ ввѣрившіеся, при всякой возможной перемѣнѣ нашихъ видовъ и связей, отъ насъ призрѣны и отъ всякаго зла предохранены быть могутъ; что, по разрушеніи военной силы и политическаго бытія Австрійской монархіи, не исчислены способы, коими Франція Россіи вредить и весь внутренній составъ ее изнурять можетъ; что ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ нѣтъ, чтобъ Бонапарте не помышлялъ о возстановленіи польской республики и о возрожденіи для сего пагубнаго предмета мятежа въ ея частяхъ, принадлежащихъ тремъ державамъ, оную между собою раздѣлившимъ; что отъ произведенія въ дѣйство сего коварнаго намѣренія его, Россія увидитъ себя единовременно обремененною двумя войнами, наружною и внутреннею, коихъ успѣхъ и конецъ подвержены будутъ обыкновенному мѣняющемуся щастію оружія; что Россія видитъ себя въ семъ положеніи безъ всякой сторонней помощи и принуждена готовиться къ сей продолжительной и великой брани, своими собственными силами, и что оную не инако и при самыхъ желательнѣйшихъ побѣдахъ, какъ съ истощеніемъ совершеннымъ своего могущества начинать и продолжать можетъ. Уважая всѣ сіи обстоятельства, взоромъ безпристрастнымъ и съ

чувствіемъ, подобающимъ вѣрному и къ особѣ Вашей, Всемилостивѣйшій Государь, лично преданнѣйшему подданному Вашему, и пользуяся Высочайшимъ дозволеніемъ Вашимъ, каждому члену Государственнаго Совѣта дарованнымъ, по его совѣсти и лучшему разумѣнію до свѣдѣнія Вашего довести мнѣніе его о лучшемъ и приличнѣйшемъ для Россіи, не токмо въ настоящее время, но и въ теченіи готовящагося для вреда ей будущаго, осмѣливаюся представить Вашему Императорскому Величеству: что по моему удостовѣренію предстоитъ надобность совершенная сохранить полное Ваше вооруженіе, учинить новое и торжественное объявленіе, что Ваше Величество цѣлость границъ Вашего обширнаго государства отъ всякаго на оныя ополченія сильнѣйшимъ отпоромъ защищать намѣрены и, учинивъ то и другое, и извѣстя Вашего друга и естественнаго перваго союзника, короля прусскаго, употребить не гласнаго полномочнаго къ Бонапарте, что́ представляется мнѣ съ достоинствомъ Вашимъ несовмѣстнымъ, но подспудную въ непроницаемой тайнѣ какую либо безпосредственную посылку къ нему для предварительнаго извѣщенія его о расположеніи Вашемъ, для блага человѣчества и всей Европы, съ нимъ сблизиться, и существующее еще теперь состояніе войны противу него прекратить. Такой отзывъ Вашего Величества извлечетъ непремѣнно самый подробный отъ него отвѣтъ, и онаго по всѣмъ, не пресѣкающимся при всякомъ случаѣ, уважительнымъ привѣтствіямъ его къ вамъ ожидать навѣрно слѣдуетъ. Узнавъ симъ образомъ, чего онъ отъ Вашего Величества пожелаетъ, можно будетъ послѣ съ сохраненіемъ всего достоинства Вашего, открытые переговоры для заключенія съ нимъ мира установить. Между тѣмъ желательно, чтобъ угодно было Вашему Императорскому Величеству заранѣе назначить всѣ статьи, на коихъ сближеніе Ваше съ Бонапарте основано быть долженствуетъ, и ту цѣль, которую вы себѣ для будущаго времени, послѣ примиренія съ нимъ, внутренно и явно предопредѣлять соизволяете. Для вѣрнаго успѣха таковаго человѣколюбиваго и благонамѣреннаго подвига Вашего, надобно, кажется, Бонапарте къ совершенію онаго въ зависящемъ отъ него собственною его выгодою привлечь. Ничто его болѣе не польститъ и ему полезнѣйшимъ для него самого не представится, какъ обѣщаніе, что Россія вступитъ паки въ союзъ съ Франціею на томъ единомъ положеніи, что сія послѣдняя никакихъ пріобрѣтеній и новаго расширенія предѣловъ своихъ себѣ не позволитъ, что съ союзниками Россіи равномѣрно примирится и ихъ всѣхъ, по существующей теперь возможности, удовлетворитъ, и наконецъ, что по всѣмъ общимъ дѣламъ и происшествіямъ въ Европѣ, будетъ она всегда съ Россіею единомысленна и за одно дѣйствовать. Неоспоримая истина, что Россія и Франція, своими мѣстными положеніями, находясь на двухъ краяхъ Европы и въ величайшемъ другъ отъ друга разстояніи, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, въ видахъ и пользахъ своихъ не легко и не скоро другъ съ другомъ столкнутся и другъ другу вредить могутъ. Когда же соединятся и въ совершенное по европейскимъ дѣламъ единомысліе вступятъ сіи два государства, могуществомъ своимъ сотворенныя одно для первенства въ сѣверѣ, другое для первенства въ западѣ Европы, тогда будутъ оныя безъ малѣйшаго противуборства законодатели и оберегатели спокойствія и блаженства оной.

Я почитаю въ заключеніе не лишнимъ означить также здѣсь разсужденіе, что всего желательнѣе и щастливѣе бы было мирное состояніе имперіи Вашего Величества, столь

нужное для устройства внутреннихъ, а особливо хозяйственныхъ дѣлъ ея, равномѣрно и для благоденствія Вашихъ подданныхъ: ибо цѣлому свѣту извѣстно, что въ томъ состоятъ всѣ предметы неусыпнаго и многотруднаго Вашего попеченія.

31-го Декабря,
1805.

Записка эта печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Николаевича Шѣнига и сообщеннаго намъ при обязательномъ посредствѣ князя Николая Сергѣевича Оболенскаго. — Въ то время, когда писана эта записка, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ собственно находился не у дѣлъ: онъ носилъ званіе Канцлера Россійскихъ орденовъ и состоялъ членомъ тогдашняго еще не преобразованнаго Государственнаго Совѣта. Другъ Императора Павла и императрицы Маріи Өеодоровны счелъ своимъ долгомъ подать голосъ въ критическую минуту Русской исторіи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, въ коемъ сдва не погибъ самъ государь. Когда Александръ Павловичъ пріѣхалъ изъ Моравіи въ Петербургъ, князь Куракинъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ кн. Прозоровскимъ, въ день его рожденія 12 Дек. 1805 г., подносили ему ленту Военнаго ордена, въ ознаменованіе оказанной имъ храбрости въ бою; государь принялъ знаки ордена, но лишь четвертой степени. Совѣтъ князя Куракина былъ принятъ, и въ Апрѣлѣ 1806, по окончательномъ возвращеніи изъ похода Русскихъ войскъ, послали въ Парижъ для переговоровъ ст. сов. Убри, подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ. 18-го Іюля того же года князь Куракинъ назначенъ посломъ въ Вѣну. *П. Б.*

ВОСПОМИНАНІЕ О М. И. ГЛИНКѢ.

М. И. Глинка, въ письмахъ своихъ къ К. А. Булгакову сочувственно отзывается о В. Н. Кашперовѣ, а князь В. Ө. Одоевскій, въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ, передаетъ, что знаменитый композиторъ скончался на рукахъ его. (См. выше стр. 347, 364 и 377). Поэтому, печатая письма Глинки въ Русскомъ Архивѣ, мы обращались къ В. Н. Кашперову (нынѣ профессору Музыкальной Консерваторіи въ Москвѣ) съ просьбою сообщить воспоминанія его о Глинкѣ. Нижеслѣдующая статья есть обязательный для насъ отвѣтъ на запросъ нашъ. — Здѣсь кстати исправить ошибку, вкравшуюся въ примѣчаніе къ письмамъ (стр. 350): Автобіографическій разсказъ М. И. Глинки напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ не 1863, а 1857, томъ XI, (Октябрь) стр. 768 и д. *П. Б.*

М. Г. Благодарю Васъ за внимательность, которою Вамъ угодно было почтить меня: — корректурные листы съ письмами дорогаго Михаила Ивановича Глинки я получилъ. Въ этихъ письмахъ онъ обрисовывается несравненно ярче и полнѣе, чѣмъ въ какихъ либо біографическихъ очеркахъ. Лишь одна сторона его жизни вовсе не выяснена, и мнѣ кажется, что никто еще не взялся разъяснить то, что̀ составляло существенную причину его постоянныхъ и глубокихъ страданій, сначала нравственныхъ, — а потомъ и физическихъ конечно.

Онъ часто говаривалъ у насъ въ домѣ, — когда мы жили въ Берлинѣ — въ 1856 году: — „J'ai toujours été maltraité moralement.“ (*)

Многіе возразятъ: да вѣдь онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ какъ художникъ, а подъ конецъ раздражителенъ до болѣзни — и на такомъ объясненіи успокоятся. Мнѣ самому случалось слышать такого рода сужденія и даже отъ короткихъ его пріятелей. Но мнѣ

(*) Со мною всегда жестоко обращались въ смыслѣ нравственномъ.

кажется, что болѣзненныя явленія такого рода особенно замѣчательны въ человѣкѣ каковъ Глинка, отъ природы весьма крѣпкаго организма, имѣвшій успѣхъ полный и блистательный въ своемъ дѣлѣ. Было время, когда въ высшихъ сферахъ общества искали случая съ нимъ познакомиться; его знали какъ оригинальнаго и даровитаго композитора во всей Европѣ, такъ что, какъ *композиторъ*, онъ могъ считать себя однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. И такого-то геніальнаго, крѣпкаго человѣка русское общество уложило въ гробъ до 54 лѣтъ, безъ особенныхъ видимыхъ причинъ! Лишь одинъ рѣзкій признакъ остается на виду: „j'ai toujours été maltraité moralement", — по которому тотчасъ приходятъ на память цѣлый рядъ воспоминаній изъ его разсказовъ, какъ его чтили, коль скоро вліятельное лицо его обласкаетъ и похвалитъ и какъ отъ него отворачивались, когда вліятельное лицо его забывало.

Если въ Европѣ, за весьма малымъ исключеніемъ, большинство даже великихъ композиторовъ страдало отъ дурнаго обращенія съ ними и какъ Моцартъ умирали рано и въ нищетѣ,—то тутъ причина довольно ясна: сами эти композиторы были весьма односторонняго образованія и вообще мало развиты, а потому, когда не нужна была музыка, старались избѣгать музыкантовъ *только*, которые другихъ интересовъ для общества и не представляли; другими словами, общество за *композиторомъ человѣка* не видѣло, или не хотѣло видѣть.

Съ *Глинкой* совсѣмъ другое было: онъ самъ былъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества, былъ пріятель Жуковскаго, Пушкина и по развитію принадлежалъ скорѣе къ высшему кругу.

Это уже ясно указываетъ на низкій уровень общественнаго воспитанія; я говорю о воспитаніи дѣйствительномъ, а не внѣшнемъ, которое учитъ — когда и гдѣ какія перчатки надѣваются, сколько кому платится визитовъ и какимъ особамъ улыбаться подобаетъ; обойтись же по человѣчески съ лицомъ, котораго вы не боитесь или въ которомъ вы не нуждаетесь, у насъ умѣютъ весьма немногіе даже въ ученой и развитой средѣ. Въ нашемъ обществѣ нужно *умѣть казаться*, *импонировать*; ни того ни другаго у Глинки не было и слѣда.

Если взять всё это въ соображеніе, то легко понять, сколько грубыхъ и незаслуженныхъ оскорбленій должна была выстрадать эта добродушнѣйшая и впечатлительная натура, которой только и оставалось что сжиматься какъ мимозѣ (какъ онъ самъ себя любилъ называть) отъ всякаго грубаго прикосновенія.

Припоминая всѣ разсказы Глинки по поводу вышесказанной французской фразы, удивляешься только, какъ онъ выдержалъ такъ долго такую нравственную каторгу.

Ему часто приходилось испытывать отъ нашего общества то чуть не царскій почетъ, то, и вслѣдъ за тѣмъ, взгляды съ высока и униженіе, а подъ часъ и насмѣшки. Такъ напримѣръ между офицерами не разъ повторялась фраза: „смотри не попадись въ чемъ нибудь— а то тебя пошлютъ Руслана слушать".. Эта фраза повторилась потому, что она была произнесена однимъ изъ вліятельныхъ.

Толковать здѣсь, почему мы еще не доросли до простаго чувства человѣческаго достоинства, и почему мы его мало цѣнимъ и въ себѣ и въ другихъ,— вовсе не у мѣста; но нельзя не помѣтить существенной причины постоянныхъ и глубокихъ страданій М. И. Глинки.

Характеристическая черта его была добродушная веселость, которая его не оставляла, за исключеніемъ лишь того времени, когда онъ испытывалъ на себѣ чье либо грубое прикосновеніе. Даже съ докторомъ, за недѣлю до смер-

ти, онъ еще шутилъ и встрѣчалъ его фразой:—Знаете-ли, докторъ, я гораздо болѣе боюсь медиковъ, нежели самой болѣзни". А потомъ за день до смерти, когда я его подымалъ съ постели и „облекалъ его въ ризы" (какъ онъ выражался), онъ еще смѣшилъ насъ разными прибаутками, надѣвъ на себя чепецъ одной изъ сидѣлокъ (ихъ было двѣ.) Указывая на нихъ глазами, онъ прибавлялъ мнѣ потомъ по русски: „Какъ же ихъ не смѣшить,—вѣдь имъ тоска сидѣть день и ночь съ больнымъ старикомъ!"

Страдалъ онъ физически болѣе всего послѣднюю недѣлю; у него было затвердѣніе печени, и его по временамъ болѣзненно схватывало; но съ роздыхами, такъ что онъ могъ иной разъ придумывать, лежа на постели, интересныя контрапункты.

Онъ, послѣднюю осень, занимался съ профессоромъ Деномъ: Канономъ и Фугой; а потомъ все собирался вмѣстѣ со мною ѣхать въ Италію для изученія голосовъ и составлялъ планы, какъ удобно и пріятно будетъ намъ помѣщеніе на Lago di Como, гдѣ онъ по картѣ выбралъ Villa-Pliniana.

Я привезъ въ Берлинъ небольшую русскую библіотеку:—Гоголя, Островскаго, Тургенева, Григоровича, Бѣлинскаго, Кудрявцева и другихъ. Глинка жадно вчитывался въ нихъ, и иной разъ до слезъ умилялся надъ ними. Тутъ только, въ Берлинѣ, я замѣтилъ, что онъ литературы нашей съ сороковыхъ годовъ вовсе не зналъ, потому что въ свое время вращался въ такой средѣ, которая кромѣ Пушкина, Жуковскаго, Карамзина и еще немногихъ, никого не признавала за литераторовъ, и пробавлялся болѣе иностранной литературой.

Послѣдніе три мѣсяца, Русскіе, желавшіе его видѣть въ Берлинѣ (ихъ было вѣроятно весьма немного, — я помню лишь графа Матвѣя Віельгорскаго, А. Рубинштейна, князя В. О. Одоевскаго, да И. С. Тургенева), могли застать маленькую коренастую фигуру Глинки, въ стеганомъ ватномъ халатѣ, съ аршиннымъ карандашемъ въ рукахъ, въ бархатной фескѣ, изъ которой вырывался на лобъ не послушный съ просѣдью вихоръ, въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ, съ цвѣтными подвязками, которыхъ у него было очень много, и въ башмакахъ. Какъ только его нужно было одѣвать, то слуга обязывался весь трудъ брать на себя, даже умывать и причесывать; тутъ были сохранены всѣ пріемы русскаго барича 20-хъ годовъ. Денегъ, выходя изъ дома, онъ при себѣ держать не любилъ, потому что сознавалъ за собой привычку всѣ имѣющіяся при немъ деньги непремѣнно израсходовать.

Во время музыкальныхъ исполненій, какъ впечатлительный человѣкъ, онъ не умѣлъ сдерживать себя ни въ похвалахъ ни въ порицаніяхъ, такъ что когда мы сидѣли втроемъ въ оперѣ (т. е. Глинка, жена моя и я), то онъ начиналъ съ того, что упрашивалъ насъ сидѣть какъ можно тише. „Барыня, ни гугу!" обращался онъ къ моей женѣ, а потомъ поднималъ одинъ такой шумъ, что обращалъ на себя вниманіе всѣхъ благочестивыхъ посѣтителей Opern-Hauses, и разъ даже Мейерберъ явился къ намъ съ полукомическимъ тономъ заявить, что въ нашей ложѣ, говорятъ, есть какой-то маленькій Русскій, который шумитъ на весь театръ.

Глинка былъ очень хорошо знакомъ съ Мейерберомъ, и потомъ познакомилъ и меня съ нимъ. Сколько искреннихъ и непритворныхъ похвалъ высказывалъ мнѣ Мейерберъ въ особенности объ оркестровкѣ Глинки!

Говоря о Глинкѣ, нельзя не вспомнить о томъ, съ какимъ интересомъ и сочувствіемъ относился онъ ко всякому мало-мальски серьезному начинанію въ музыкѣ у Русскихъ. Когда я ему показывалъ мою первую оперу

„Цыгане", ему понравились два номера, и онъ тотчасъ, обратившись ко мнѣ съ симпатичною рѣчью, заключилъ такъ: „я почту за наслажденіе и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образованіе".

Въ разговорахъ съ нимъ о комъ либо изъ музыкантовъ Русскихъ или иностранныхъ, никогда не проскальзывало тѣни зависти. Кто зналъ его коротко, тотъ замѣтилъ, что преобладающія стороны его личности были: нѣжность, дѣтская наивность, добродушная веселость, соединенная съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Послѣднее время онъ какъ-то отъ всего отвернулся, самъ мало писалъ и болѣе обдумывалъ новыя музыкальныя формы, предлагаемыя ему Деномъ, но это была схоластика; со мною же онъ не разъ бесѣдовалъ какъ вдохновенный музыкантъ и не разъ бралъ у меня перо изъ рукъ и поправлялъ мою работу. Такъ помню, я былъ имъ посланъ къ Фрокману въ Петербургѣ для напечатанія моего романса съ двумя окончаніями: одно его, другое мое, „Очарованіе красоты въ тебѣ не страшно намъ" (слова Баратынскаго).

Онъ хотѣлъ, чтобы я съ его словъ записалъ характеристику оркестра вообще и каждаго инструмента порознь. Она сохранилась у меня какъ дорогое воспоминаніе.

Препровождаю къ вамъ отысканныя у меня письма Глинки. Жаль, что всѣ они кромѣ этихъ двухъ растеряны при постоянныхъ переѣздахъ за границей и вѣроятнѣе всего на таможняхъ.

Въ Италіи мнѣ привелось быть свидѣтелемъ громаднѣйшаго успѣха симфоническихъ произведеній Глинки.

Въ 1864 году я выписалъ нѣсколько партитуръ его; получивъ ихъ, тотчасъ же передалъ „Аррагонскую хату" и „Мадритскую ночь", въ лучшее симфоническое общество въ Миланѣ. Исполненіе было такъ вѣрно и хорошо подъ руководствомъ превосходнаго директора Басси, что энтузіазму не было границъ. На слѣдующій день нѣсколько газетъ заявили желаніе публики услыхать еще разъ „Аррагонскую хату" и „Мадритскую ночь". Берлинцы, Мейерберъ во главѣ, исполнявшіе нѣсколько №№-въ изъ „Жизни за Царя" въ 1856-мъ году при дворѣ Прусскаго короля, могли бы справедливо позавидовать итальянскому исполненію Глинки въ Миланѣ.

Помню, что послѣ придворнаго концерта въ Берлинѣ, Глинкѣ былъ предложенъ орденъ или денежное вознагражденіе, но онъ до того былъ недоволенъ исполненіемъ, что отказался и отъ того и отъ другаго, все недоумѣвая: зачѣмъ бы это нужно было Мейерберу исполненіе „Жизни за Царя" при Прусскомъ дворѣ?....

Это случилось, кажется, въ Декабрѣ 1856 г., а черезъ мѣсяцъ его уже не стало.

На похоронахъ присутствовали лишь Мейерберъ, Денъ и Вашъ покорнѣйшій слуга *В. Кашперовъ.*

25-го Декабря 1868.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ В. Н. КАШПЕРОВУ.

I.

Figlio carissimo!

Уже нѣсколько дней, какъ я получилъ письмо ваше; не отвѣчалъ же вамъ по причинѣ занятій и хворобы.

Премного благодарю васъ за ваши искреннія и дружескія выраженія и прошу васъ вѣрить, что и мои чувства не менѣе искренни. Если бы вамъ пришлось по сердцу, пользуясь настоящими обстоятельствами, по слабости здоровья, отдѣлаться отъ службы и съѣхаться со мной въ Парижѣ (гдѣ я намѣренъ провести часть лѣта, осень и зиму), какъ бы было хорошо!

Только одинъ разъ въ жизни я испыталъ щастіе путешествовать съ добрымъ, образованнымъ другомъ: это былъ покойный Е. П. Штеричъ (дядя родной Марьи Алексѣевны). Съ тѣхъ поръ всѣ мои товарищи, во время странствій, болѣе принадлежали къ разряду дядекъ и экономовъ, да и нынѣшній годъ мнѣ придется нанять таковаго въ Берлинѣ.

Я получилъ отъ Дена 2 дружескихъ письма; прошу васъ, въ отвѣтъ на сіе мое посланіе, отвѣчать на имя Дена, съ передачею мнѣ (Marienstrasse № 28 Berlin); надѣюсь выѣхать отсюда въ концѣ Апрѣля т. е. недѣли черезъ двѣ.

Леонова, не смотря на свои не совсѣмъ удачныя похожденія въ Москвѣ, Твери и Новгородѣ, пріобрѣла тамъ до 600 р. с., и столько-же здѣсь. Концертъ ея (на которомъ была моя сестра) прошелъ весьма благополучно. Оркестръ исполнялъ отлично, а *живыя* картины изъ *Мертвыхъ* душъ Гоголя были очень занимательны. Болѣе всего публикѣ понравилась *Молитва* моя и Scherzo (Valse-Fantaisie), а еще болѣе *Коса* и *Ходитъ вѣтеръ*. Леонову дружно вызывали и бросили ей нѣсколько букетовъ.

Время у насъ гадкое и недугъ медленно уступаетъ упорному лѣченію.

Сестра вамъ искренно кланяется и заранѣе утѣшается мыслію, что вы съѣдетесь со мною за границей.

Тавлинки еще не получилъ, но премного благодарю за память.

Не сѣтуйте, что пишу мало: не здоровится. Что будетъ весною, авось оправлюсь. Прошу вѣрить неизмѣннымъ чувства(мъ) моимъ дружбы и симпатіи, вашъ вѣрный Väterchen

Михаилъ Глинка.

С. П. бургъ $\frac{13}{25}$ Апрѣля 1856.

II.

Берлинъ $\frac{28}{16}$ Августа 1856.

Figlio carissimo!

Благодарю васъ за дружеское письмо и романсъ (*). Отъ искренняго сердца поздравляю васъ. Дай Боже, чтобъ ваше благое намѣреніе увѣнчалось самымъ счастливымъ успѣхомъ. Ваша благородная душа и самый возрастъ могутъ быть, если не порукою, то по крайней мѣрѣ залогомъ того счастія, котораго вамъ желаетъ вашъ Папахенъ. Бью челомъ будущей вашей барынѣ и прошу *ихъ* насъ жаловать.

Не только меня и сестру, но и профессора Дена радуетъ мысль, что мы поживемъ вмѣстѣ.

Денъ очень кланяется; теперь онъ на 3 дня уѣхалъ въ Лейпцигъ по дѣламъ. По возвращеніи его примемся за работу и тѣмъ болѣе, что на будущей недѣлѣ (съ помощію Всевышняго) я перебираюсь на зимнюю квартиру, сирѣчь: квартиру, снабженную двойными рамами, переднею и расположенную на солнцевой сторонѣ улицы.

Мой новый адресъ....

До того не люблю Французовъ, что скверно написалъ названіе улицы, вотъ оно: Französische Straße № 8.

Мнѣ здѣсь пришлось очень, очень по сердцу, а по пословицѣ отъ хорошаго лучшаго не ищутъ.

Диссертацій объ музыкѣ не пишу, зане *живое слово* предпочитаю бумагѣ. Излишнимъ считаю увѣрить васъ, что когда сюда къ намъ пожалуете, я всегда къ вашимъ услугамъ. Еще разъ прошу васъ, пріѣзжайте, раскаяваться не будете: нынѣшней зимою предстоятъ удивительныя музыкальныя продовольствія.

Обнимаю васъ отъ души, а будущей вашей барынѣ бью челомъ.

Весь вашъ Папахенъ *Мимоза*.

NB. Если будете отвѣчать, пишите крупнѣе и разборчивѣе.

(*) Романсовъ Денъ не жалуетъ и имѣетъ на то основанія, зѣло справедливыя! *Прим. М. И. Глинки.*

1812.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ БЕРЕЗИНУ.

(Изъ Записокъ адмирала Чичагова).

Хотя исторія войны 1812 года весьма богата матеріалами, какъ отечественными, такъ и иностранными, тѣмъ не менѣе всѣ показанія очевидцевъ и участниковъ этого событія должны имѣть большую цѣну. Къ сожалѣнію, Записки, оставленныя (какъ извѣстно, на французскомъ языкѣ) адмираломъ Чичаговымъ, до сихъ поръ никѣмъ не были изданы вполнѣ, и только въ 1855 году появились въ Берлинѣ, неизвѣстно кѣмъ изданные, отрывки изъ нихъ. Желая ознакомить русскую публику съ этимъ историческимъ матеріаломъ, я представляю въ переводѣ самый полный и наиболѣе интересный изъ этихъ отрывковъ, а именно: разсказъ о переправѣ Наполеона черезъ Березину, цѣликомъ взятый изъ Записокъ адмирала.

И. Ильинъ.

Я пріѣхалъ въ Борисовъ на другой день послѣ взятія мостоваго укрѣпленія, 10 (22) Ноября. Тяжело раненный въ этомъ дѣлѣ, генералъ Ламбертъ не въ состояніи былъ командовать авангардомъ. Ланжеронъ, которому предписано было, съ резервною дивизіею, поддерживать въ случаѣ надобности атаку Ламберта, явился тогда, когда бой совершенно былъ уже оконченъ. Найдя гораздо покойнѣе ночевать въ городѣ и не дожидаясь моихъ приказаній, онъ вступилъ въ Борисовъ, съ частью своихъ войскъ и огромнымъ обозомъ. Я сейчасъ же велѣлъ выѣхать обозу; но приказаніе мое исполнялось медленно, потому что многіе находили удобнымъ имѣть съ собою свои экипажи; такъ что на другой день я вынужденъ былъ подтвердить этотъ приказъ.

Ланжеронъ не позаботился изучить мѣстность и занять отрядами всѣ пути, ведущіе къ Борисову. Чтобы оградить себя отъ внезапнаго нападенія, я сейчасъ же отправилъ по всѣмъ дорогамъ отряды козаковъ и легкой кавалеріи и велѣлъ имъ сдѣлать рекогносцировку сколько возможно дальше, чтобы имѣть вѣрнѣе свѣдѣнія о расположеніи непріятеля.

Данныя мнѣ инструкціи предписывали устроить въ Борисовѣ укрѣпленный лагерь, а также укрѣпить дефилеи со стороны Бобра, дабы на каждомъ шагу останавливать непріятеля при его отступленіи. Я осмотрѣлъ окрестности Борисова. Устроенный передъ фронтомъ моимъ лагерь, съ той стороны откуда долженъ былъ идти Наполеонъ, былъ неудобенъ тѣмъ, что имѣлъ бы за собою Березину; но за то я былъ бы совершенно огражденъ отъ нападенія Шварценберга, который, какъ я полагалъ, преслѣдовалъ меня. Мостовое укрѣпленіе послужило бы большимъ препятствіемъ къ нападенію этого генерала. Но мѣстность неблагопріятствовала этому: на многихъ пунктахъ надъ нею господствовали высоты. Кромѣ того оставалось мало времени для работы, земля была мерзлая, и въ моей арміи былъ только одинъ инженерный офицеръ, способный распоряжаться работами, но и тотъ получилъ рану при атакѣ на Борисовъ. Я никакъ не могъ выпросить себѣ другихъ инженеровъ и только твердостью моего характера, я могъ удержать у себя означеннаго офицера, котораго военный министръ хотѣлъ у меня взять, когда я еще былъ въ Молдавіи. Такимъ образомъ я вынужденъ былъ отказаться отъ устройства укрѣпленнаго лагеря.

Я послалъ впередъ дивизію моего авангарда, чтобы вѣрнѣе узнать

мѣстность и развѣдать, гдѣ расположенъ непріятель и далеко ли отъ меня находился графъ Витгенштейнъ, прибытіе котораго утроило бы мои силы и дозволило бы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ Наполеона. Такъ какъ Ламбертъ былъ раненъ, то я хотѣлъ поручить командованіе этою дивизіею генералу Орурку, котораго я зналъ за отличнаго офицера въ Молдавской арміи. Но начальникъ моего штаба и самъ Орурк напомнили мнѣ, что командованье это по старшинству принадлежитъ генералу Павлу Палену. Я ничего не имѣлъ противъ этого, кромѣ того что не зналъ его, а на такое важное порученіе нуженъ былъ человѣкъ испытанный. Но они оба увѣрили меня, что Паленъ заслуживаетъ моего довѣрія и вполнѣ оправдаетъ ихъ рекомендацію. Чтобы не нарушать правъ старшинства, я съ сожалѣніемъ согласился на великодушное заявленіе Орурка. Но и теперь еще думаю, что Орурк исполнилъ бы мое порученіе лучше Палена.

Я отдалъ приказъ Палену идти впередъ, по дорогѣ къ Бобру, занять всѣ дефилеи, всѣми возможными средствами препятствовать отступленію непріятеля и стараться, въ тоже время, войдти въ связь съ гр. Витгенштейномъ. Но едва успѣлъ Паленъ отойдти на три мили отъ Борисова, какъ наткнулся на первую колонну французской арміи, подъ начальствомъ маршала Удино, который имѣлъ повелѣніе прикрывать отступленіе большой арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывать движеніе ея отъ гр. Витгенштейна. Увидѣвъ такія превосходныя силы, авангардъ нашъ слишкомъ поспѣшно отступилъ къ Борисову. Какъ только меня извѣстили объ этомъ, я тотъ часъ же велѣлъ выдвинуть нѣсколько орудій на высоты, чтобы остановить непріятеля, и тѣмъ помочь авангарду отступать въ порядкѣ, и дать время выѣхать обозу, наполнявшему еще городъ.

Не смотря на это, сопротивленіе было невозможно; авангардъ прошелъ черезъ Борисовъ, потерявъ 600 человѣкъ и большую часть обоза. Одинъ изъ моихъ фургоновъ, съ посудою и провизіею, достался непріятелю.

По полученнымъ мною донесеніямъ, мы не потеряли ни одного орудія. Полагаю однако, что нѣсколько зарядныхъ ящиковъ остались въ рукахъ непріятеля, хотя въ оффиціальныхъ донесеніяхъ нигдѣ объ этой потерѣ не упоминается.

Отряды кавалеріи, стоявшіе по дорогамъ, были такимъ образомъ отрѣзаны отъ Борисова и попались бы въ плѣнъ, еслибы не нашли средство переплыть рѣку. Черезъ нѣсколько часовъ они присоединились къ арміи.

Эта неудача моего авангарда, первая, которую потерпѣла армія, до сихъ поръ побѣдоносная, была представлена въ С.-Петербургѣ, какъ совершенное пораженіе. Разсказывали, что я потерялъ 4000 убитыми и ранеными; экипажи мои, канцелярія, секретныя бумаги, все это досталось будто бы въ руки непріятеля. Французскіе бюлетени показали мою потерю до 2000 человѣкъ; русскія донесенія, еще болѣе несправедливыя, вовсе не показывали ея.

Такимъ образомъ, Борисовъ былъ во власти непріятеля; но мы удержали за собою мостовое укрѣпленіе. При вступленіи моемъ въ Борисовъ, я принялъ надлежащія мѣры, чтобы въ случаѣ необходимости взорвать мостъ. Я сейчасъ же велѣлъ уничтожить часть его.

Мы взяли нѣсколько плѣнныхъ, которые единогласно объявили намъ, что Наполеонъ идетъ со всею арміею вслѣдъ за Удино. Они показывали числительность ея до 100,000 человѣкъ. Эту цыфру я почиталъ преувеличенною, хотя ее подтверждали всѣ плѣнные и бѣглые люди всякаго

званія и рода. До сего времени еще историки въ этомъ не сходятся. Генералъ Вильгельмъ Водонкуръ говоритъ, что французская армія имѣла тогда до 80,000 и довольно значительную артиллерію. Онъ думаетъ, что войска эти, окончательно разстроенныя только послѣ переправы черезъ Березину, дрались бы съ ожесточеніемъ, и въ случаѣ надобности могли бы вести атаку на два пункта одновременно. Гурго утверждаетъ, что оставалось болѣе 45,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, и болѣе 250 орудій, съ полнымъ количествомъ боевыхъ снарядовъ.

Если вѣрить маркизу Шамбре, извѣстному своею точностью, у Наполеона было не болѣе 37,700 подъ ружьемъ, въ томъ числѣ 4,000 кавалеріи и столько же почти отсталыхъ и раненыхъ. Баронъ Фенъ, секретарь Наполеона, опредѣляетъ число войскъ въ 40,750 человѣкъ подъ ружьемъ, изъ коихъ 26,900 участвовали въ сраженіи при переправѣ черезъ Березину: 16,900 на правомъ берегу, гдѣ я находился, и 10,000 противъ гр. Витгенштейна на лѣвомъ берегу. Толпы безоружныхъ онъ считаетъ въ 45,000 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ французская армія была довольно сильна, чтобы отбросить мои 20,000, изъ коихъ часть не могла быть употреблена въ дѣло. Къ тому же у непріятеля большое количество людей, и безъ оружія, могли замѣнять по мѣрѣ надобности убитыхъ и раненныхъ.

Я оставилъ берега Дуная съ 35,000 человѣкъ. Присоединивъ къ себѣ армію Тормасова (въ которой по письму военнаго министра Барклая-де-Толли считалось 80,000), я нашелъ въ ней только 23,000 человѣкъ. Слѣдуя на Минскъ и Борисовъ, я вынужденъ былъ раздѣлить войска на двѣ части, оставивъ часть изъ нихъ Сакену, стоявшему противъ Шварценберга и часть Эссену, стоявшему у Пружанъ, между Шварценбергомъ, Сакеномъ и мною; затѣмъ у меня осталось 25,000 человѣкъ. На маршѣ отъ береговъ Буга до Березины, болѣзни, битвы по дорогѣ къ Минску, взятіе приступомъ Борисова и неудача Палена сократили мою армію до 20,000 человѣкъ. Въ этомъ числѣ было 9,000 кавалеріи, которая не могла мнѣ быть полезна въ прибрежныхъ болотахъ и лѣсахъ Березины.

Съ этимъ-то слабымъ войскомъ, я долженъ былъ бороться противъ Наполеона, который могъ располагать силами втрое больше моихъ. На пространствѣ 20 фр. миль (30 верстъ), между Веселовымъ и Березинымъ, мнѣ нужно было удерживать берега Березины, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходили дороги къ значительнымъ магазинамъ Минскимъ и Виленскимъ. Я зналъ, что на рѣкѣ, во многихъ мѣстахъ, были броды; ширина ея извѣстна, потому что мостъ, по которому Французы переправлялись, былъ въ 54 сажени.

Спереди я ожидалъ Наполеона, съ тыла опасался нападенія Шварценберга. Жители до того были къ намъ враждебны, что бросались грабить мои экипажи, которые я поставилъ сзади въ лѣсу, для защиты отъ выстрѣловъ. Вслѣдствіе сего я вынужденъ былъ послать часть моего конвоя, чтобы разогнать грабителей.

Впрочемъ Императоръ Александръ обнадежилъ меня содѣйствіемъ гр. Витгенштейна и обѣщалъ присоединить къ моей арміи въ мое распоряженіе 35,000 Штейнгеля и 15,000 Эртеля. Съ этими-то соединенными силами мы должны были ожидать Наполеона на правомъ берегу. Въ это же самое время Кутузовъ долженъ былъ атаковать его на лѣвомъ берегу. Еслибы планъ этотъ удался, Наполеонъ очутился бы между Кутузовымъ и нами, стѣсненный въ болотахъ и лѣсахъ береговъ Березины. Но Наполеонъ приближался, а о Кутузовѣ и о генералахъ Витгенштейнѣ, Штейн-

гелѣ и Эртелѣ не было и слуху. Ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ предполагаемаго плана. Кутузовъ остался назади; Витгенштейнъ же и Штейнгель двинулись по лѣвому берегу, вмѣсто того чтобы, перейдя на правый и соединившись со мною, защищать переправу. Что касается до Эртеля, то онъ остался въ Мозырѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что падежъ скота помѣшалъ ему идти далѣе. Оставшись одинъ противъ Наполеона, я сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Главныя силы мои, я поставилъ въ центрѣ, у мостоваго укрѣпленія въ Борисовѣ. На лѣвомъ флангѣ, къ сѣверу, въ окрестностяхъ Веселова, около 5 миль отъ Борисова находилась дивизія Чаплица, выходящая на дорогу въ Зембинъ. На правомъ флангѣ, въ низъ по теченію Березины на протяженіи 12 миль отъ Борисова, генералъ Орурькъ, съ нѣсколькими отрядами кавалеріи, содержалъ кордонъ, наблюдая берегъ рѣки до города Березина. Хотя Орурькъ долженъ былъ охранять пространство вдвое болѣе того, которое защищалъ Чаплицъ, все таки я далъ ему отрядъ слабѣе, потому что нельзя было предполагать, чтобы непріятель выбралъ себѣ это мѣсто для переправы: путь этотъ не представлялъ ему никакой выгоды и подвергалъ его опасности встрѣтить на лѣвомъ флангѣ своемъ всю нашу армію, которая, по увѣренію Кутузова, такъ близко преслѣдовала его.

Въ тотъ же день 11 (23) Ноября, полковникъ Кнорингъ, котораго я оставилъ губернаторомъ въ Минскѣ, увѣдомилъ меня, что войска Шварценберга слѣдуютъ за мною. 4,000 человѣкъ, прибывшіе въ Сморгоны (на большой Виленской дорогѣ, къ сѣверу, въ 28 миляхъ отъ Борисова) занялись устройствомъ магазиновъ, завладѣвъ всѣмъ, что только было можно достать подъ рукою. По разсказамъ жителей, другой отрядъ въ 2,000 человѣкъ прибылъ уже 10 (22) Ноября въ Свислочъ, мѣстечко на нижней Березинѣ, въ 22 миляхъ отъ Борисова, къ югу, на дорогѣ отъ Игумна къ Бобруйску.

Еще прежде Кнорингъ доносилъ мнѣ, что отрядъ Саксонцевъ Шварценберга вступилъ въ Несвижъ, потомъ въ Новый Сверженъ, въ 16 миляхъ отъ Минска (*), гдѣ стоялъ Кнорингъ и въ 22 миляхъ отъ Борисова (**), гдѣ находился я, съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ, непріятельскіе отряды, окружающіе меня, сзади и съ праваго фланга, занимали пути, по которымъ я имѣлъ бы возможность ретироваться. Тѣ, которые стояли въ Сморгонахъ и Новомъ Сверженѣ, могли въ три перехода придти въ Борисовъ, а тѣ, которые были въ Свислочѣ,—въ два.

Въ тоже время извѣстія, получаемыя мною отъ Кутузова и Витгенштейна, согласовались съ тѣми, которыя я получалъ отъ Кноринга. Отъ Кутузова я получилъ повелѣніе принять мѣры осторожности, на случай, если Наполеонъ пойдетъ внизъ по Березинѣ къ сторонѣ Бобруйска, чтобъ тамъ переправясь, обратиться на Игуменъ и Минскъ и тѣмъ открыть себѣ сообщеніе съ огромными магазинами, находящимися въ этомъ городѣ.

Гр. Витгенштейнъ писалъ ко мнѣ изъ мѣст. *Черепья* отъ 11 (23) Ноября: „Я немогу положительно увѣрить Ваше Высокопрев. о намѣреніяхъ большой непріятельской арміи. Хотя и говорятъ, что она идетъ къ Борисову, но все меня заставляетъ думать, что она взяла направленіе на Бобруйскъ, потому что въ первомъ случаѣ маршалъ Викторъ старался бы держаться у Черепья, чтобы прикрыть движеніе большой арміи.“

Сходство извѣстій Кутузова, Витгенштейна и Кноринга давало поводъ

(*) По почтовому тракту 78 верстъ.
(**) По почтовому тракту 152 версты.

предполагать, что появленіе Австрійцевъ у Свислоча было движеніемъ заранѣе условленнымъ у Наполеона съ Шварценбергомъ, и что этотъ генералъ явится на этомъ пунктѣ съ тѣмъ, чтобы, соединившись съ Наполеономъ, помогать ему въ переправѣ.

Всѣ генералы мои были поражены неудобствомъ моей позиціи. Многіе изъ нихъ подавали даже мнѣніе оставить ее и двинуться на лѣво, къ Лепелю, гдѣ предполагали найдти армію гр. Витгенштейна. Не смотря на всѣ эти опасенія, я устоялъ противъ всякаго предложенія, не согласнаго съ важною цѣлью, которая состояла въ томъ, чтобы удерживать мостовое укрѣпленіе у Борисова. Я велѣлъ исправить нѣкоторыя поврежденія, сдѣланныя въ брешахъ во время атаки. Продоливъ оборону, я надѣялся дать Кутузову средство придти къ Березинѣ въ одно время съ Наполеономъ, за которымъ, онъ (какъ писалъ въ своихъ реляціяхъ) слѣдовалъ по пятамъ. Могъ ли я тогда вообразить себѣ, что онъ останется на Днѣпрѣ въ 25 миляхъ назади, (*) въ то время, когда Наполеонъ подойдетъ къ Березинѣ!

Въ ожиданіи прибытія нашихъ войскъ, я весь день 11-го числа занимался наблюденіемъ непріятеля, расположеннаго на лѣвомъ берегу. Бивачные огни у него горѣли на большемъ пространствѣ, и сквозь облако дыма, покрывавшаго горизонтъ, я могъ замѣтить движеніе войскъ, которыя этимъ средствомъ и пожарами, произведенными на разныхъ пунктахъ, можетъ быть хотѣли скрыть отъ меня настоящую свою численность и намѣренія. Я спокойно смотрѣлъ на эти движенія и ожидалъ болѣе опредѣлительныхъ.

Рѣшившись поставить посты по берегу рѣки въ надлежащихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго и держать главныя силы въ центрѣ, у Борисова и Веселова, я готовъ былъ идти, смотря по надобности, на угрожаемые пункты. Огромное зарево надъ непріятельскими биваками, видѣнное нами ночью, достаточно убѣждало насъ, что тамъ было много войскъ. Они были замѣтны въ трехъ или четырехъ разныхъ мѣстахъ.

Хотя невѣроятно было, что Наполеонъ захочетъ переправляться черезъ Березину у города Березина, потому что путь этотъ былъ дальнѣйшій и подвергалъ его опасности столкнуться съ нашею большою арміею, которая должна была слѣдовать на его флангѣ; но совсѣмъ тѣмъ, я не могъ себѣ дозволить не обращать вниманія на предписаніе главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что его предположенія подтверждались извѣстіями, доставленными Витгенштейномъ и Кнорингомъ. Кромѣ того Наполеонъ могъ желать взять направленіе немного къ югу, для того чтобы въ неистощенныхъ еще уѣздахъ прокормить голодныхъ солдатъ своихъ, которые шли отъ самой Москвы по дорогѣ, опустошенной войсками. Вслѣдствіе сего я подумалъ, что Наполеону весьма удобно оставить два небольшіе корпуса, одинъ противъ Витгенштейна, чтобы прикрыть свое движеніе, а другой чтобы удержать меня у Борисова: тогда бы онъ пошелъ на Бобруйскъ, и князь Шварценбергъ могъ бы поспѣть во время, чтобы защищать переправу его и прикрывать отступленіе. Отсутствіе Кутузова, казалось, оправдывало эти догадки. Реляціи его извѣщали, что онъ почти уничтожилъ непріятельскую армію, а прежнія бумаги, увѣдомляли, что онъ слѣдовалъ за нею по пятамъ. А между тѣмъ Французы четыре дни уже стояли передо мною, а Кутузовъ не показывался. Я не могъ иначе истолковать его отсутствія, какъ предположеніемъ, что Наполеонъ измѣнилъ маршрутъ свой и что Кутузовъ пре-

(*) 175 верстъ.

слѣдуетъ его по другому направленію.

Нужно было принять мѣры среди этой неизвѣстности. Прежде всего я долженъ былъ повиноваться. Я не хотѣлъ однако оставить вовсе первый мой планъ: наблюдать берегъ Березины, на тѣхъ пунктахъ, по которымъ пролегаютъ два важные пути въ Минскъ и Вильну, черезъ Зембинъ. Чтобы все это согласовать, я приказалъ Ланжерону наблюдать, въ центрѣ, Борисовское мостовое укрѣпленіе, а Чаплицу—защищать съ сѣвера Веселово; самъ же я, съ дивизіею Войнова, взялъ бы направленіе къ югу, на мѣстечко Шебашевичи, находящееся на Березинѣ, въ 6 слишкомъ миляхъ ниже Борисова.

Ланжеронъ, находясь у Борисова, долженъ былъ съ этого центральнаго пункта наблюдать за движеніями непріятеля на Березинѣ, выше и ниже Борисова, и оказывать сильное сопротивленіе, если Французы вздумали бы переправиться въ Веселовѣ, или въ другомъ мѣстѣ. Въ случаѣ нападенія на Чаплица, онъ долженъ былъ всѣми средствами помогать ему. Но если бы непріятель не предпринималъ ничего важнаго, а сталъ бы дѣлать только фальшивыя движенія, чтобы обмануть насъ, если бы онъ оставилъ противуположный берегъ и двинулся на то мѣсто, куда пошелъ я,—тогда Ланжеронъ долженъ былъ отозвать къ себѣ Чаплица и соединиться со мною.

По отправленіи означенныхъ предписаній, я выступилъ къ Шебашевичамъ, стараясь скрыть мое движеніе отъ непріятеля, который, узнавъ объ немъ, могъ бы удобно атаковать отряды, ослабленные моимъ удаленіемъ. Впродолженіи шести часовъ, идя въ низъ по Березинѣ, раздѣляющей меня отъ непріятеля, я старался скрыть отъ него мои войска, пользуясь гористою и лѣсистою мѣстностью. Дороги были не мощеныя, покрытыя снѣгомъ, и кромѣ того по дальнѣйшему разстоянію, стукъ отъ прохода моей артиллеріи не могъ быть слышенъ непріятелямъ. Вечеромъ 12-го числа мы прибыли въ Шебашевичи.

Тамъ, явился ко мнѣ офицеръ, который, до выхода моего изъ Борисова, былъ посланъ Чаплицемъ на другую сторону Березины, чтобы высмотрѣть расположеніе непріятеля и узнать о Витгенштейнѣ. Переѣхавъ Березину въ бродъ у Стахова, онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ партизановъ нашихъ, которые передали ему, для доставленія ко мнѣ, письмо Витгенштейна. Витгенштейнъ увѣдомлялъ меня о намѣреніи своемъ слѣдовать по пятамъ за Французами, которые находились противъ него, если они будутъ отступать, и соединиться съ арміею Кутузова. Съ большимъ сожалѣніемъ увидѣлъ я, что, вопреки планамъ нашимъ, Витгенштейнъ, вмѣсто того, чтобы съ своими 45,000 войсками присоединиться ко мнѣ и совокупно удерживать переправу, намѣренъ былъ слѣдовать за Французами, а меня оставлялъ одного противъ Наполеона, съ весьма незначительными силами. Я немедленно отправилъ того же курьера къ Витгенштейну, чтобы предложить ему соединиться со мною, по прежде принятому плану. Другаго курьера я не отправлялъ, потому что офицеръ, который привезъ письмо отъ Витгенштейна, не смотря на свою усталость, просилъ меня дать ему и это порученіе. Такъ какъ первое онъ исполнилъ разумно и смѣло, то я согласился, и онъ отправился обратно въ 10 часовъ вечера. Но вмѣсто того, чтобы ѣхать какъ можно скорѣе, согласно своему вызову, онъ, проѣхавъ нѣсколько верстъ, остановился ночевать и пріѣхалъ въ Борисовъ только въ 10 часовъ утра, гораздо позже тѣхъ курьеровъ, которые были отправлены послѣ него. Такимъ образомъ, этотъ молодой человѣкъ, не понимая важности даннаго ему порученія, не

оправдалъ моего довѣрія. Письмо мое не дошло до Витгенштейна, который остался при своемъ несчастномъ намѣреніи.

На другой день, 13 (25) числа, казакъ привезъ мнѣ извѣстіе, что непріятель готовится строить мостъ у Ухолода, въ полуторѣ мили ниже Борисова, между Ланжерономъ и мною. Я тотчасъ же отправилъ генералъ-маіора Рудзевича съ двумя полками пѣхоты и шестью орудіями, чтобы подкрѣпить отрядъ, который находился на томъ пунктѣ. Только что онъ выступилъ, какъ другой казакъ явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что непріятель оставилъ постройку моста. Не смотря на это, Рудзевичъ продолжалъ идти къ назначенному пункту, черезъ который можно было удобно переправиться и въ бродъ.

14 (26) числа, рано утромъ, Ланжеронъ далъ мнѣ знать, что непріятель намѣревается переправиться противъ деревни Бриловой или Стакла, и что Чаплицъ съ своею дивизіею защищаетъ эту переправу, которая была на сѣверѣ занимаемой нами линіи; самъ я лично находился на другомъ концѣ оной по направленію къ югу. Хотя мы не могли убѣдиться, дѣйствительно ли непріятель рѣшился на это предпріятіе, или оно будетъ имъ оставлено, также какъ и прежнее, все таки я приказалъ Чаплицу защищать этотъ пунктъ до послѣдней крайности, предупредивъ его, что ему въ скоромъ времени будетъ послано подкрѣпленіе, если непріятель будетъ упорствовать въ нападеніи. Въ тоже время я велѣлъ Ланжерону, ближе всѣхъ стоявшему къ Чаплицу, чтобы онъ отправилъ къ нему всѣ войска, которыми онъ могъ располагать, не оставляя однако безъ защиты мостовое укрѣпленіе Борисова. Рудзевичъ долженъ былъ идти къ Борисову, чтобы замѣнить своими войсками тѣ, которыя будутъ посланы на подкрѣпленіе Чаплица.

Между тѣмъ курьеръ отъ Чаплица, привезъ мнѣ извѣстіе, что непріятель упорствуетъ въ своемъ намѣреніи. Судя по этому, я полагалъ, что Французы дѣйствительно покушались переправиться на сѣверъ, и потому, оставивъ линію, которую занималъ на югѣ, я тотчасъ же двинулся на Борисовъ. Я прибылъ туда къ 10 часамъ вечера, съ дивизіею Войнова и со всѣмъ штабомъ моимъ. На походѣ мы слышали во все время пушечную пальбу, со стороны переправы.

Теперь я долженъ подробно разсказать о дѣйствіяхъ Чаплица, со времени выхода моего изъ Борисова, 12 числа утромъ, до возвращенія моего туда 14-го вечеромъ. Донесеніе этого генерала служитъ основаніемъ моего разсказа.

Чаплицъ стоялъ у Брилова, въ 400 или 500 саженяхъ отъ того мѣста, гдѣ потомъ Французы устроили свой мостъ. Онъ велѣлъ двумъ отрядамъ занять Зембинъ, который былъ отъ него въ 6 или 7 миляхъ, на дорогѣ въ Вильну, и Веселово было въ лѣво отъ него, въ 5 миляхъ, на нижней Березинѣ. Чтобы вѣрнѣе убѣдиться въ движеніяхъ непріятеля, онъ скрылся въ кустахъ, на берегу рѣки, и самъ видѣлъ, какъ офицеры осматривали удобныя мѣста для переправы. Офицеры эти старались скрыть свои дѣйствія, показывая видъ, что пріѣхали напоить лошадей своихъ; но Чаплицъ замѣтилъ, что лошади были однѣ и тѣ же, и возвращались только съ другими сѣдоками, которые въ свою очередь также дѣлали осмотръ.

Среди этихъ безпокойствъ, внушаемыхъ несомнѣнными признаками переправы, Ланжеронъ совершенно не кстати прислалъ Чаплицу приказаніе оставить всѣ три поста: у Зембина, у Веселова и у Брилова, соединиться съ нимъ у Борисова и вмѣстѣ идти ко мнѣ. Чаплицъ, основываясь на моемъ предписаніи, отказался исполнить это неумѣстное распоря-

женіе. Второе приказаніе, при которомъ Ланжеронъ угрожалъ ему отвѣтственностью за ослушаніе, осталось также безъ исполненія. Оба они прислали ко мнѣ курьеровъ въ Шебашевичи; но Ланжеронъ, извѣщая меня о дѣйствіяхъ Французовъ, ни однимъ словомъ не упомянулъ о тѣхъ двухъ несообразныхъ предписаніяхъ, которыми онъ отзывалъ къ себѣ Чаплица.

13 (25) числа около вечера, Чаплицъ увидѣлъ передъ собою значительную непріятельскую силу, которая безпрестанно увеличивалась вновь прибывающими войсками. Такъ какъ берегъ на его сторонѣ былъ ниже и не позволялъ ему достаточно наблюдать противуположную сторону, то онъ велѣлъ, при наступленіи ночи, переправиться вплавь 300 казакамъ, подъ командою полковника и поручилъ имъ захватить нѣсколько плѣнныхъ, а за неимѣніемъ таковыхъ взять помѣщика или управителя деревни, которая находилась на томъ берегу. Въ часъ по полуночи, отрядъ этотъ привезъ плѣнныхъ Французовъ и управителя. Отъ первыхъ онъ узналъ, что Французская армія находилась между Старымъ и Новымъ Борисовымъ и что она приготовлялась къ общему движенію на слѣдующій день. Управитель прибавилъ, что Французы велѣли строить два моста, и сколько ему извѣстна мѣстность, эти мосты вѣроятно будутъ устроены у Веселова, или у Брилова.

Въ это время наступили такіе морозы, что по рѣкѣ пошелъ ледъ, и болота, окружающія дорогу, около берега такъ крѣпко замерзли, что непріятельскія колоны могли послѣ переправы идти развернутымъ фронтомъ и производить пальбу на пространствѣ 300 или 400 саженъ. Это обстоятельство совершенно измѣнило ходъ дѣла. Не будь такого сильнаго мороза, Французская армія, переправившись черезъ Березину, не могла бы двинуться по такимъ обширнымъ и непроходимымъ болотамъ, гдѣ увязли бы и орудія и лошади и люди. Болота эти оканчивались только за 500 саженъ отъ переправы у деревни Брилова и лѣсовъ, гдѣ мѣстность была нѣсколько возвышеннѣе. Это пространство можно было только пройдти по узкой дорогѣ, пролегающей черезъ лужи и болота. Еслибы не морозъ, Французы вынуждены были бы наступать на Чаплица по означенной дорогѣ, удаляясь отъ прикрытія своихъ батарей, на противуположномъ берегу. Не имѣя возможности идти развернутымъ фронтомъ, пальбою они не могли бы нанести большаго вреда Чаплицу, между тѣмъ какъ онъ, при выходѣ ихъ изъ этой дефилеи, могъ бы сосредоточить на голову ихъ колонны выстрѣлы своихъ батарей и заранѣе выстроенной фронтомъ пѣхоты. Легко могло быть, что огонь этотъ помѣшалъ бы Французамъ выдти на открытое мѣсто. Но морозъ, затянувши болота, устранилъ это препятствіе. Онъ былъ гибеленъ для нихъ при отступленіи изъ Москвы, но на этотъ разъ оказалъ имъ помощь; ибо, при оттепели, путь этотъ былъ бы непроходимъ.

Чаплицъ, понимая, что положеніе его становилось опасно, поспѣшилъ возвратить къ себѣ отрядъ изъ Зембина. Отрядъ этотъ не сжегъ длинныхъ мостовъ, на другихъ болотахъ, въ полуторѣ милѣ отъ Березины, по дорогѣ въ Вильну, черезъ Зембинъ; въ инструкціи моей Чаплицу я однако предлагалъ ихъ уничтожить. Впрочемъ, оплошность эта не имѣла такихъ дурныхъ послѣдствій, какія хотѣли видѣть въ ней недоброжелатели. Конечно, если бы не было мороза, уничтоженіе этихъ мостовъ могло бы послужить новымъ препятствіемъ, которое дало бы возможность остановить Французовъ въ болотахъ; но такъ какъ эти болота замерзли, то легко можно было пройдти по нимъ и безъ

мостовъ, какъ я это и сдѣлалъ, при преслѣдованіи, не останавливаясь ни на одну минуту, не смотря на то, что Французы уничтожили всѣ мосты.

Какъ только прибылъ отрядъ изъ Зембина, Чаплицъ выстроилъ его подъ деревнею Бриловымъ, поставивъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ орудія, чтобы препятствовать построенію моста. 14-го числа въ 7 часовъ утра, передъ разсвѣтомъ, непріятель переправилъ на правый берегъ застрѣльщиковъ, которые открыли пальбу по войскамъ Чаплица. Чаплицъ опрокинулъ ихъ и успѣлъ картечью отогнать тѣхъ, которые строили мостъ. Но вскорѣ послѣ того, Французы поставили 30 орудій большаго калибра на противуположномъ берегу, который господствовалъ надъ позиціею Чаплица. Пальба этой огромной батареи угрожала подбить всѣ наши пушки, и Чаплицъ вынужденъ былъ оставить свою позицію. Находя себя слишкомъ слабымъ, чтобы противиться какъ постройкѣ моста такъ и переправѣ, онъ не хотѣлъ жертвовать своими солдатами, по невозможности удержаться, и отступилъ въ лѣса. Впрочемъ, когда проходилъ корпусъ маршала Удино, Чаплицъ упорно защищалъ мостъ, и вечеромъ успѣлъ остановить непріятеля передъ деревнею Стаховымъ, въ двухъ миляхъ отъ переправы и въ такомъ же разстояніи отъ Борисова. Однимъ словомъ, не смотря на слабость силъ своихъ, онъ взялъ 380 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 8 офицеровъ и одного капитана гвардіи. Отъ нихъ узнали мы, что армія Наполеона выступила по тому же направленію отъ Студянки къ Брилову.

Чаплицъ былъ генералъ разумный, храбрый и дѣятельный. Послѣ Ламберта, который по несчастію былъ тяжко раненъ, изъ всѣхъ моихъ генераловъ я болѣе всѣхъ довѣрялъ ему. Многіе военные изъ Французовъ находили однако, что сопротивленіе, которое они встрѣтили, по переходѣ черезъ Березину, было не такъ упорно, какъ они ожидали. Мои приказанія предписывали Чаплицу держаться до послѣдней крайности, и можетъ быть, подъ прикрытіемъ домовъ въ Бриловѣ и при заранѣе устроенной оборонѣ, онъ имѣлъ бы возможность на нѣкоторое время удержать свою позицію. Елибы не предписанія Кутузова, заставившія меня отойдти на 8 миль отъ настоящаго мѣста переправы, дѣло это могло бы кончиться иначе. Но Чаплицъ, оставленный съ 4000 человѣкъ, получая приказанія отъ Ланжерона соединиться съ нимъ и даже угрозы, если онъ останется на своей позиціи, — легко могъ поколебаться. Онъ съ часу на часъ ожидалъ быть отрѣзаннымъ, такъ какъ, въ двухъ миляхъ отъ Борисова и Брилова, бродъ въ Стаховѣ могъ служить для перехода достаточныхъ силъ непріятеля, которыя могли бы помѣшать ему приблизиться къ намъ или получить отъ насъ подкрѣпленіе.

Къ тому же, считая меня слишкомъ слабымъ, чтобы остановить Наполеона, даже со всѣми моими соединенными силами, онъ счелъ за нужное сберечь войска свои, чтобы защищать дорогу въ Минскъ вмѣстѣ съ остальною моей арміей. Овладѣвъ этой дорогой, Наполеонъ имѣлъ бы возможность соединиться съ Шварценбергомъ и воспользоваться съѣстными припасами изъ огромныхъ Виленскихъ магазиновъ. Онъ легко могъ бы поставить насъ въ такое положеніе, въ которомъ намъ ничего бы не оставалось болѣе дѣлать какъ окончить кампанію. Это соображеніе до того безпокоило Чаплица, что онъ впослѣдствіи нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что, не смотря на мое предписаніе, онъ нарочно не уничтожилъ моста на Зембинскихъ болотахъ. Онъ разсудилъ, что Наполеонъ, не имѣя въ такомъ случаѣ другой дороги къ

отступленію какъ на Зембинъ, всѣмъ бы пожертвовалъ, чтобы занять этотъ путь, и уничтожилъ бы насъ своими превосходными силами.

Это мнѣніе было не одного Чаплица. Наполеонъ былъ тѣхъ же мыслей. Мнѣ объ этомъ разсказывали послѣ многіе генералы, которые его въ то время окружали. Изъ нихъ я назову герцога Виченскаго, графа Лобау и генерала Мезона. Когда Наполеонъ вмѣсто того чтобы встрѣтить вмѣстѣ со мною графа Витгенштейна, узналъ, что, напротивъ того, онъ слѣдуетъ позади его, онъ тотчасъ же сказалъ: „На той сторонѣ Березины адмиралъ „одинъ, мы возьмемъ переправу силою.“ Послѣ же взятія переправы, онъ нѣсколько разъ повторилъ: „Я бы очень „желалъ уничтожить этотъ корпусъ.“ Но ему нужно было торопиться: съ часу на часъ ожидали прибытія Кутузова и Витгенштейна. Онъ согласился на убѣжденія своихъ генераловъ, которые въ этомъ предпріятіи видѣли только трату людей и времени.

Въ тотъ самый день когда Французы силились овладѣть переправою черезъ Березину, Кутузовъ наконецъ рѣшился перейдти Днѣпръ у Копыса, въ 25 миляхъ отъ переправы.

Наступило 15 (27) Ноября. Семь дней какъ мы стояли на Березинѣ; въ продолженіи пяти дней сражались мы съ авангардомъ, потомъ съ разными корпусами большой Французской арміи. Ни Витгенштейнъ, ни Кутузовъ не являлись. Они оставляли меня одного съ ничтожными силами противъ Наполеона, его маршаловъ и арміи втрое меня сильнѣйшей, тогда какъ сзади меня были Шварценбергъ и возставшее Польское населеніе. Условленное наше соединеніе, съ тѣмъ чтобы нанести рѣшительный ударъ непріятелю, очевидно не удалось. Пока Наполеонъ оканчивалъ постройку мостовъ и продолжалъ переправлять войска свои, мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ скорѣе собирать всѣ отряды, которые я разставилъ вдоль берега Березины и переформировать корпуса, потерпѣвшіе въ битвѣ 14 числа. Я хотѣлъ соединить всѣ мои войска для того, чтобы атаковать Наполеона при его отступленіи и сдѣлать ему какъ можно болѣе вреда, или же защищать до послѣдней крайности дорогу въ Минскъ.

Съ этою цѣлью и были сдѣланы всѣ мои распоряженія. 15 Ноября, на другой день по прибытіи моемъ въ Борисовъ, я отправился къ Чаплицу и осмотрѣлъ его позицію. Передъ фронтомъ его тянулись высокіе еловые лѣса; среди этихъ лѣсовъ видны были прогалины, по которымъ пролегала, по направленію къ непріятелю, дорога, окопанная канавою. Ширина этой дороги была достаточна, чтобы въ случаѣ надобности поставить на ней батарею изъ 8 или 10 орудій въ одинъ рядъ. Она мѣстами возвышалась и спускалась. Съ правой стороны проселочная дорога, опушкою лѣса, вела къ болотамъ; съ лѣвой—такая же дорога, минуя правый флангъ Французовъ, направлялась къ Ликову. Отъ деревни Стаховой, гдѣ стоялъ Чаплицъ, до Брилова и до переправы считалось около четырехъ верстъ. На такой мѣстности Французамъ легко было дѣйствовать, даже еслибы они имѣли гораздо менѣе войска противъ меня. Я не могъ здѣсь употребить въ дѣло свою многочисленную артиллерію, въ которой было 100 орудій. 9000 моей кавалеріи были почти безполезны. Съ остальными 10,000 пѣхоты не возможно было дѣйствовать совокупно, въ такомъ лѣсу, по которому нельзя было иначе пройдти, какъ разсыпнымъ строемъ. Это неудобство, и при равныхъ силахъ, ставило меня въ весьма невыгодное положеніе. Русская пѣхота въ строю, на мѣстѣ — непоколебима; но въ атакѣ разсыпнымъ строемъ, гдѣ каждый человѣкъ долженъ дѣйствовать самостоятельно и принаравливаться къ

мѣстности, она не имѣетъ такого соображенія и ловкости, какъ прочія Европейскія войска, особенно Французскія, да еще такіе отборные солдаты, которые стояли противъ меня.

Мнѣ оставалось одно изъ двухъ: стараться отбросить въ Березину тѣ войска, которыя уже перешли ее и для этаго сейчасъ же броситься на нихъ, пока число ихъ, безпрестанно увеличивавшееся вновь прибывающими войсками, не достигло до такой степени, когда борьба съ ними была бы затруднительна и даже опасна;—или предварительно собрать всѣ мои войска, разбросанныя вдоль Березины, съ слабою надеждою на прибытіе подкрѣпленій отъ Витгенштейна или отъ Кутузова, что дозволило бы мнѣ дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, не смотря на значительныя силы Французовъ, переправившихся чрезъ Березину.

Прошло уже 24 часа съ того времени, когда можно было удобно атаковать непріятеля. Мнѣ самому слѣдовало быть тамъ, чтобы подкрѣпить Чаплица и отбросить непріятельскія войска въ рѣку, когда они не успѣли еще переправиться въ большемъ количествѣ. Предписаніе Кутузова помѣшало мнѣ исполнить это. Съ того времени Французы, у которыхъ я полагалъ 70000 человѣкъ, должны были успѣть переправить количество войскъ гораздо болѣе того, которое я велъ изъ Шебашевичей. Пѣхота моя должна была пройдти 9 миль, тогда какъ Французамъ оставалось перейдти только мостъ, на пространствѣ 55-ти саженъ; войска мои не были въ совокупности, и требовался цѣлый день 15-го числа для сбора ихъ. Вслѣдствіе сего, мнѣ мало оставалось надежды на удачу, если бы я даже и тотчасъ атаковалъ Французовъ. Это былъ бы безразсудный поступокъ, который могъ бы повести къ уничтоженію моихъ войскъ; между тѣмъ какъ, выждавъ нѣсколько часовъ, я могъ надѣяться на помощь Кутузова или Витгенштейна, которыхъ ожидалъ. По этому я рѣшился отсрочить нападеніе. Я отдалъ въ распоряженіе Чаплица еще два полка и велѣлъ ему, на другой день 16-го на разсвѣтѣ, атаковать непріятеля, обѣщавъ поддержать эту атаку остальными моими войсками; самъ же немедленно возвратился въ Борисовъ, чтобы все это устроить скорѣе.

Наступала ночь, какъ вдругъ услышали мы нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ на той сторонѣ Березины, сзади Французской арміи. Наконецъ дождались мы Витгенштейна. Я сейчасъ же отправилъ, для открытія съ нимъ сообщенія, нѣсколько отрядовъ, черезъ рѣку, которую очень удобно было перейдти подъ Борисовымъ, велѣвъ одному пѣхотному полку взять Борисовъ, который былъ тогда занятъ Французскою дивизіею Партуно. Генералъ этотъ вскорѣ очистилъ городъ. Въ сумерки разсмотрѣли мы, что войска его потянулись вверхъ по Березинѣ, къ Студянкѣ, для соединенія съ Наполеономъ; потомъ, услышавъ съ противной стороны отъ меня пушечные выстрѣлы Витгенштейна, они въ недоумѣніи остановились неподвижно среди поля. Вскорѣ послѣ того, другіе выстрѣлы послышались съ правой стороны ихъ: то былъ Платовъ съ своими казаками. Такимъ образомъ Французская дивизія, сбившись съ дороги, наткнулась на корпусъ Витгенштейна и, положивъ оружіе, сдалась въ плѣнъ.

Около 10-ти часовъ вечера, явился ко мнѣ отъ гр. Витгенштейна одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ. Онъ спросилъ меня, какъ я буду дѣйствовать,—такимъ тономъ, который ясно мнѣ доказывалъ, что Витгенштейнъ почиталъ себя совершенно независимымъ и намѣренъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. И такъ, кромѣ того, что помощь опоздала своимъ прибытіемъ, но здѣсь вмѣшалось еще и мелочное самолю-

біе, которое должно было вредить совокупности нашихъ дѣйствій! Я отвѣчалъ полковнику, что намѣренъ атаковать правый берегъ на разсвѣтѣ, и что, полагая непріятеля въ четверо сильнѣе меня, я приглашалъ графа Витгенштейна атаковать Французовъ въ одно время со мною на лѣвомъ берегу. Я письменно просилъ также прислать ко мнѣ на подкрѣпленіе пѣхотныя дивизіи. — На это онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ; но обѣщалъ атаковать на другой день на разсвѣтѣ, чего однако не исполнилъ. Онъ атаковалъ четыре часа позднѣе.

Отвѣтъ отъ него я получилъ въ 11 часовъ вечера. Я тотчасъ же отправилъ генерала Ланскаго съ шестью орудіями конной артиллеріи и большею частью моей кавалеріи, которую я не могъ употребить въ дѣло по причинѣ лѣсистой и болотистой мѣстности, приказавъ ему перехватить дорогу изъ Зембина на Плешеницу, уничтожить мосты, провіантскіе склады и все, что могло служить въ пользу непріятеля.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Государя подполковникъ Михаилъ Орловъ. Его отправилъ Кутузовъ, съ отрядомъ казаковъ, узнать о моемъ мѣстопребываніи, что́ ему казалось необходимымъ, чтобы приблизиться къ Борисову. Къ сожалѣнію моему, узналъ я отъ сего посланнаго, что фельдмаршалъ находился отъ меня и отъ непріятеля въ шести переходахъ. По этому можно судить, какъ онъ неутомимо преслѣдовалъ: это называется идти по пятамъ непріятеля на благородной дистанціи (*).

16-го числа на разсвѣтѣ, я двинулся со всѣми моими силами къ Стахову, надѣясь придти туда еще во́ время, чтобы сдѣлать отпоръ непріятельскимъ войскамъ, которыя не могли еще всѣ переправиться. Я могъ бы опрокинуть ихъ въ Березину, пока они еще не укрѣпились на правомъ берегу, еслибы Витгенштейнъ, по обѣщанію своему, атаковалъ на разсвѣтѣ тѣ Французскія войска, которыя оставались на лѣвомъ берегу. У Витгенштейна было шесть дивизій, всего около 45000 человѣкъ.

Я велѣлъ Чаплицу начинать нападеніе, не дожидаясь никого. Вотъ какъ онъ распорядился.

Первая колонна, подъ командою генерала Рудзевича, пройдя лѣсъ по направленію къ большой дорогѣ, должна была атаковать и отбросить непріятельскіе аванпосты. Другіе два отряда, подъ начальствомъ генераловъ Корнилова и Мещеринова, должны были поддерживать его, подаваясь впередъ въ колоннахъ, съ частью конницы. Артиллерія его была поставлена вдоль большой дороги, по 4 орудія въ рядъ, соображаясь съ мѣстностію, на произвольныхъ разстояніяхъ. Она была подъ прикрытіемъ полковъ: Павлоградскаго и двухъ драгунскихъ. Наконецъ, четвертая колонна, составленная изъ двухъ егерскихъ полковъ, двухъ кавалерійскихъ, однаго казачьяго и четырехъ орудій, подъ командою полковника Красовскаго, должна была двинуться вдоль Березины, по опушкѣ лѣса, чтобы прикрывать пра-

---

(*) Слова автора сихъ Записокъ ясно выражаютъ какую-то непріязнь къ Кутузову и желаніе представить его дѣйствія при преслѣдованіи вялыми и неправильными. Спрашивается, какимъ образомъ могъ Кутузовъ идти по пятамъ Наполеоновой арміи, когда отправленные для преслѣдованія, извѣстный своею быстротой Милорадовичъ и всѣ партизаны наши съ казаками, не могли поспѣть за нею? Французы не шли, а бѣжали, бросая на дорогѣ не только оружіе, но и людей съ лошадьми. Если бы Кутузовъ не отставалъ отъ нихъ, то привелъ бы на границу армію свою совершенно разстроенною; половина ея осталась бы на дорогѣ отъ усталости и голода. Самъ же авторъ упоминаетъ здѣсь слова маркиза Шамбре, что при переправѣ у Наполеона было 37700 человѣкъ и столько же отсталыхъ и безоружныхъ: доказательство быстроты непріятельскаго отступленія.

Прим. переводчика.

вый флангъ Чаплица, еслибы непріятель покусился атаковать его съ этой стороны. Кромѣ того, колонна эта должна была подкрѣплять и общую атаку.

16-го числа, около 5-ти часовъ утра, Чаплицъ двинулъ свои войска. Я же, по пріѣздѣ моемъ въ Стахово, около 8-ми часовъ, собралъ колонну, и для поддержанія Чаплица, велѣлъ двинуться впередъ: дивизіи Войнова, дивизіи Палена и восьми полкамъ, которыми я могъ располагать.

Осматривая, на канунѣ, фронтъ позиціи, я замѣтилъ сзади Чаплица возвышенную мѣстность, передъ которою протекалъ ручей. Ею можно было воспользоваться, чтобы остановить непріятеля, еслибы онъ получилъ надъ нами успѣхъ. Здѣсь я поставилъ свою артиллерію, подъ прикрытіемъ резерва и велѣлъ обставить орудіями и другія высоты, находящіяся болѣе впереди. Въ случаѣ отступленія, они прикрывали бы наши колонны, еслибы они были обойдены по замерзшимъ болотамъ, которыя окружали насъ. Изъ всей моей кавалеріи я оставилъ у себя только пять полковъ; остальные наканунѣ были отправлены на Зембинскую дорогу.

Рудзевичъ, съ первою колонною вошелъ въ лѣсъ и опрокинулъ первую цѣпь непріятельскихъ аванпостовъ, не смотря на ихъ упорное сопротивленіе. На всѣхъ пунктахъ передъ нами, замѣтно было нѣкоторое замѣшательство; войска наши быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ Красовскій, пройдя вдоль Березины по опушкѣ лѣса, остановился въ двухъ миляхъ впереди, и открылъ огонь по мосту и по дорогѣ, примыкающей къ оному.

Чаплицъ разсказываетъ, что онъ въ это время услышалъ позади себя крики *ура*! и барабанный бой. То были колонны нашего резерва, которыхъ разсыпалъ по лѣсу начальникъ моего штаба Сабанѣевъ, вѣроятно для того чтобы увеличить фронтъ атаки и заставить Французовъ думать объ опасности быть обойденными превосходными нашими силами. Чаплицъ, имѣя намѣреніе построить вновь эти войска въ колонну, искалъ Сабанѣева; но, не нашедши его, возвратился къ своей дивизіи, гдѣ присутствіе его было необходимо.

Сопротивленіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ у непріятеля стояли резервы. Съ одного возвышенія, у Брилова, которое господствовало надъ нами, онъ открылъ адскій огонь, который ломалъ деревья и губилъ множество людей нашихъ. Не смотря на то, Чаплицъ подавался впередъ; но неожиданно вышелъ на поляну, а такъ какъ пѣхота его шла по лѣсу разсыпнымъ строемъ, то на открытомъ мѣстѣ она легко могла быть атакована кавалеріею; ее должна бы поддержать резервная колонна, состоящая изъ 8 полковъ, которую я послалъ съ Сабанѣевымъ; но, по несчастію, онъ разсыпалъ ее на лѣвомъ флангѣ.

Непріятель воспользовался этою ошибкою. Мы увидѣли, что его пѣхотная колонна двинулась на насъ, а вслѣдъ за тѣмъ кавалерія, быстро бросившись на растянутую цѣпь стрѣлковъ, опрокинула ихъ. Въ этомъ замѣшательствѣ, стоящая позади пѣхота начала стрѣлять въ Чаплица, Войнова и въ другихъ генераловъ, которые были окружены Французскою конницею. Чаплицъ, съ своимъ конвоемъ, защищавшійся саблею, былъ раненъ въ голову; подъ нимъ и подъ Войновымъ, получившимъ сильную контузію, были убиты лошади. Наконецъ имъ удалось освободиться, и одинъ эскадронъ Павлоградскаго гусарскаго полка выручилъ генерала князя Щербатова, въ ту самую минуту, когда его окружили и уже тащили за платье съ лошади. Замѣчательно, что на этой лѣсистой мѣстно-

сти насъ разстроила кавалерійская атака; точно также и наша конница остановила стремленіе Французовъ. Мы продолжали битву до поздней ночи, удержались на своихъ мѣстахъ, но не могли подвинуться впередъ.

Я долженъ отдать справедливость искусству, съ которымъ генералъ Думеркъ умѣлъ воспользоваться лѣсными полянами для кавалерійскихъ атакъ. Чаплицъ, въ своемъ донесеніи, показываетъ нашу потерю въ 2000 человѣкъ; уронъ Французовъ долженъ былъ быть значительный, судя по показаніямъ плѣнныхъ и по числу ихъ раненыхъ генераловъ. Между ними были: герцогъ Реджіо, генералы Легранъ, Зайончекъ, Домбровскій, Каминскій и другіе. Плѣнные Французы объявили, что первые два корпуса, вступившіе въ дѣло, были совершенно уничтожены. Что же касается до плѣнныхъ, взятыхъ у насъ Думеркомъ, я никакъ не могъ добиться настоящаго числа ихъ, благодаря ложнымъ донесеніямъ, которыя вошли въ обыкновеніе въ Русской арміи.

Здѣсь долженъ я упомянуть о весьма непріятномъ случаѣ. Одинъ изъ полковъ, посланныхъ на подкрѣпленіе Чаплица, началъ колебаться и наконецъ отказался идти въ дѣло. Никакія увѣщанія не дѣйствовали, и я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, приказавъ навести на полкъ его пушки; тогда только онъ пошелъ впередъ и дрался очень хорошо. Впослѣдствіи я узналъ, что при штурмѣ Рущука на Дунаѣ, гдѣ Каменскій потерялъ 1200 человѣкъ, этотъ самый полкъ, былъ почти весь уничтоженъ, за неимѣніемъ длинныхъ лѣстницъ и отъ дурнаго распоряженія; вслѣдствіе сего солдаты не могли имѣть довѣрія къ своимъ начальникамъ, и это недовѣріе довело ихъ до поступка, неслыханнаго въ исторіи Русскихъ войскъ.

Во время сраженія одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Ермоловъ, прибылъ съ 4000 разнаго рода войскъ; я предложилъ ему участвовать въ битвѣ, которая должна была казаться очень важною въ глазахъ всякаго Русскаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что люди его, не имѣя нѣсколько дней пищи, были слишкомъ утомлены и что они не въ состояніи будутъ драться, если я имъ не велю дать провіанта. Продовольствіе, взятое нами въ ранцахъ изъ Минска, почти совсѣмъ истощилось, и я ничего не могъ дать его войскамъ, которыя по этой причинѣ и не участвовали въ дѣлѣ. Вскорѣ послѣ того прибылъ Платовъ съ одними казаками; онъ не отказалъ мнѣ въ нѣсколькихъ полкахъ, которые и направлены были на мѣсто сраженія; но дѣйствія Французской кавалеріи и неудобная мѣстность не позволили имъ оказать намъ значительную помощь.

Около 2 часовъ по полудни, пріѣхалъ ко мнѣ Витгенштейнъ, одинъ безъ войска, тогда какъ Чаплицъ началъ атаковать въ 5 часовъ утра. Витгенштейнъ, прибывъ въ Борисовъ, безъ затрудненія переправился черезъ Березину, возлѣ уничтоженнаго моста. Когда я разсказалъ ему о нашемъ положеніи и опять началъ просить подкрѣпленій, которыя впрочемъ уже не могли прибыть къ намъ во время, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Но что „вы хотите дѣлать? Непріятель будетъ „продолжать пальбу до ночи и по„томъ, по обыкновенію, отступитъ.“ Какъ ни старался я увѣрить его, что мы не должны довольствоваться одною пальбою и преслѣдованіемъ, и что дѣло идетъ о томъ, чтобы уничтожить непріятеля, мои увѣщанія не подѣйствовали на него.

Графъ Витгенштейнъ стоялъ съ большою частью силъ своихъ и хладнокровно смотрѣлъ на битву, которая должна была бы рѣшить судьбу Французской арміи. Между тѣмъ какъ мы съ 5-ти часовъ утра, съ малыми силами, дрались на правомъ берегу съ большою частью войскъ Наполеона,

онъ ввелъ въ дѣло на лѣвомъ берегу только ничтожныя силы противъ маршала Виктора, который командовалъ арьергардомъ. Давъ слово атаковать въ одно время съ нами, въ 5 часовъ утра, онъ началъ атаку только въ 10 часовъ и не помѣшалъ Виктору стоять на позиціи цѣлый день. Онъ ввелъ въ дѣло всего 14000 чел., тогда какъ у него было 45000, и вмѣстѣ съ тѣмъ не согласился подкрѣпить меня двумя дивизіями; остальныя войска его стояли въ отдаленіи, безъ всякаго дѣла. Къ императору Александру писалъ онъ „что заставилъ Наполеона переправиться черезъ Березину“. Какъ мнѣ кажется, ему вмѣнено было въ обязанность помѣшать этой переправѣ.

Такимъ образомъ, вмѣсто 160000, которыя, по разсчету императора Александра, должны были собраться на правомъ берегу Березины, оказалось только моихъ 20000 чел., для встрѣчи и задержанія Наполеона, котораго Кутузовъ долженъ былъ тѣснить сзади. Никто не исполнилъ предписаній императора; никто, кромѣ меня, не явился къ назначенному мѣсту.

Непріятель уходилъ въ продолженіе всей ночи. Я отправилъ Чаплица, съ авангардомъ, преслѣдовать его со всевозможною быстротою, подкрѣпивъ отрядами легкихъ войскъ, съ которыми генералъ-маіоръ Орурк защищалъ берегъ на правомъ флангѣ Березины.

Когда наканунѣ, во время боя, Наполеонъ узналъ, что всѣ люди, могущіе нести оружіе, переправились черезъ рѣку, онъ приказалъ переправиться и маршалу Виктору и тотчасъ же уничтожить мосты, оставивъ такимъ образомъ на лѣвомъ берегу огромный обозъ экипажей и фуръ. Тогда началось такое замѣшательство, которое трудно описать: пѣхота, конница, отсталые и все что слѣдовало за арміею, женщины, дѣти, все это бросилось толпою на мостъ, который уничтожали.

Ужасное зрѣлище представилось намъ, когда мы 17 Ноября, пришли на то мѣсто, которое наканунѣ занималъ непріятель, и которое онъ только что оставилъ: земля была покрыта трупами убитыхъ и замерзшихъ людей; они лежали въ разныхъ положеніяхъ. Крестьянскія избы вездѣ были ими переполнены, рѣка была запружена множествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей; около мостовъ, валялись цѣлые эскадроны, которые бросились въ рѣку. Среди этихъ труповъ, возвышавшихся надъ поверхностью воды, видны были стоявшіе, какъ статуи, окоченѣлые кавалеристы на лошадяхъ, въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть.

Эта картина не производила большаго впечатлѣнія на нашихъ казаковъ, которые только и думали какъ бы воспользоваться случаемъ поживиться; имъ однако не такъ много досталось добычи, какъ казакамъ Платова и Витгенштейна на правомъ берегу, которые взяли повозки съ золотыми, серебряными и другими драгоцѣнными вещами (*) награбленными непріятелемъ въ Москвѣ. Поэтому мои казаки вытаскивали изъ рѣки тѣла и обирали платье ихъ, часы и кошельки. Такъ какъ этотъ промыселъ казался имъ недовольно выгоднымъ то они снимали платье съ оставшихся въ живыхъ Французовъ. Эти несчастные громко кричали; имъ было очень холодно и, ночью отдыхая въ крестьянской избѣ, я слышалъ вопли ихъ. Многіе въ борьбѣ со смертью сили-

(*) Вещи эти были церковная утварь, взятая Французами въ Москвѣ. Автору вѣроятно не было извѣстно, что все это отбитое у непріятеля серебро и золото было пожертвовано казаками С.-Петербургскому Казанскому собору. Оно было употреблено на сооруженіе иконостаса, который и въ настоящее время находится въ означенномъ храмѣ.

Прим. переводчика.

лись перелѣзть ко мнѣ черезъ заборъ, но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ; такъ что, при выходѣ моемъ, я нашелъ ихъ замерзшими: однихъ съ поднятыми руками, другихъ съ поднятыми ногами... Курьеры, которыхъ я посылалъ на саняхъ, часто останавливались, очищая себѣ дорогу отъ множества мертвыхъ тѣлъ, которыя часто попадались между полозьями.

Впослѣдствіи, чтобы предупредить заразу, приказано было Минскому губернатору собрать всѣ мертвыя тѣла и сжечь. По донесеніямъ его, сожжено было имъ 24,000 труповъ, найденныхъ на мѣстѣ битвы и въ окрестностяхъ переправы (*).

ВОСПОМИНАНІЕ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ былъ хроменькій монахъ, именемъ Трифиллій. Я учился тогда въ Московской Духовной Академіи, помѣщающейся, какъ извѣстно, въ этой же Лаврѣ. Разъ этотъ Трифиллій встрѣчается со мною и, посмотрѣвъ на меня пристально, кланяется мнѣ чуть не до земли, и начинаетъ рѣчь: Г. студентъ! вы мнѣ кажетесь человѣкъ добрый; удостойте посѣтить мою келью; я вамъ открою свою сердечную тайну, и попрошу васъ объ одной услугѣ. Замѣтить надобно, что академическое начальство какъ-то вообще косо смотрѣло на знакомство студентовъ съ лаврскими монахами, и потому бытъ ихъ оставался отъ насъ совершенно закрытымъ. Согласиться на просьбу о. Трифиллія подстрекнули меня три желанія: первое, побывать хотя въ одной лаврской кельѣ и поимѣть хотя малое понятіе о житьѣ-бытьѣ монашествующихъ; второе, выслушать обѣщанную тайну, и третіе, узнать, въ чемъ могла состоять моя услуга. Благообразная же наружность старца, сквозь которую просматривало непритворное благочестивое настроеніе, успокоили меня на счетъ того, что академическое начальство не осудило бы меня за знакомство съ такимъ добрымъ инокомъ, если бы и узнало о томъ.

Въ условленное время пришелъ я къ о. Трифиллію. Келейка его находилась въ корридорѣ больничнаго Зосимо-Савватіевскаго Собора, — она имѣла не болѣе сажени длины и менѣе того ширины; въ переднемъ углу иконы, подъ ними маленькій столикъ, близъ его стулъ, противъ стула коечка старца. Вотъ вся обстановка. Не видно было ни одной книги, потому что старецъ былъ безграмотный; не было ни чашекъ чайныхъ, ни самовара, ни графина, ни рюмки, потому что старецъ не пилъ ни чаю, ни водки. Но на окнѣ стояла бутылка съ пивомъ, въ тарелкѣ лежала часть осетрины и прекрасная, бѣлая какъ снѣгъ, булка. Въ Лаврѣ въ то время не было положено общаго на трапезѣ ужина, и монахамъ предоставлялось, послѣ обѣда, уносить по кельямъ порцію для вечерней трапезы. Эту-то порцію и сберегъ о. Трифиллій отъ вчерашняго вечера, чтобы предложить мнѣ на угощеніе, по пословицѣ: у старца въ кельѣ, что Богъ послалъ. Тайна, тяготившая сердце старца, состояла въ томъ, что его дочь, вдова, жившая въ г. Дмитровѣ, вела себя свободно; и онъ просилъ меня написать отъ него отеческое ей увѣщаніе, чтобъ она

(*) Выше, подъ предисловіемъ къ этой статьѣ ошибочно выставлено *П. Ильинъ*. Переводъ статьи и примѣчанія къ ней принадлежатъ Василію Васильевичу Ильину. *П. Б.*

исправилась, а буде же сама исправиться не можетъ, то заклиналъ ее, чтобъ она не довела до разврата своей дочери, его внучки. Исполнить просьбу старца, проливавшаго слезы, я счелъ христіанскимъ долгомъ, и потому, сходивъ въ Академію за письменными принадлежностями, написалъ посланіе къ падшей, но не иначе, какъ со словъ старца; отъ себя прибавить, или измѣнить что нибудь изъ его не совсѣмъ гладкихъ выраженій, не позволялъ онъ ни подъ какимъ видомъ. За тѣмъ, по мѣрѣ получаемыхъ имъ неблагопріятныхъ о своей дочери вѣстей, я продолжалъ быть его секретаремъ и на будущее время, а иногда посѣщалъ его и безъ дѣла, просто изъ желанія побесѣдовать съ опытнымъ и набожнымъ инокомъ.

Въ Академію поступилъ я въ 1818 году; въ Мартѣ 1819 года скончался Архіепископъ Московскій Августинъ, принесенный для погребенія въ Лавру и положенный въ Лаврскомъ Успенскомъ Соборѣ; на мѣсто Августина поступилъ Митрополитомъ Московскимъ Серафимъ, который въ 1821 году перемѣщенъ въ Петербургъ; на мѣсто же Серафима управленіе Московскою митрополіею возложено было на Архіепископа Филарета.

Преосвященный Филаретъ прибылъ въ Лавру и, какъ ея настоятель, принялъ ее въ свое управленіе. Я пошелъ къ отцу Трифиллію, чтобъ услышать отъ него, не было ли чего при этомъ пріемѣ оригинальнаго, чѣмъ всегда и вездѣ отличался Преосвященный Филаретъ.

—Родной ты мой П...В-чъ! такъ встрѣтилъ меня отецъ Трифиллій,—знаешь ли ты, что сдѣлалъ со мною новый Владыка?—Ничего не знаю, отвѣчалъ я.—Такъ садись-ко на единственный мой стульчикъ, а я сяду насупротивъ тебя на коечку и поразскажу. Я былъ въ молодости матросомъ, служилъ въ Кронштадтѣ. Служба моя памятна для меня еще особеннымъ случаемъ (при этомъ старецъ тяжело вздохнулъ): я стоялъ на часахъ въ тотъ тяжелый день, когда Императоръ Петръ III поѣхалъ въ шлюбкѣ кататься по Финскому заливу, и когда, по удаленіи его изъ вида, принесли налои съ крестами и евангеліями, и всѣхъ насъ на часахъ привели къ присягѣ на вѣрность службы Императрицѣ Екатеринѣ II, а за тѣмъ былъ отданъ приказъ: если кто подплыветъ къ пристани и будетъ называть себя Императоромъ, то отвѣчать: нѣтъ у насъ Императора, — у насъ Императрица Екатерина II. И мнѣ грѣшному привелось сдѣлать такой страшный отвѣтъ бывшему Государю. Онъ, батюшка, выслушавши это, поворотилъ шлюбку и былъ таковъ. Но это къ слову; окончу разсказъ о себѣ. На службѣ былъ я раненъ въ ногу, отъ чего теперь и хромъ, и отъ чего тогда вышелъ въ отставку. По излеченіи отъ раны, пришелъ я помолиться сюда къ мощамъ Преподобнаго Сергія. А какъ надобно же было гдѣ нибудь пріискать хлѣбъ насущный: то я въ бывшей здѣсь (ранѣе Академіи) Лаврской семинаріи нанялся въ служители. И какъ Господь устроилъ! На меня вышла счастливая доля поступить въ услуженіе при комнатѣ учителя Василія Михайловича Дроздова. За мою исправность, честность и простоту онъ до того сдѣлался ко мнѣ снисходительнымъ, что дозволялъ себѣ иногда съ старымъ матросомъ кой-какія шуточки; и какъ я спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, онъ на кровати, я на полу у печки: то, утомивши свою умную головушку разными науками, ляжетъ онъ бывало въ постель, и скажетъ: ну, Ѳедоръ (меня такъ звали), говори какую нибудь сказку. — Да что ты, Василій Михайловичъ, отвѣчаю бывало я, охота тебѣ слушать такіе пустяки?—Голова моя, скажетъ онъ, слишкомъ набита: надобно, чтобъ не много опустѣла.—Ну я и начну были и небы-

лицы, пока не уснетъ онъ. Однажды, когда мы улеглись, я говорю ему: а что, батюшка, Василій Михайловичъ, правда ли, идетъ у насъ на кухнѣ слухъ, будто ты хочешь постричься въ монахи?—Ну, такъ чтожъ?—сказалъ онъ.—А вотъ что, продолжалъ я: головушка твоя преумная, это всѣмъ извѣстно; ты скоро дослужишься до архіерейства; а я тоже намѣренъ, если Господь изволитъ, постричься здѣсь, въ святой Лаврѣ, въ монашество. Тогда вѣдь ты не вспомнишь меня, своего истопника?—Ну, Ѳедоръ, сказалъ онъ,—до архіерейства далеко; однакожъ во всякомъ случаѣ я тебя никогда не забуду. За тѣмъ онъ постригся, нареченъ Филаретомъ, отозванъ въ Петербургъ; и въ первый разъ явился сюда архіереемъ Ревельскимъ на ваши академическіе экзамены,—ревизоромъ што-ли. Былъ онъ за тѣмъ здѣсь ревизоромъ и еще нѣсколько разъ; но я, постригшись между тѣмъ въ монашество, не рѣшался безпокоить его напоминаніемъ о себѣ. Нынѣ, когда онъ сталъ священно-архимандритомъ Лавры, всѣ монашествующіе представлялись къ нему въ митрополичьихъ кельяхъ. Я стоялъ у самаго порога. И что же? Благословивъ властей, обвелъ онъ быстрымъ взглядомъ своимъ всѣхъ монашествующихъ, и, указавъ на меня, сказалъ: эй ты, маленькой, сѣдинькой, пожалуй-ко сюда! Всѣхъ взоры обратились на меня. А я такъ перепугался, что не скоро могъ съ мѣста сдвинуться; вѣрно на мнѣ или ряска или клобукъ, или что-нибудь не въ порядкѣ, подумалось мнѣ, однакожъ долженъ былъ ковылять на хромой ногѣ чрезъ всю залу.—Ты тотъ Ѳедоръ, который жилъ у меня при комнатѣ?—Охъ бѣда, вообразилось мнѣ, неужели онъ хочетъ припомнить мнѣ какую нибудь мою прошлую неисправность?—Я, Ваше Высокопреосвященство!—Какъ твое нынѣ имя?—Трифиллій.—Ну, помнишь-ли ты, какъ говорилъ мнѣ, что если я сдѣлаюсь архіереемъ, то тебя забуду? Вотъ я тебя и не забылъ.—Повалился я Владыкѣ въ ноги, заливаясь слезами. А что же изъ этого вышло? продолжалъ старикъ съ непритворною грустію. Послѣ представленія, меня окружили о. о. Намѣстникъ, Казначей, Ризничій и начали допрашивать: какъ ты знакомъ съ Преосвященнымъ Филаретомъ?—Да вы слышали, ваше высокопреподобіе, что я бывалъ у него при комнатѣ истопникомъ,—отвѣчалъ я. Но этого мало; чтобъ какъ нибудь меня отличить отъ другихъ, повысить, на меня стараго, хромаго человѣка, возложили братскую экономію, т. е. раздачу хлѣба, рыбы, вина, пива и пр. и пр. Вотъ горе-то мое, батюшка, П....В-чъ! Не подъ силу, а отъ послушанія отказаться нельзя; вѣдь надобно же было Владыкѣ, чрезъ столько лѣтъ, признать меня, и припомнить слова мои. Да кстати сказать: теперь я хлѣбодаръ и пивочерпій, а поподчивать тебя нечѣмъ.—О! отецъ Трифиллій, въ Академіи насъ поятъ и кормятъ досыта, такъ что, дай Богъ, и на своихъ-то впослѣдствіи хлѣбахъ быть такъ довольными; однакожъ желалъ бы я знать, отчего нечѣмъ меня поподчивать?—А вотъ отчего, другъ мой! сказалъ о. Трифиллій: Владыка Филаретъ приказалъ учредить ужинъ. Ему власти наши возразили, что таковъ-де завѣтъ основателя Лавры, Преподобнаго Сергія, чтобъ въ обители Его былъ для братіи одинъ только обѣденный столъ, а вечерняго бы не было. Владыка отвѣчалъ: Преподобный Сергій не прогнѣвается на меня, если я измѣню завѣтъ Его, и посовѣтую братіи вкушать вечернюю трапезу всѣмъ вмѣстѣ, а не запасаться для этого съ обѣденной трапезы. Такъ и сдѣлано. Тайно же взять что нибудь изъ ввѣренной мнѣ провизіи въ келью—грѣхъ великій!“

Въ это время наступали дни окончанія нашего курса. И старикъ раз-

прощался со мною въ горькихъ слезахъ, отягченный тремя скорбями: неблагоповеденіемъ дочери, тяжелою своею обязанностію и разлукою со мною. Не легко ему было повѣрять свою тайну иному секретарю. Да и нашелъ ли онъ между студентами другаго довѣреннаго по сердцу своему, — не знаю.

Теперь отъ разлуки нашей съ отцомъ Трифилліемъ болѣе 45 лѣтъ; полагаю, что онъ давно уже отошелъ съ миромъ въ вѣчную жизнь. Никогда не забыто въ молитвѣ моей имя добраго старца, монаха Трифиллія.

Бывшій студентъ Московской Дух. Академіи.

(Изъ 3-го № Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1869. Сообщено Дм. Ир. Завалишинымъ).

ОПИСАНІЕ СТОЛОВЫХЪ ЧАСОВЪ,

изображающихъ графа Аракчеева, стоящаго у могилы Императора Александра I.

(*Съ Французскаго*).

Графъ Аракчеевъ, бывшій военный министръ покойнаго Его Величества Императора Александра I, имѣя желаніе соорудить памятникъ этому Государю, который его не только уважалъ особенно, но и считалъ его своимъ другомъ, — возъимѣлъ намѣреніе сдѣлать бронзовые столовые часы, напоминавшіе главныя эпохи и важнѣйшія событія изъ жизни и царствованія того Монарха, которому онъ посвятилъ все свое существованіе.

Такимъ образомъ онъ самъ начерталъ слѣдующую программу:

„Сдѣлайте часы, представляющіе „мавзолей покойнаго Его Величества „Императора Александра I. Этотъ мавзолей долженъ покоиться на пьедесталѣ“.

„Подлѣ мавзолея долженъ стоять „Русскій воинъ, возлагающій на него „вѣнокъ. Этотъ послѣдній долженъ „быть одѣтъ въ Русскій мундиръ, „украшенный портретомъ Государя, „одно плечо котораго должно быть „покрыто плащемъ“.

„Циферблатъ часовъ долженъ быть „помѣщенъ въ мавзолеѣ; онъ имѣетъ „быть вызолоченъ и представлять четыре знака зодіака, соотвѣтствующіе мѣсяцамъ: декабрю, марту, сентябрю и ноябрю“.

„Подъ циферблатомъ должна находиться слѣдующая надпись на Русскомъ языкѣ:
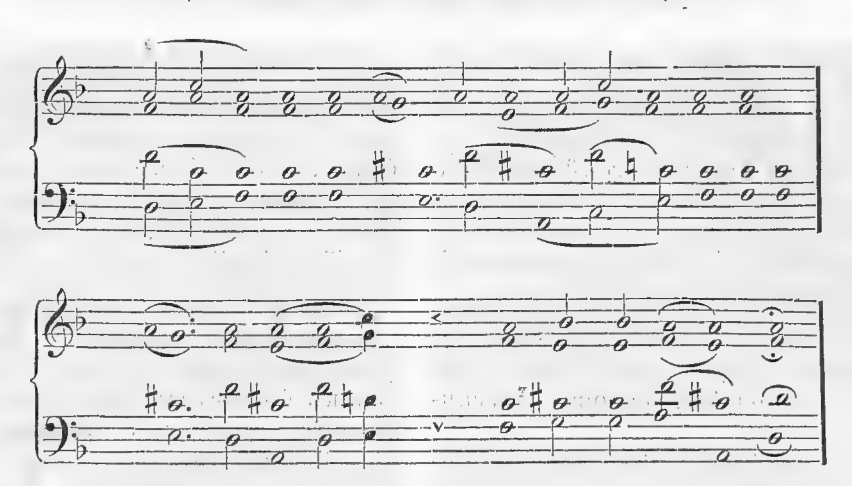
„Императоръ Александръ Благословенный умеръ въ Таганрогѣ 19-го ноября 1825 г.“

„Эти часы должны бить одинъ разъ „въ сутки, въ 10 часовъ 50 минутъ „утра. Въ это время имѣютъ открываться двойныя дверцы, которыя „представятъ глазамъ вышеозначенную надпись, а также и портретъ „Государя. Подъ портретомъ имѣетъ „быть помѣщена слѣдующая надпись, „также на Русскомъ языкѣ:

„Четверкъ, въ 10 часовъ 50 минутъ утра.“

„Портретъ имѣетъ быть написанъ „въ Россіи.“

„При послѣднемъ ударѣ десяти часовъ имѣетъ быть слышна музыка, „указанная ниже сего и повторяемая „три раза.

„Во время музыки дверцы имѣютъ „оставаться открытыми, и послѣ музыки—закрыться. За минуту до открытія дверцевъ послышится повѣсточный сигналъ. Часы имѣютъ заводиться одинъ разъ въ недѣлю.

„Воинъ долженъ быть сдѣланъ изъ „черной бронзы. Мавзолей, равно какъ „и пьедесталъ должны быть богато „вызолочены.

„На передней сторонѣ пьедестала или „цокля имѣетъ быть барельефъ, представляющій присоединеніе къ Россіи Царства Польскаго и Великаго „Княжества Финляндскаго. Рисунокъ „барельефа имѣетъ быть присланъ изъ „Россіи".

„Боковая сторона пьедестала имѣетъ представлять со стороны воина: „оружіе графа Аракчеева; а съ другой стороны: слѣдующая Русская надпись:

„Памяти своего Монарха и благодѣтеля, благодарный подданный. Парижъ. 1826 г.

Хотя эта программа представляетъ самое вѣрное описаніе часовъ, но къ нему надо прибавить нѣсколько небольшихъ измѣненій, признанныхъ необходимыми для лучшаго расположенія начертаній и для удобнаго исполненія. Поэтому слѣдуетъ войти въ нѣкоторыя подробности, чтобы дать понятіе объ этомъ памятникѣ, который увѣковѣчитъ память столь великаго Монарха, который изображаетъ скорбь и благодарность самаго вѣрнаго подданнаго, самаго искренняго и преданнаго друга, и въ тоже время будетъ свидѣтельствовать о процвѣтаніи искусства во Франціи въ царствованіе Карла X.

Надъ мавзолеемъ возвышается бюстъ Императора Александра I, совершенно схожій съ оригиналомъ. Фронтонъ украшенъ обыкновенными эмблемами: крылатыми песочными часами, кедровымъ вѣнкомъ и проч.; на всѣхъ четырехъ углахъ могилы поставлены головы Египетскаго народа, соотвѣтствующія опрокинутымъ факеламъ.

Циферблатъ занимаетъ переднюю часть мавзолея, въ предѣлахъ котораго нужно было помѣстить четыре знака зодіака:

Козерогъ, соотвѣтствующій декабрю,
Овенъ . . . . марту,
Вѣсы. . . . . сентябрю,
Стрѣлецъ . . . . ноябрю.

Напоминающіе собою:
во-первыхъ, рожденіе Императора Александра 12 (23) декабря 1777 г. Во-вторыхъ, восшествіе на престолъ 11 (23) марта 1801 г. Въ-третьихъ, бракосочетаніе 27 сентября 1793 г. (9 октября). Въ-четвертыхъ, кончину 19 ноября 1825 г. (1 декабря).

Въ нижней части или въ базѣ мавзолея находятся упомянутыя въ программѣ дверцы. Эти дверцы, надъ которыми помѣщены погребальныя урны, вѣнки и пальмы, въ 10 часовъ и 50 минутъ утра, послѣ повѣсточнаго сигнала, открываются сами-собою и представляютъ глазамъ портретъ Государя впродолженіе музыки.

Надъ портретомъ и подъ нимъ видны надписи на Русскомъ языкѣ, напоминающія годъ, день и часъ кончины Государя Императора Александра I.

Воинъ, плачущій надъ могилой Государя, который приходя возлагаетъ на нее вѣнокъ — самъ графъ Аракчеевъ, котораго также легко можно узнать по его одеждѣ и украшеніямъ (*). Нужно замѣтить, что онъ дѣйствительно носитъ на снуркѣ портретъ Государя Александра, подарокъ Монарха, который уполномочилъ своего преданнаго министра и истиннаго друга, носить его постоянно вмѣстѣ съ другими знаками отличія, пожалованными за его службу и освященное рвеніе для блага своего отечества,— какъ единственный знакъ отличія, дѣлающій столько же чести сердцу Монарха, сколько и его подчиненному.

Равнымъ образомъ можно видѣть на эполетѣ графа шифръ „И. А.“ принадлежащій тому полку, который Александръ, не въ-примѣръ простому подданному, посвятилъ имени Аракчеева.

Съ лѣвой стороны мавзолея находится пирамида (арматура) Русскихъ оружій. Этотъ трофей былъ исполненъ г-номъ *Лами*, который съ неподражаемою точностію выполнилъ форму и модели разныхъ Русскихъ оружій, рисованныхъ имъ самимъ въ Москвѣ, въ 1826 г. во время торжества, по случаю коронованія нынѣшняго Императора Николая I.

(*) Графъ Аракчеевъ сиживалъ самъ у скульптора и давалъ большое число сеансовъ.

Аллегорическій барельефъ, изображающій присоединеніе къ Русскому государству Финляндіи и Царства Польскаго, занимаетъ главное мѣсто подъ базою. Этотъ барельефъ, отдѣланный въ Парижѣ, былъ сочиненъ и нарисованъ въ Петербургѣ—художникомъ по исторической части, *г. Егоровымъ*. Вотъ подробное его описаніе:

„Россія представлена въ видѣ боль„шой сидящей женщины, одна рука „которой покоится на рогѣ изобилія— „знакѣ богатства; другая же распро„стерта, въ знакъ вѣчнаго союза „и покровительства, надъ щитами „и оружіемъ Финляндіи и Царства „Польскаго, поднесенными ей Аму„ромъ.“

„Богиня мудрости, въ видѣ изобра„женія Минервы, приводитъ Финлян„дію и Польшу къ Россіи и подно„ситъ имъ масличную вѣтвь—эмбле„му мира. Богиня гармоніи (согласія) „сопровождаетъ ихъ въ видѣ мира, „заключеннаго между тремя государ„ствами.“

„Геркулесъ, охранитель Имперіи, ле„жащій подъ тѣнью дерева, у подош„вы отечества, давитъ подъ ногами „змію несогласія. Гермесъ, помѣщен„ный на краю барельефа, означаю„щій границу, показываетъ, что Фин„ляндія и Польша находятся въ пре„дѣлахъ Имперіи.

„Побѣда возлагаетъ лавровый вѣ„нокъ на голову Россіи; а Геній за„писываетъ на камнѣ эпохи, въ ко„торыя Финляндія и Польша присое„динены къ Россіи; двуглавый орелъ, „покрывающій этотъ камень своими „крыльями, представляетъ эти условія „подъ своимъ покровительствомъ и „ручательствомъ въ ихъ всегдашней „прочности.

„Наконецъ, пальма, помѣщенная „на правомъ краю барельефа, до„полняетъ картину благоденствія Рос„сіи и націи, которыя Провидѣніе „поставило подъ благодѣтельный ски„петръ.“

На правой сторонѣ пьедестала, согласно требованію программы, помѣщено оружіе графа Аракчеева.

Нужно замѣтить о тонкости и отдѣлкѣ работы: искусство чеканенія рѣдко производило что-либо столь превосходное!

На другой сторонѣ пьедестала находится слѣдующая надпись чисто въ Русскомъ духѣ:

„Памяти своего Монарха и благодѣтеля Благодарный подданный". Парижъ. 1826 г."

Г. Ледюръ, фабрикантъ бронзовыхъ дѣлъ, которому была поручена отдѣлка этихъ часовъ, чтобы придать этому памятнику лучшее воспроизведеніе, соединился съ нѣкоторыми первѣйшими художниками, между которыми можно назвать *г. Гюве*, архитектора, *Лами*, художника, и *Куриге*, скульптора по части барельефовъ и орнаментовъ.

NB. Г. Ледюръ сработалъ также бронзовый сундучекъ, назначенный для храненія писемъ Императора Александра къ графу Аракчееву; онъ былъ выполненъ съ большою тщательностію, потому что богатое украшеніе и отдѣлка работы даютъ понятіе о самой лучшей чеканкѣ.

Провожая минувшее лѣто въ извѣстномъ селеніи *Грузино*, Новгородскаго уѣзда и, помѣщаясь на прелестной по своему мѣстоположенію мызѣ покойнаго графа Аракчеева, близъ самаго его дворца, въ одномъ изъ шести стоящихъ тутъ деревянныхъ флигелей, я имѣлъ много случаевъ осматривать внутренность дворца и всѣ сохранившіяся тамъ вещи отъ временъ графа, скончавшагося въ 1834 году. Нужно замѣтить, что нижній этажъ дворца, гдѣ жилъ самъ графъ, со всѣми своими покоями и принадлежностями къ нимъ, по завѣщанію графа, сохраняются неприкосновенными въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было при жизни его, подъ охраненіемъ одного изъ его слугъ (берейтора), довольно уже устарѣвшаго лѣтами, но еще бодраго тѣломъ и духомъ.

Между множествомъ предметовъ, на которые можно обращать любопытное вниманіе какъ по ихъ рѣдкости, такъ и по тому ихъ значенію, что они, для потомства, тѣсно связываются съ исторіей императора Александра Благословеннаго, здѣсь въ одной комнатѣ дворца, обращенной въ садъ, стоятъ огромные бронзовые столовые часы и на бронзовомъ пьедесталѣ. Эти часы служатъ мавзолеемъ памяти Александра I, и замѣчательны особенно тѣмъ, какъ разсказываетъ стражъ-служитель, что они, въ прежнее время, когда не были еще испорчены, въ тѣ самыя минуты, въ какія скончался въ Таганрогѣ Благословенный, играли погребальный гимнъ. Но другихъ свѣдѣній объ нихъ стражъ не сообщаетъ потому, что самъ ничего объ нихъ не знаетъ и не имѣетъ у себя ключа отъ этихъ часовъ. Между тѣмъ, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, мнѣ случайно попадается въ руки отъ одного моего знакомаго (Ѳед. Алек. Горбунова) небольшая брошюрка, въ красной бумажной обложкѣ съ золотыми бордюрами, на французскомъ языкѣ, которая посвящена самому подробному описанію тѣхъ часовъ, и которую я прочелъ съ особеннымъ любопытствомъ. Брошюрка эта состоитъ изъ 10-ти печатныхъ страницъ въ 16-ю долю листа и носитъ заглавіе: „Notice sur la pendule representant le comte Araktscheiff au tombeau de L'Empereur Alexandre." Она пріобрѣтена тѣмъ же моимъ знакомымъ здѣсь, въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ кончины графа, на аукціонѣ, при продажѣ оставшихся послѣ него вещей, и хранится у него, въ числѣ другихъ рѣдкостей.

Сообщая этотъ архивный матеріалъ, я не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ въ пользу памяти покойнаго графа Аракчеева въ противоположность тому объ немъ мнѣнію многихъ, которое какъ-то сложилось къ безусловному порицанію всѣхъ его дѣйствій и даже

къ поруганію его имени. Проживая въ Грузинѣ минувшее лѣто, болѣе трехъ мѣсяцевъ и вникая во все, что онъ здѣсь ни устраивалъ для себя, для своихъ крестьянъ, для величественнаго святаго храма, построеннаго имъ вблизи своего дворца и для духовенства съ причтомъ, вездѣ, на каждомъ шагу я видѣлъ слѣды его мудраго, его распорядительнаго и его благотворнаго дѣйствія. Я вступалъ въ разговоры съ многими бывшими его крестьянами-стариками, которые были свидѣтелями его поведенія, его образа жизни и его распоряженій и которые, при своемъ благомысліи, испытавъ послѣднія надъ собою, отзываются теперь объ немъ какъ о своемъ отцѣ и благодѣтелѣ. Они говорятъ: для дурныхъ мужиковъ онъ былъ дурной баринъ; а для хорошихъ былъ примѣрнымъ господиномъ—вѣчная ему память! — Они вѣчно обязаны ему уже за одно то, что онъ, въ своей отеческой объ нихъ заботливости, еще за долго до своей кончины, учредилъ при Волостномъ Правленіи *Сельскій Банкъ*, положивъ въ фондъ послѣдняго изъ собственнаго своего капитала 50 т. руб. (ассигнаціями), который благодѣтельствуетъ имъ какъ въ настоящее время, такъ будетъ благодѣтельствовать на нескончаемыя времена, если только цѣлость фонда останется неприкосновенною. И такъ мнѣнія людей остаются сами по себѣ, а факты сами по себѣ. Но я скажу, что есть люди, которые по какому-то непонятному побужденію настоятельно желаютъ видѣть въ человѣкѣ одну только его дурную сторону, хотя бы эта сторона давала самые слабые свои оттѣнки; но поворотить медаль на другую сторону, чтобы видѣть ея настоящій девизъ, они считаютъ какою-то непристойностію.

26 Ноября, 1868 г. С.-Петербургъ.

О. Пашкевичъ.

ПРОГУЛКА ПО МОСКВѢ.

Вновь найденное сочиненіе К. Н. Батюшкова (*).

Ты желаешь отъ меня описанія Москвы, любезнѣйшій другъ, вещи совершенно невозможной (для меня разумѣется) по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Первое потому, что я не въ силахъ удовлетворить твоему любопытству за неимѣніемъ достаточныхъ свѣдѣній историческихъ и пр. и пр., которыя необходимо нужны; ибо здѣсь на всякомъ шагу мы встрѣчаемъ памятники вѣковъ протекшихъ, но сіи памятники безмолвны для невѣжды, а я притворяться ученымъ не умѣю. Вторая причина—лѣность, причина весьма важная! И такъ мимоходомъ, странствуя изъ дома въ домъ, съ гулянья на гулянье, съ ужина на ужинъ, я напишу нѣсколько замѣчаній о городѣ и о нравахъ жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оныя съ удовольстві-

(*) Принадлежность Батюшкову помѣщаемой здѣсь статьи (заглавіе которой выставлено нами, въ рукописи оного не имѣется) засвидѣтельствована самою рукописною тетрадью; на ней, рукою А. Н. Оленина обозначено: «Сочиненіе Кон. Ник. Батюшкого. А. О.» Тетрадь эта обязательно сообщена въ Русскій Архивъ, дочерью Алексѣя Николаевича, Варварою Алексѣевною Олениною. Читателямъ Русскаго Архива уже извѣстно, что послѣ кончины М. Н. Муравьева (весною 1807) съ выѣздомъ изъ Петербурга вдовы его, Батюшковъ не рѣдко живалъ въ Москвѣ. Статья писана очевидно до 1812 года и оставлена въ рукописи конечно для того, чтобы не обидѣть Москвичей. Онъ сообщилъ ее въ спискѣ А. Н. Оленину, который высоко цѣнилъ талантъ Батюшкова и былъ для него настоящимъ другомъ-наставникомъ и попечителемъ какъ въ дни его славы, такъ и во время несчастной его болѣзни. *П. Б.*

емъ: они напомнятъ тебѣ о добромъ пріятелѣ,

Который посреди разсѣяній столицы
Тихонько замѣчалъ характеры и лицы
Забавныхъ москвичей;
Который съ годъ зѣвалъ на балахъ богачей,
Зѣвалъ въ концертѣ и въ собраньѣ,
Зѣвалъ на скачкѣ, на гуляньѣ,
Вездѣ равно зѣвалъ,
Но дружбы и тебя нигдѣ не забывалъ.

Теперь на досугѣ, не хочешь ли со мною прогуляться въ Кремль? Дорогою, я невольно восклицать буду на каждомъ шагу: это исполинскій городъ, построенный великанами; башня на башнѣ, стѣна на стѣнѣ, дворецъ возлѣ дворца! Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и богатства, нравовъ Европейскихъ съ нравами и обычаями Восточными! Дивное, непостижимое сліяніе суетности, тщеславія, и истинной славы и великолѣпія, невѣжества и просвѣщенія, людскости и варварства. Не удивляйся, мой другъ: Москва есть вывѣска, или живая картина нашего отечества. Посмотри: здѣсь, противъ зубчатыхъ башенъ древняго Китай-города, стоитъ прелестный домъ самой новѣйшей Италіянской архитектуры; въ этотъ монастырь, построенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, входитъ какой-то человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ, съ окладистою бородою, а тамъ къ булевару кто-то пробирается въ модномъ фракѣ; и я, видя отпечатки древнихъ и новыхъ временъ, воспоминая прошедшее, сравнивая оное съ настоящимъ, тихонько говорю про себя: Петръ Великій много сдѣлалъ и ничего не кончилъ.

Войдемъ теперь въ Кремль. На право на лѣво, мы увидимъ величественныя зданія, съ блестящими куполами, съ высокими башнями, и все это обнесено твердою стѣною. Здѣсь все дышетъ древностію; все напоминаетъ о царяхъ, о патріархахъ, о важныхъ происшествіяхъ; здѣсь каждое мѣсто ознаменовано печатію вѣковъ протекшихъ. Здѣсь все противное тому, что мы видимъ на Кузнецкомъ мосту, на Тверской, на булеварѣ и пр. Тамъ книжныя Французскія лавки, модные магазины, которыхъ уродливыя вывѣски заслоняютъ цѣлые домы, часовые мастера, погреба, и словомъ, всѣ снаряды моды и роскоши. Въ Кремлѣ все тихо, все имѣетъ какой-то важный и спокойный видъ; на Кузнецкомъ мосту все въ движеніи

Корнеты, чепчики, мужья и сундуки.

А здѣсь одни монахи, богомольцы, должностные люди и нѣсколько часовыхъ. Хочешь ли видѣть единственную картину? Когда вечернее солнце во всемъ великолѣпіи склоняется за Воробьевы горы, то войди въ Кремль и сядь на высокую деревянную лѣстницу. Вся панорама Москвы за рѣкою! На право Каменной мостъ, на которомъ безпрестанно волнуются толпы проходящихъ; далѣе: Голицынская больница, прекрасное зданіе, дома гр. Орловой съ тѣнистыми садами и на конецъ Васильевскій огромный замокъ, примыкающій къ Воробьевымъ горамъ, которыя величественно довершаютъ сію картину, чудесное смѣшеніе зелени съ домами, цвѣтущихъ садовъ съ высокими замками древнихъ бояръ; чудесная противуположность видовъ городскихъ съ сельскими видами. Однимъ словомъ, здѣсь представляется взорамъ картина достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ на пріятнѣйшемъ мѣстѣ. Тотъ, кто стоя въ Кремлѣ и холодными гласами смотрѣвъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ жалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи; тотъ по-

ѣзжай въ Германію, и живи и умирай въ маленькомъ городкѣ подъ тѣнью приходской колокольни съ мирными Германцами, которые, углубясь въ мелкіе политическіе расчеты, протянули руки и выи для принятія оковъ магнуснѣйшаго рабства.

Но солнце медленно сокрывается за рощами. Взглянемъ еще на Кремль, котораго золотые куполы и шпицы колоколенъ ярко отражаютъ блистаніе зари вечерней. Шумъ городской замираетъ вмѣстѣ съ замирающимъ днемъ. Кругомъ насъ все тихо; изрѣдка пройдетъ человѣкъ. Здѣсь нищій отдыхаетъ на красномъ крыльцѣ, положивъ голову на котомку; онъ отдыхаетъ безпечно у подножія палатъ царскихъ, не зная даже, кому онѣ нѣкогда принадлежали. Теперь встаетъ, и медленно входитъ въ монастырь, гдѣ раздается мрачное пѣніе иноковъ и гдѣ цѣлыми рядами стоятъ гробы великихъ князей и царей Рускихъ, (нѣкогда обитавшихъ въ ближнихъ палатахъ). Печальный образъ славы человѣческой.... Но мы не станемъ дѣлать восклицаній вмѣстѣ съ модными писателями, которые проводятъ цѣлыя ночи на гробахъ и бѣдное человѣчество пугаютъ привидѣніями, духами, страшнымъ судомъ, а болѣе всего своимъ слогомъ; мы не предадимся мрачнымъ разсужденіямъ о бренности вещей, которыя позволено дѣлать всякому *въ нынѣшнемъ вѣкѣ меланхоліи*; а пойдемъ потихоньку на Кузнецкой мостъ, гдѣ все въ движеніи, все спѣшитъ, а куда? посмотримъ.

Эта большая дѣдовская карета, запряженная шестью чалыми тощими клячами, остановилась у дверей модной лавки. Вотъ изъ нее вылѣзаетъ пожилая женщина, въ большомъ чепцѣ, мадамъ, конечно Француженка, и три молодыя дѣвушки. Онѣ входятъ въ лавку и мы за ними. „Дайте намъ головныхъ уборовъ, покажите намъ эти шляпки, да по христіанской совѣсти, госпожа мадамъ!" И торговка, окинувъ взорами своихъ гостей, узнаетъ, что они изъ степи, продаетъ имъ лежалую старину вдвое, втрое дороже обыкновеннаго. Старушка сердится и покупаетъ.

Зайдемъ оттуда въ конфетный магазинъ, гдѣ Жидъ или Гасконецъ Гоа продаетъ мороженное и всякія сласти. Здѣсь мы видимъ большое стеченіе Московскихъ франтовъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ Англійскихъ фракахъ, и въ очкахъ и безъ очковъ и растрепанныхъ и причесанныхъ. Этотъ конечно Англичанинъ, онъ разиня ротъ смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ! онъ Русакъ и родился въ Суздалѣ. Ну такъ этотъ Французъ; онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревовѣщателѣ, который въ прошломъ годѣ забавлялъ весельчаковъ Парижскихъ. Нѣтъ это старый франтъ, который не ѣзжалъ далѣе Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами. Ну такъ это Нѣмецъ, этотъ блѣдный высокой мущина, который вошелъ съ прекрасною дамою? Ошибся! И онъ Руской, а только молодость провелъ въ Германіи. По крайней мѣрѣ жена его иностранка: она насилу говоритъ по-руски. Еще разъ ошибся! Она Руская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины, и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Отъ чего же они всѣ хотятъ прослыть иностранцами, картавятъ и кривляются?—отъ чего?... Я на это буду отвѣчать послѣ, а теперь прошу замѣтить этого пожилаго человѣка въ шпорахъ; онъ изобрѣлъ прошлаго года новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и карету безъ козелъ. Онъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ бѣгуномъ и ѣздилъ нарочно въ Лондонъ, чтобъ посовѣтоваться съ извѣстнымъ коновал омъ о болѣзни своей Англійской кобылы.

Вздохнемъ, любезный другъ, отъ глубины сердца и скажемъ съ Аріостомъ:

Дурачься, смертныхъ родъ! Въ лунѣ разсудокъ твой!

Теперь мы видимъ передъ собою иностранныя книжныя лавки. Ихъ множество, и ни одной нельзя назвать богатою въ сравненіи съ Петербургскими. Книги дороги, хорошихъ мало, древнихъ писателей почти вовсе нѣтъ, но за то есть Мадамъ Жанлисъ и Мадамъ Жевинье, два Катихизиса молодыхъ дѣвушекъ и цѣлыя груды Французскихъ романовъ — достойное чтеніе тупаго невѣжества, безсмыслія и разврата. Множество книгъ мистическихъ, назидательныхъ, казуистскихъ и пр. писанныхъ растригами попами (ci-devant soit disant Jésuites), на чердакахъ Парижскихъ, въ пользу добрыхъ женщинъ. Ихъ безпрестанно раскупаютъ и въ Москвѣ, ибо наши модницы не уступаютъ Парижскимъ въ благочестіи, и съ жадностію читаютъ глупыя и скучныя проповѣди, лишь бы только онѣ были написаны на языкѣ *медоточиваго* Фенелона, сладостнаго друга почтенной дѣвицы Гіонъ. Но мы разговаривая пришли въ городъ. Какое стеченіе народа, какое разнообразіе! Это совершенной базаръ Восточной! Здѣсь мы видимъ Грека, Татарина, Турка въ чалмѣ и въ туфляхъ, тамъ сухаго Француза въ башмакахъ, искусно перескакивающаго съ камня на камень, тутъ важнаго Персіанина, тамъ ямщика, который бранится съ торговкою, здѣсь бѣднаго селянина, который, устремилъ оба глаза на великолѣпный цугъ, между тѣмъ какъ его товарищъ разсматриваетъ народныя картины и любуется ихъ замысловатыми надписями. Вотъ и цѣлый рядъ Рускихъ книжныхъ лавокъ, иныя весьма бѣдны. Кто не бывалъ въ Москвѣ, тотъ не знаетъ, что можно торговать книгами точно такъ какъ рыбой, мѣхами, овощами и пр. безъ всякихъ свѣдѣній въ словесности; тотъ не знаетъ, что здѣсь есть фабрика переводовъ, фабрика журналовъ и фабрика романовъ, и что книжные торгаши покупаютъ ученый товаръ, то есть переводы и сочиненія на вѣсъ, приговаривая бѣднымъ авторамъ: не качество, а количество! не слогъ, а число листовъ! Я боюсь заглянуть въ лавку, ибо къ стыду нашему думаю, что ни у одного народа нѣтъ и никогда не бывало столь безобразной словесности. Къ щастію многія книги здѣсь въ Москвѣ родятся и здѣсь умираютъ или по крайней мѣрѣ на ближайшихъ ярмонкахъ. Теперь мы выходимъ на Тверской булеваръ, который составляетъ часть обширнаго вала. Вотъ жалкое гульбище для обширнаго и многолюднаго города, какова Москва; но стеченіе народа, прекрасныя утра Апрѣльскія и тихіе вечера Майскіе, привлекаютъ сюда толпы праздныхъ жителей. Хорошій тонъ, мода, требуютъ пожертвованій: и франтъ, и кокетка, и старая вѣстовщица, и жирный откупщикъ скачутъ въ первомъ часу утра съ дальнихъ концовъ Москвы на Тверской булеваръ. Какіе странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите пріѣзжаго изъ Молдавіи офицера, внука этой придворной вѣтхой красавицы, наслѣдника этого подагрика, которые не могутъ налюбоваться его пестрымъ мундиромъ и невинными шалостями; тутъ вы видите провинціальнаго щеголя который пріѣхалъ перенимать моды, и который, кажется, пожираетъ глазами щастливца, прискакавшаго на почтовыхъ съ береговъ Секваны, въ голубыхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица ведетъ за собою толпу обожателей, тамъ старая генеральша болтаетъ съ своей сосѣдкою, а возлѣ ихъ откупщикъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну поло-

вину рода человѣческаго для винокуренія, а другую для пьянства, идетъ медлѣнными шагами съ прекрасною женою и съ карломъ. Университетскій профессоръ въ эпанчѣ, которая бы могла сдѣлать честь покойному Кратесу, пробирается домой или на пыльную каѳедру. Шалунъ напѣваетъ водевили и травитъ прохожихъ своимъ пуделемъ, между тѣмъ какъ записной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или приглашенія на обѣдъ. Вотъ гулянье, которое я посѣщалъ всякой день, и почти всегда съ новымъ удовольствіемъ. Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, имѣли всегда особенную прелесть для лѣнивцевъ, для праздныхъ, и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать физіономіи. А я изъ числа первыхъ и послѣднихъ. Прибавлю къ этому: на гулянье пріѣзжаютъ одни чтобъ отдыхать отъ заботъ, другіе ходить и дышать свѣжимъ воздухомъ; женщины пріѣзжаютъ собирать похвалы, мущины удивляться—и лицы всѣхъ почти спокойны. Здѣсь страсти засыпаютъ; люди становятся людьми; одно самолюбіе не дремлетъ; оно всегда на часахъ; но и оно имѣетъ здѣсь привлекательный видъ, и оно заставляетъ улыбнуться стараго игрока гораздо привѣтливѣе, нежели за карточнымъ столомъ. Наконецъ на гуляньи всѣ кажутся щастливыми, и это меня радуетъ какъ ребенка, ибо я никогда не любилъ скучныхъ и заботливыхъ лицъ.

Теперь мы опять вышли на улицу; взгляни на право, потомъ на лѣво и дѣлай самъ замѣчанія, ибо увидишь вдругъ всю Москву со всѣми ея противуположностями.

Вотъ большая карета, которую насилу тянетъ четверня: въ ней чудотворный образъ, передъ нимъ монахъ съ большою свѣчей. Вотъ старинная Москва, и остатокъ древняго обряда прародителей.

Посторонись! Этотъ ландо насъ задавитъ: въ немъ сидитъ щеголь и красавица, лошади, лакей, кучера—все въ послѣднемъ вкусѣ. Вотъ и новая Москва, новѣйшіе обычаи!

Взгляни сюда, щастливецъ! Возлѣ огромныхъ чертоговъ вотъ хижина, жалкая обитель нищеты и болѣзней. Здѣсь цѣлое семейство, изнуренное нуждами, голодомъ и стужей—дѣти полунагія, мать за пряслицей, отецъ, старый заслуженный офицеръ въ изорванномъ маіорскомъ камзолѣ, починиваетъ старые башмаки и вѣтхій плащъ, за тѣмъ чтобъ поутру можно было выдти на улицу просить у прохожихъ кусокъ хлѣба, а оттуда пробраться къ человѣколюбивому лекарю, который посѣщаетъ его больную дочь. Вотъ Москва, большой городъ, жилище роскоши и нищеты.

Но здѣсь предъ нами огромныя палаты съ высокими мраморными столбами, съ большимъ подъѣздомъ. Этотъ домъ открытъ для всякаго, кто можетъ сказать роскошному Амфитріону:

> Joignez un peu votre inutilité
> A ce fardeau de mon oisivété.

Хозяинъ цѣлый день зѣваетъ у камина, между тѣмъ какъ вокругъ его все въ движеніи, роговая музыка гремитъ на хорахъ, вся челядь въ галунахъ, и роскошь опрокинула на столъ полный рогъ изобилія. Въ этомъ человѣкѣ всѣ страсти исчезли, его сердце, его умъ и душа износились и обвѣтшали. Самое самолюбіе его оставило. Онъ конечно великій философъ, если совершенное равнодушіе посреди образованнаго общества можно назвать мудростію. Онъ окруженъ ласкателями, иностранцами и шарлатанами, которыхъ онъ презираетъ отъ всей души, но безъ нихъ обойтиться не можетъ. Его тупоуміе невѣроятно. Пользуясь всѣми выгодами

знатнаго состоянія, которымъ онъ обязанъ предкамъ своимъ, онъ даже не знаетъ, въ какихъ губерніяхъ находятся его деревни; за то знаетъ по пальцамъ всѣ подробности двора Лудовика XIV по Запискамъ С. Симона, перечтетъ всѣхъ любовницъ его и Регента одну послѣ другой, и назоветъ всѣ Парижскія улицы. Его домъ можно назвать гостинницей праздности, шума и новостей, посреди которыхъ хозяинъ осужденъ на вѣчную скуку и вѣчное бездѣйствіе. Вотъ слѣдствіе роскоши и праздности въ сей обширнѣйшей изъ столицъ, въ семъ маломъ мірѣ!

Я думаю, что ни одинъ городъ не имѣетъ ниже малѣйшаго сходства съ Москвою. Она являетъ рѣдкія противуположности, въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи въ вѣчномъ несогласіи, и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское *цѣлое*, которое мы знаемъ подъ общимъ имянемъ: *Москва.* Но праздность есть нѣчто общее, исключительно принадлежащее сему городу-она болѣе всего примѣтна въ какомъ-то безпокойномъ любопытствѣ жителей, которые безпрестанно ищутъ новаго разсѣянія. Въ Москвѣ *отдыхаютъ*, въ другихъ городахъ трудятся менѣе или болѣе, и потому-то въ Москвѣ знаютъ скуку со всѣми ея мученіями. Здѣсь хвалятся гостепріимствомъ, но между нами, что значитъ это слово? Часто любопытство. Въ другихъ городахъ васъ узнаютъ съ хорошей стороны и приглашаютъ навсегда; въ Москвѣ сперва пригласятъ, а послѣ узнаютъ. Музыка прошлой зимы вскружила всѣмъ головы. Вся Москва пѣла—я думаю отъ скуки. Нынѣ вся Москва танцуетъ—отъ скуки. Здѣсь всѣ влюблены, или стараются влюбляться. Я бьюсь объ закладъ, что это дѣлается отъ скуки. Молодыя женщины играютъ на театрѣ, а старухи ѣздятъ по монастырямъ отъ скуки, и это всякому извѣстно. Карусель, который стоилъ столько издержекъ, родился отъ скуки. Однимъ словомъ, здѣсь скуку можно назвать великою пружиною: она поясняетъ много странныхъ обстоятельствъ. Для жителей Московскихъ необходимо нужны новыя гулянья, новые праздники, новыя зрѣлища и новыя лица. Здѣсь славная актриса Жоржъ принята была съ восторгомъ и скоро наскучила большому свѣту. Сію холодность къ дарованію издатель Рускаго Вѣстника готовъ приписать къ патріотизму; онъ весьма грубо ошибается.

Москва есть большой провинціальный городъ, единственный, несравненный. Ибо что значитъ имя столицы безъ двора? Москва идетъ сама собою къ образованію, ибо на нее почти никакія обстоятельства вліянія не имѣютъ. Здѣсь всякой можетъ дурачиться какъ хочетъ, жить и умереть чудакомъ. Самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ каррикатуръ. Какое обширное поле для комическихъ авторовъ, и какъ они мало чувствуютъ цѣну собственной неистощимой руды. Надобно еще замѣтить, что здѣсь семейственная жизнь, которую можно назвать хранительницею нравовъ, придаетъ какое-то добродушіе и откровенность всѣмъ поступкамъ. Это замѣтилъ мнѣ Англичанинъ путешественникъ, который называлъ Москву прелестнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и прощался съ нею со слезами.

Но время летитъ, и почти часъ обѣда приходитъ. Мы опоздали зайти въ этотъ домъ, котораго наружность вовсе не привлекательна. Здѣсь большой дворъ, заваленный соромъ и дровами, позади огородъ съ простыми овощами, а подъ домомъ большой подъѣздъ съ перилами, какъ водилось у

нашихъ дѣдовъ. Войдя въ домъ, мы могли бы увидѣть въ прихожей слугъ оборванныхъ, грубыхъ и пьяныхъ, которые отъ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, на одной стѣнѣ большіе портреты въ ростъ царей Рускихъ; а напротивъ Юдиѳь, держащая окровавленную голову Голоферма надъ большимъ серебренымъ блюдомъ, и обнаженная Клеопатра съ большой зміею—чудесныя произведенія кисти домашняго маляра. Сквозь окны мы можемъ видѣть накрытый столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ, по правую сторону приходской попъ, приходской учитель и шутъ, а по лѣвую толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ Нѣмцевъ. О! это домъ стараго Москвича, богомольнаго князя, который помнитъ страхъ Божій и воеводство. Пойдемъ далѣе. Вотъ маленькой деревянной домъ, съ палисадникомъ, съ чистымъ дворомъ, обсаженнымъ сиренями, акасіями и цвѣтами. У дверей насъ встрѣчаетъ учтивой слуга не въ богатой ливрѣѣ, но въ простомъ опрятномъ фракѣ. Мы спрашиваемъ хозяина: войдите! Комнаты чисты, стѣны расписаны искусной кистію, а подъ ногами богатые ковры и полъ лакированный. Зеркала, свѣтильники, кресла, диваны, все прелестно и кажется отдѣлано самимъ богомъ вкуса. Здѣсь и общество совершенно противно тому, которое мы видѣли въ сосѣднемъ домѣ. Здѣсь обитаетъ привѣтливость, пристойность и людскость. Хозяйка зоветъ насъ къ столу, мы сядемъ гдѣ хотимъ, безъ принужденія, и, можетъ быть, развеселенный старымъ виномъ я скажу, только не въ слухъ:

Налейте мнѣ еще шампанскаго стаканъ,
Я сердцемъ Славянинъ — желудкомъ Галломанъ!

Вотъ ударило шесть часовъ, мы можемъ идти въ театръ. Я скажу тебѣ, что я видѣлъ въ Петербургѣ дурныхъ актеровъ, слышалъ на сцѣнѣ нестройные крики, провинціальное нарѣчіе, видѣлъ кривлянія, подлые жесты и самые дурные навыки; видѣлъ, что актеръ не умѣлъ и не хотѣлъ понимать своей роли, читалъ въ глазахъ его самое глубокое невѣжество; однимъ словомъ я видѣлъ Рускую комедію, Рускую трагедію и оперу; видѣлъ и сказалъ: можетъ ли что быть хуже этого? Теперь, побывавъ въ Московскомъ театрѣ, могу смѣло отвѣчать самому себѣ: можетъ!—и есть хуже! Здѣсь опера не хороша, комедія еще хуже, а трагедія и еще хуже комедіи. Но Французскіе актеры не лучше Рускихъ. Я видѣлъ Тезея, которому мнѣ хотѣлось сказать: братецъ, вычисти мнѣ сапоги! Я бьюся объ закладъ, что онъ былъ честный артистъ-décroteur, и постепенно переходя изъ состоянія въ состояніе, сдѣлался наконецъ актеромъ, вопреки уму и природѣ, и теперь весьма спокойно тиранитъ стихи Ивана Расина въ бѣлокаменной Москвѣ. Я видѣлъ Ипполита, сего дикаго Скиѳа, которому въ уста безсмертный авторъ Федры вложилъ прекраснѣйшіе стихи, я видѣлъ сего гордаго Ипполита въ самомъ жалкомъ положеніи: черные его волосы, которые до сихъ поръ, падая по высокому стройному челу вились кудрями подобно кудрямъ Аполлона Бельведерскаго, сіи волосы—порыжѣли! чистые пламенные глаза его сдѣлались отъ времени свинцовыми. Конечно нашъ Скиѳъ немного поразвратился. Ноги и руки жалкимъ образомъ высохли и пожелтѣли. Голосъ звонкій чистый, голосъ дѣвственника Ипполита, сдѣлался вялъ, тяжелъ и совершенно охрипъ. Однимъ словомъ Ипполитъ Расиновъ или Эврипидовъ превратился въ бѣднаго Фаржа, Француза, который живетъ на Кузнец-

комъ мосту въ магазинѣ духовъ и помадъ.

Занавѣсъ поднимается. Ты можешь повѣрить мои замѣчанія, или лучше, недождавшись конца Французской трагедіи, воспользоваться прекраснымъ Майскимъ вечеромъ на Прѣснѣ. Пруды украшаютъ городъ и дѣлаютъ прелестное гулянье. Тамъ сбираются тѣ, которые не имѣютъ подмосковныхъ, и гуляютъ до ночи. Посмотри какъ эти мосты и рѣшетки красивы. Жаль, что берега, украшенные столь миловидными домами и зеленымъ лугомъ, не довольно широки. Большое стеченіе экипажей со всѣхъ концовъ обширнаго города, пѣвчіе и роговая музыка дѣлаютъ сіе гульбище однимъ изъ пріятнѣйшихъ. Здѣсь тѣ же люди, что на булеварѣ, но съ большею свободою. Какое множество прелестныхъ женщинъ! Москву по истинѣ можно назвать Цитерою. Посмотри! этой малюткѣ четырнадцать лѣтъ, и она такъ невинно улыбается! Но вотъ идетъ красавица: ее всѣ знаютъ подъ симъ названіемъ, теперь она первая по городу. За ней толпа—а мужъ, спокойно зѣвая позади, говоритъ о Турецкой войнѣ и о травлѣ медвѣдей. Супруга его уронила перчатку, и молодой человѣкъ ее поднялъ. Жаль, что этого не видалъ старый болтунъ N... отставный полковникъ, который промышляетъ новостями. Посторонитесь! Посторонитесь! Дайте дорогу кумѣ-болтуньѣ-спорщицѣ, пожилой бригадиршѣ, жарко нарумяненной, набѣленной и закутанной въ черную мантилью. Посторонитесь вы, господа, и вы, молодыя дѣвушки! Она вашъ Аргусъ неусыпный, ваша совѣсть, все знаетъ, все замѣчаетъ и завтра же поѣдетъ разсказывать по монастырямъ, что такая-то наступила на ногу такому-то, что этотъ поблѣднѣлъ, говоря съ той, а та наканунѣ поссорилась съ мужемъ, потому что сегодня, разговаривая съ его братомъ, разгорѣлась какъ роза. Какой это чудакъ, закутанный въ шубу, въ бархатныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ? За нимъ идетъ слуга съ термометромъ. О, это человѣкъ, который болѣе полувѣка, какъ все простужается! Замѣтимъ этихъ щеголей; они такъ заняты собою! Одинъ въ цвѣтномъ платочкѣ съ букетомъ цвѣтовъ, съ лорнетомъ, такъ нѣжно улыбается, и въ улыбкѣ его видѣнъ слѣдъ труда. Другой молчитъ, завсегда молчитъ, онъ умѣетъ одѣваться, ерошить волосы, а говорить не мастеръ. Тамъ, вдали на лавкѣ, сидитъ красавица, полупоблеклая. Она вздохнула... еще разъ... о томъ, что ея мѣсто заступила новая, которая идетъ мимо ее и гордо улыбается. Постой прелестница! еще двѣ весны, и ты, въ свою очередь, будешь сидѣть одна на лавкѣ; ты идешь, и время за тобою. Куда спѣшитъ этотъ пожилой холостякъ? онъ задыхается отъ жиру, и потъ съ него катится ручьями. Онъ спѣшитъ въ Англійской клубъ пробовать новаго повара и заморской портеръ. А этотъ гусаръ о чемъ призадумался, опершись на свою саблю! О, причина важная! вчера онъ былъ одинъ во всей Москвѣ, теперь явился другой гусаръ, во сто разъ милѣе и любезнѣе: по крайней мѣрѣ такъ говорятъ въ домѣ княгини N., которая по произволенію раздаетъ умъ и любезность—и его бѣднаго забыла! Но кто это болтаетъ палкою въ прудѣ съ большимъ успѣхомъ, ибо на него посмотрѣли двѣ мимоидущія старухи, двѣ столѣтнія Парки. О! не мѣшайте ему. Это тотъ важный, глубокомысленный человѣкъ, который мутилъ въ дѣлахъ государственныхъ, и теперь пузыритъ воду. Вотъ два чудака: одинъ изъ нихъ бранитъ погоду—а время очень хорошо; другой бранитъ людей—а люди все тѣ же; и оба бранятъ правительство, которое въ нихъ нужды не имѣетъ и, что всего досаднѣе, не заботится о ихъ рѣчахъ. Оба они *недовольные*. Они очень жалки! Одинъ

имѣетъ сто тысячь доходу, и желудокъ его варить не можетъ. Другой прожился на фейрверкахъ и называетъ людей неблагодарными за то, что они не собираются въ его садъ, въ глубокую полночь. Но кто этотъ пожилой человѣкъ, высокій и блѣдный, какъ покойный капитанъ Хинъ-Хилла. Старый щеголь, великой мастеръ дѣлать визиты, который на погребеніяхъ и на свадьбахъ является какъ тѣнь, какъ памятникъ временъ Екатерининскихъ; онъ человѣкъ праздный, говорунъ скучной, ибо лгать не умѣетъ, за недостаткомъ воображенія, а молчать не можетъ, за недостаткомъ мысленной силы. Это гульбище имѣетъ великое сходство съ Полями Елисейскими.

Здѣсь мы видимъ тѣни великихъ людей, которые, отыгравъ важныя роли въ свѣтѣ, запросто прогуливаются въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ пережили свою славу. Eheu fugaces!..

Но заря потухаетъ. Всѣ разъѣхались. Прости, до будущей прогулки!

ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА-АДЪЮТАНТА ОТРОЩЕНКИ

о послѣдователяхъ Конарскаго.

Буйный духъ Польскихъ магнатовъ, презирая власть избранныхъ ими королей, колебалъ безпрестанно несчастное это государство междусобными раздорами, наводя тѣмъ безпокойство и сосѣднимъ государствамъ. Благоразумная политика сосѣднихъ державъ послѣ миролюбныхъ средствъ, принуждена была, для общаго спокойствія, употребить силу и раздѣлить царство это между собою, дабы упрочить благосостояніе его народа на незыблемомъ основаніи подъ сѣнію своего покрова. Гордость и эгоизмъ магнатовъ разслабилъ тѣло это, и оно развалилось на три части. Войска его, испытывая неоднократные удары Россіи, перешли въ Австрію и потомъ измѣннически передались Французамъ, которые обѣщали возстановить въ Польшѣ республику, и Поляки до того повѣрили, что сложили въ честь ихъ пѣсни.

Между тѣмъ, страна эта, наслаждалась 15 лѣтъ подъ сѣнію благотворныхъ законовъ тишиною и начала чувствовать благосостояніе. Поляки молодые вступили въ ряды воиновъ благодѣтельствовавшихъ имъ державъ и подъ ихъ знаменами служили вѣрно, какъ дѣти одного семейства. Бѣшенные Французы, упившись своею кровью, познали наконецъ необходимость верховной самодержавной власти и добровольно избрали Наполеона императоромъ. Могущественный этотъ геній, убивъ кровожадный Конвентъ, началъ потрясать сопредѣльныя державы и задумалъ завоеваніе Россіи. Поляки, бывъ ослѣплены его счастливыми военными успѣхами, предались ему и служили усердно, полагая, что судьба назначила ему быть возстановителемъ Польши; но онъ въ 1807 году оторвалъ только части нѣкоторыхъ ея владѣній отъ Австріи и Пруссіи, соединя ихъ, наименовалъ герцогствомъ Варшавскимъ и присоединилъ къ королевству Саксонскому, устроивая такимъ образомъ себѣ свободный путь къ предѣламъ Россіи, могущество которой его безпокоило. Но Поляки, опираясь на этотъ рыхлый комокъ, мечтали присоединить всѣ отвалившіеся обломки королевства Польскаго.

Наполеонъ, сей бичъ разгнѣванныхъ Небесъ, окрылившись постояннымъ

счастіемъ, собравъ подъ свои знамена разноплеменные народы, дерзко налетѣлъ въ 1812 году на Россію и какъ туча грозная достигъ древней ея столицы Москвы; но тутъ запутался въ сѣтяхъ Кутузова и въ пламени пожара ея опалилъ свои крылья. Непобѣдимые воины его погибли въ предѣлахъ Россіи, а съ гибелью ихъ исчезла и надежда Поляковъ. Но Александръ Благословенный, царь Россіи, въ 1814 году, взойдя въ Парижъ, принялъ ихъ подъ свое покровительство, далъ имъ титулъ Царства Польскаго, и бывшее герцогство Варшавское содѣлалось такъ счастливымъ, какимъ никогда не была Польша въ свои лучшія времена. Но Поляки забыли благодѣянія Россіи и обратились къ безумію своему. Они въ 1830 году вздумали сдѣлаться самостоятельнымъ народомъ и соединить въ одно тѣло всѣ отпавшія части.

Мятежная буря, возникшая въ царствѣ Польскомъ, порывомъ своимъ поколебала и всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши къ Россіи. Она вырвала изъ нѣдръ семействъ отцевъ, дѣтей, родственниковъ, и унесла безвозвратно богатства, сбереженныя многими годами.

Россія, съ чувствомъ материнскаго состраданія, призывала дѣтей заблудшихъ въ свои объятія. Но безумцы, презирая голосъ ея, бросились изъ колыбели родной въ пылъ мятежныхъ Французовъ. Они мечтали, что тѣ примутъ участіе въ замыслахъ ихъ и пойдутъ съ мечемъ и огнемъ на грудь родины ихъ и на покровительницу ея, могущественную Россію. Жалки Поляки, образованные невѣжды. Французы не забыли еще урока, даннаго имъ въ 1812 году; время еще не изгладило могилъ ихъ на землѣ Русской.

Россія, истощивъ всѣ мѣры кротости къ преступнымъ энтузіастамъ, изрекла наконецъ приговоръ свой и затворила навсегда входъ для нихъ въ свои предѣлы. Рѣшеніе ея справедливо, законъ и благосостояніе государства требовали отринуть изъ нѣдръ своихъ нарушителей народнаго спокойствія. Они достойны этого наказанія по чувствамъ Русскаго народа и благомыслящихъ людей; но семейства магнатовъ не могли раздѣлять этихъ чувствъ, не могли чуждаться своихъ членовъ и по чувствамъ родства и по чувствамъ патріотизма: они исполняли ихъ тайныя, искреннія желанія. Поляки говорили: Dla czego te okrucienstwa!

Изгнанные безумцы, обманутые въ своихъ надеждахъ, наскучивъ подстрекателямъ своимъ Французамъ, разсѣялись по лицу Европы, Азіи, Африки и Америки, но не переставали думать о родинѣ своей и мятежными воплями своими наскучили вездѣ и всѣмъ. Французы, наставники ихъ, по методѣ обожаемаго Поляками Наполеона, погнали легіоны этихъ вредныхъ тунеядцевъ на убой въ Испанію и Африку. Испанія выгнала ихъ изъ своихъ предѣловъ. Изступленные мятежники, не видя конца своимъ желаніямъ, начали изыскивать средства, хотя отдаленныя, къ достиженію своей цѣли. Блуждающая мысль въ хаосѣ идей произвела эмиссаровъ, рѣшившихся съ самоотверженіемъ идти въ родной край съ пропагандою для распространенія враждебнаго намѣренія между народомъ и войскомъ. Они нашли себѣ у Польскихъ помѣщиковъ пріютъ и обильныя вспомогательныя средства.

Земская полиція, составленная изъ туземцевъ, принимавшая ревностное участіе въ мятежѣ 1830 года, покровительствовала имъ до того, что эмиссары приготовили уже матеріалы для учрежденія собственной типографіи, чтобы, посредствомъ издаваемыхъ книгъ воспламенить народный духъ къ возмущенію, прикрывая злонамѣренный умыселъ очищеніемъ Польскаго языка.

Умыселъ этотъ обнаружился: эмиссаръ Конарскій и нѣсколько сообщниковъ его изъ разныхъ губерній, присоединенныхъ отъ Польши, схвачены, и надъ ними наряжена слѣдственная коммиссія въ городѣ Вильнѣ, гдѣ, въ продолженіи ея дѣйствій, Русскій уроженецъ, Ново-Ингерманландскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Кузминъ-Короваевъ, по чувствамъ любви къ дѣвицѣ графинѣ Олизаръ, запутался между преступниковъ и принялъ дѣятельное участіе въ ихъ судьбѣ.

Эмиссаръ Конарскій и его сообщники осуждены и по мѣрѣ ихъ преступленія наказаны: Конарскій разстрѣлянъ въ г. Вильнѣ предъ многочисленнымъ народомъ, а прочіе сосланы въ ссылку. Короваевъ также осужденъ, но дѣло его отослано на конфирмацію высшаго начальства; а его самаго велѣно содержать на гаубтвахтѣ, въ Виленской цитадели. Когда преступникамъ былъ уже прочитанъ приговоръ, мѣстное начальство, по какому-то странному внушенію, сдѣлалось къ нимъ снисходительно и признало возможнымъ приговоренныхъ къ ссылкѣ отпустить по собственнымъ ихъ квартирамъ въ городѣ за особымъ, для каждаго изъ нихъ, карауломъ изъ трехъ рядовыхъ.

Снисхожденіе это, по чувству сострадания къ ближнему, похвально, но по отношенію къ политическимъ преступникамъ весьма неумѣстно. Только то благодѣтельное снисхожденіе можетъ одобрить чистая совѣсть, которое не производитъ въ послѣдствіи зла; но тутъ, при свободномъ доступѣ всякаго къ ссылочнымъ, могло составиться условное предположеніе, съ тайными соревнователями, о продолженіи начатаго безумнаго дѣла. По показанію Гильдебранта, Ромеръ, закоснѣлый врагъ правительства, намѣренъ былъ распространять свое правило и въ ссылкѣ между сосланными прежде него.

Гильдебрантъ и Мошинскій, оставшіеся еще подъ карауломъ въ Базиліанскомъ монастырѣ, возобновили распространеніе возмутительныхъ прокламацій.

Кромѣ сего, въ бытность ихъ по квартирамъ, представлялся удобный случай къ развращенію солдатъ, бывшихъ у нихъ на караулѣ. Весьма вѣроятно, что арестанты кормили ихъ, давали имъ водку и деньги, подъ видомъ состраданія къ ихъ положенію, и это чрезвычайно ослабило бдительность караула. Часовой у дверей, безъ сомнѣнія, стоялъ для того только, чтобы не ушелъ арестантъ (котораго онъ, можетъ быть, и въ лицо не видалъ) а до тѣхъ лицъ, которыя приходили къ арестанту, ему дѣла не было. Товарищи его гдѣ нибудь спали на кухнѣ, полагая, что арестанты эти неважные, потому что распущены по домамъ. Караульные эти, возвращаясь въ казармы, разсказывали о всемъ товарищамъ своимъ. Изъ сего въ послѣдствіи вышло то, что караульные, стоявшіе въ Базиліанскомъ монастырѣ, брали отъ арестантовъ кушанье и деньги. Выше уже сказано, что преступники сосланы, но тайные ихъ соумышленники остались въ Вильнѣ. Смерть Конарскаго развила патріотизмъ ихъ до изступленія. Женщины считали его мученикомъ, а сосланныхъ — невинными страдальцами, къ числу ихъ относя и Короваева.

Молодой этотъ человѣкъ, будучи помѣщенъ въ цитадели, на гаубтвахтѣ, въ офицерской караульной комнатѣ, началъ внушать состраданіе къ своему положенію въ неопытныхъ молодыхъ офицерахъ, содержавшаго тогда караулъ, Принца Карла Прусскаго полка, выставляя себя страждущимъ безвинно и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывая дѣйствія государственныхъ преступниковъ. Такимъ образомъ онъ расположилъ ихъ къ себѣ до того, что былъ ими отпускаемъ по ночамъ въ городъ подъ разными предлогами (хотя

офицеры и не сознавались въ этомъ) и имѣлъ свиданія какъ съ политическими арестантами, содержавшимися въ кляшторѣ Базиліановъ и въ тюремномъ замкѣ, такъ и съ тайными соумышленниками, живущими на свободѣ.

Вовлекши офицеровъ къ преступленію своего долга по службѣ, Короваевъ вѣроятно началъ внушать имъ либеральныя мысли и непримѣтно содѣлывать ихъ сообщниками своихъ замысловъ. Но этотъ полкъ смѣнился съ караула, а на мѣсто его вступилъ въ Вильну Эстляндскій Егерскій полкъ; вѣроятно при смѣнѣ карауловъ, офицеры Принца Карла Прускаго полка передали смѣняющимъ ихъ, что Короваевъ былъ отпускаемъ ими въ городъ по ночамъ и что онъ всегда въ назначенный часъ возвращался домой, и послѣдніе нашли возможнымъ слѣдовать ихъ примѣру.

Около второго, или 3-го числа Марта мѣсяца 1839 года, одинъ изъ офицеровъ Эстляндскаго полка Парижскій уроженецъ прапорщикъ Делюсине свелъ знакомство съ Короваевымъ и, по вѣтренному своему характеру, тотчасъ же, какъ онъ самъ говорилъ, сдружился съ нимъ. Короваевъ совѣтовалъ ему познакомиться съ Гильдебрантомъ и Мошинскимъ, содержавшимися послѣ рѣшенія дѣла Конарскаго въ кляшторѣ Базиліановъ. Делюсине, находясь 28-го Марта въ караулѣ при кляшторѣ, познакомился съ ними, устроивъ имъ свиданіе съ Короваевымъ и содѣлался ревностнымъ покровителемъ и сподвижникомъ въ замыслахъ: уговаривалъ караульныхъ унтеръ-офицеровъ (караулъ офицерскій былъ замѣняемъ унтеръ-офицерскимъ, по распоряженію коменданта генер.-лейтенанта Квитницкаго); къ выпуску ихъ въ городъ по ночамъ, ходилъ съ ними вмѣстѣ, давая имъ свой мундиръ, а самъ одѣвался въ арестантское платье; давалъ за это унтеръ-офицерамъ деньги, позволялъ имъ брать отъ арестантовъ кушанье, а впослѣдствіи и деньги; потомъ познакомился съ Малецкимъ, Валицкимъ, Эйзенблатеромъ и прочими студентами, изгнанными изъ Дерптскаго университета, которые проживали въ Вильнѣ.

Снядецкая, — одна изъ пламенныхъ патріотокъ, изступленная послѣдовательница пропаганды Конарскаго, съ графинею Олизаръ, Платеровою, Ромеровою и прочими, ревностно содѣйствовала умноженію соумышленниковъ для составленія общества. Она приходила сама къ арестантамъ и приводила къ нимъ другихъ дамъ; присылала кушанье чрезъ Малецкаго и снабжала деньгами Гильдебранта и Мошинскаго. Кромѣ того, Снядецкая приказала сдѣлать серебренныя кольца въ память смерти Конарскаго съ именами извѣстныхъ уже единомышленниковъ, въ томъ числѣ были Короваевъ и Делюсине. На кольцахъ было отпечатано всевидящее око и вырѣзанъ годъ 1839. Когда же обнаружился замыселъ, то Снядецкая сперва говорила, что кольца сдѣлала въ память кончины отца своего и раздала бывшимъ при погребеніи его студентамъ; но отецъ ея умеръ въ 1838 году. Напослѣдокъ говорила, что кольцы эти имѣли то значеніе, чтобы Провидѣніе спасло носящихъ ихъ отъ подобнаго года, какъ 1839, потому что Конарскій казненъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1839 года.

Между тѣмъ, узнавъ, что нѣсколько колецъ уже отобраны слѣдователемъ княземъ Трубецкимъ, Снядецкая поспѣшно велѣла собрать кольца, а вмѣсто ихъ отлить таблички съ надписью, но они тоже были захвачены. Тогда она сказала, что бываетъ подвержена умопомѣшательству, а на то что бывала у Мошинскаго и Гильдебранта объявила, что дѣлала это по долгу религіи, которая велитъ посѣщать узниковъ.

На праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова мѣстнымъ правитель-

ствомъ было допущено устроить для арестантовъ, въ особенной комнатѣ Базиліанскаго монастыря, роскошный столъ съ свенцонымъ, за которымъ собирались многіе партикулярные люди мужскаго и женскаго пола, а также и офицеры; въ продолженіи всего праздника каждый день были доставляемы свѣжія яства и вины, остающееся было отдаваемо караульнымъ.

Въ это время тюрьма эта была болѣе похожа на гостинную, наполненную избранными сообщниками злаго замысла, и все это дѣлалось подъ глазами правительства;—строгость карауловъ ослабла.

Такимъ образомъ послѣдователи Конарскаго начинали составлять въ г. Вильнѣ свое общество въ духѣ его пропаганды; днемъ приходили къ Гильдебранту и Мошинскому посѣтители, а ночью арестанты выходили съ офицерами въ городъ и пьянствовали въ трактирѣ на счетъ пожертвованія тайныхъ единомышленниковъ.

Я прибылъ въ Вильну 9-го Апрѣля для командованія корпусомъ по случаю отъѣзда за-границу корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Гейсмара, и чрезъ нѣсколько дней, замѣтивъ, что Эстляндскаго егерскаго полка офицеры ходятъ по городу, распустивши киверную чешую и невнимательны при встрѣчахъ съ начальниками, сначала приказалъ словесно полковымъ командирамъ Ревельскаго и Эстляндскаго егерскихъ полковъ, чтобы офицеры не распускали чешуи и дѣлали бы во фронтъ при встрѣчахъ съ начальниками, а потомъ одного арестовалъ. 3-го числа Мая, во время обѣда, князь Долгоруковъ (*) потихоньку спросилъ у меня, хорошо ли я знаю офицеровъ Эстляндскаго егерскаго полка?—Я не успѣлъ еще близко познакомиться съ ними, отвѣчалъ я ему, спросивъ при томъ у него, что значитъ этотъ вопросъ? — Я послѣ объявлю вамъ, сказалъ онъ.

5-го числа князь Долгоруковъ прислалъ ко мнѣ вице-губернатора князя Трубецкаго съ секретными бумагами, въ которыхъ заключался доносъ находящагося подъ судомъ, штабсъ-капитана Эляшевича и квартальнаго надзирателя Городецкаго (которые квартировали въ одномъ домѣ), что въ городѣ Вильнѣ имѣется заговоръ противу правительства, въ которомъ участвуютъ и офицеры Эстляндскаго егерскаго полка. По этому заговору назначено было время когда убить князя Трубецкаго за то, что онъ яко бы жестоко поступалъ съ преступниками при допросахъ; но время это прошло благополучно безъ всякаго покушенія на жизнь Трубецкаго. Оба доносчика въ заключеніи писали, что они не берутся доказывать справедливость сообщаемаго.

Желая испытать, въ какой степени можно полагаться на увѣренія князя Долгорукаго, я объявилъ ему по секрету, что мнѣ сказалъ полковникъ Озерскій, что жандармскій штабъ-офицеръ Ліобри говорилъ ему, что онъ распрашивалъ товарищей-офицеровъ объ этомъ дѣлѣ и заключаетъ, что все это происходило изъ шалости. 12-го числа князь Долгоруковъ объявилъ о томъ жандармскому штабъ-офицеру и того же числа говорилъ мнѣ, что Снядецкая есть сумасшедшая женщина, что серебренныя кольца сдѣлала она въ память отца ея и намѣрена была раздать студентамъ, бывшимъ при погребеніи его. Снядецкій умеръ и погребенъ въ 1838 году, а на кольцахъ вырѣзанъ 1839-й годъ, а Делюсине не есть студентъ и не былъ при погребеніи отца ея; зачѣмъ же вырѣзаны первоначальныя литеры его имени и фамиліи?

Я пріѣхалъ къ князю Долгорукову и, посовѣтовавшись съ нимъ, положилъ производить разслѣдованіе сколь возможно секретнѣе, чтобы не дѣлать

(*) Князь Николай Андреевичъ Долгоруковъ, тогдашній генералъ-губернаторъ того края. *П. Б.*

сего происшествія гласнымъ. Я призвалъ къ себѣ командира полка и объявилъ ему объ этомъ, который сказалъ, что Делюсине вѣтренный офицеръ и что онъ намѣренъ былъ арестовать его за неисполненіе своей обязанности, почему я приказалъ отдать приказъ объ арестованіи его на три дня съ посаженіемъ на гаубтвахту за упущенія по службѣ и въ тоже время, будучи у князя Долгорукова, условились доносить объ этомъ происшествіи вмѣстѣ и показать другъ другу бумаги, какія будутъ отправлены. Между тѣмъ, разслѣдованіе производилось дѣятельно; доносчики слѣдовали вездѣ за офицерами. Они имѣли подозрѣніе на прапорщика Делюсине, прапорщика Герасимова, Короваева и поручика Шенявскаго.

Князь Трубецкій обратился прежде всѣхъ съ вопросомъ къ прапорщику Герасимову, бывшему, за болѣзнію, въ Виленскомъ госпиталѣ, и отъ него узналъ о прочихъ.

6-го числа въ 2 часа князь Долгоруковъ прислалъ ко мнѣ съ подполковникомъ Юферовымъ рапортъ, который онъ посылаетъ къ главнокомандующему, съ экстра-почтою, въ которомъ, желая оградить себя и своихъ подчиненныхъ отъ отвѣтственности, сказалъ, что это произошло отъ слабости карауловъ. Я, видя, что онъ хотѣлъ предупредить мое донесеніе потому, что почта уже отходила,—сказалъ Юферову: я не ожидалъ, чтобы князь поступилъ такъ со мною, что теперь я долженъ буду посылать мое донесеніе съ нарочнымъ, которое и отправилъ 7-го числа по эстафетѣ, но заключенія никакого не дѣлалъ, а только послалъ копіи со всѣхъ доносовъ.

По слѣдствію же открыто, что прапорщикъ Делюсине имѣлъ тѣсную связь съ Гильдебрантомъ и Мошинскимъ, искалъ бумагъ для ихъ побѣга, давалъ Гильдебранту свой мундиръ, а самъ надѣвалъ его платье, и такимъ образомъ ходили въ городъ. Сверхъ сего, будучи въ пьяномъ видѣ, говорилъ своему деньщику, что Николая не будетъ, но будетъ Французскій Императоръ и что когда выстрѣлятъ изъ пушки три раза, Россія будетъ уже наша и прочее; сверхъ того, имѣлъ два кольца: одно желѣзное, искусно сдѣланное—отъ Снядецкой и другое золотое. Онъ же предлагалъ услуги вырыть трупъ Конарскаго и передать его желающимъ имѣть его.

Прапорщикъ Герасимовъ былъ участникомъ въ дѣйствіяхъ Делюсине и Короваева, но еще не могъ понимать въ полномъ смыслѣ пропаганды Конарскаго. Потомъ, когда узналъ, что Делюсине арестованъ, то просилъ прапорщика Ревельскаго егерскаго полка Баривица написать записочку къ подпоручику Шенявскому, дабы тотъ предупредилъ Короваева, чтобы тотъ истребилъ бумаги, какія у него имѣются, и сверхъ сего, выпускалъ Короваева ночью въ городъ.

Прапорщикъ Баривицъ, будучи тутъ же больнымъ вмѣстѣ съ Герасимовымъ, написалъ записочку попольски къ Шенявскому.

Поручикъ Огонь-Догановскій бывалъ съ прапорщикомъ Делюсине у Гильдебранта и Мошинскаго и усердно слушалъ уроки ихъ пропаганды.

Стоявшіе во время содержанія караула въ кляшторѣ Базпліянскомъ дозволяли Гильдебранту выходить, по почамъ, съ Делюсине въ городъ.

При первоначальномъ открытіи сего дѣла, мѣстному начальству показалось страннымъ, что Гильдебрантъ и Мошинскій, имѣя возможность бѣжать, не воспользовались счастливымъ случаемъ; оно было почти увѣрено въ томъ, что они были невинны. При-

нявши же въ соображеніе обстоятельства, показанныя Делюсине можно имѣть сильное подозрѣніе, что присутствіе ихъ еще нужно было для распространенія козней, и по сему должно заключить, что Гильдебрантъ и Мошинскій намѣрены были составить заговоръ съ помощію Снядецкой, Ромеровой, Олизаръ, Кончи и прочихъ.

10-го числа Іюня содержавшійся въ кляшторѣ миссіонеръ студентъ Королевичъ повѣсился.

Изъ розысканій по сему дѣлу открыто (по 22-е Сентября), что это зло произошло:

1-е. Отъ безпечности мѣстнаго начальства и недостатка въ строгомъ наблюденіи за карауломъ.

2-е. Отъ безпечности городской полиціи, потому что она не могла знать, гдѣ что дѣлается по ночамъ въ трактирахъ.

3-е. Отъ неумѣстнаго снисхожденія мѣстнаго начальства къ ссыльнымъ преступникамъ, дозволившаго имъ жить въ городѣ по квартирамъ, за присмотромъ караула изъ трехъ солдатъ для каждаго. Это былъ первый шагъ къ ослабленію строгости карауловъ.

4-е. Отъ допущенія къ Конарскому, наканунѣ его казни, для прощанья, всѣхъ, кто только хотѣлъ. При этомъ случаѣ онъ могъ укрѣплять ихъ своими зловредными наставленіями. Гильдебрантъ объявилъ унтеръ-офицеру Одинцу, что они смѣялись такому распоряженію правительства.

5-е. Отъ помѣщенія Короваева на арсенальной гаубтвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ, вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ (несмотря на то, что тамъ имѣлись отдѣльныя комнаты), гдѣ натурально долженъ былъ заводиться разговоръ Короваева съ караульными офицерами, при чемъ онъ могъ уговаривать легкомысленныхъ или неопытныхъ отпускать его ночью въ городъ.

6-е. Отъ соединенія въ Базиліанскомъ кляшторѣ въ одну комнату, послѣ отправленія ссыльныхъ арестантовъ, послѣдователей Конарскаго: Гильдебранта, Мошинскаго, Малецкаго и дозволенія приходить къ нимъ разнымъ постороннимъ лицамъ; изъ чего караульные солдаты могли заключить, что эти арестанты не суть важные.

Вотъ главныя причины возрожденія глупыхъ затѣй, которыя не моглибы случиться, еслибы мѣстное правительство постоянно было строго къ исполненію своихъ обязанностей.

Всякому здравомыслящему человѣку можно разсудить, что сумазбродные эти замыслы не могли произвести ничего важнаго: съ паденіемъ Варшавы, исчезла для Поляковъ возможность къ великимъ потрясеніямъ порядка. Если въ то время, когда во всей Литвѣ поднятъ былъ мятежъ, умы были раздѣлены, то можно ли ожидать теперь единодушнаго дѣйствія, когда не имѣется въ виду никакой надежной опоры! И потому не должно было торопиться съ представленіемъ и давать дѣлу этому важнаго виду; но смотрѣть на него, какъ на дѣло сумасшедшихъ и принять такія мѣры, чтобы лишить ихъ оружія, которымъ они могли наносить вредъ себѣ и другимъ, то есть сумазбродныхъ заключить въ домъ сумасшедшихъ, имѣнія отобрать въ казну пока выздоровѣютъ сумасшедшіе, а потомъ, для испытанія, послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Офицеровъ послать на покаяніе на Кавказъ и до того времени не повышать ихъ чиномъ, пока не удовлетворится справедливый гнѣвъ Монарха.

Верховное начальство, коему ввѣрено управленіе страною, мечемъ пріобрѣтенною, должно быть всегда готово къ подобнымъ явленіямъ, и они

не должны ему казаться необыкновенными происшествіями; они обязаны прекращать ихъ предоставленною имъ властью, не давая сему злу распространяться далеко, но убивать его при самомъ зарожденіи.

Для этого должно имѣть вѣрную и бдительную полицію и слѣдовательно *съ большою разборчивостію допускать людей къ сей должности*; между тѣмъ, теперь допущены къ разнымъ должностямъ по земской полиціи лица, предводительствовавшія партіями мятежниковъ. Здѣшняя, какъ гражданская, такъ и земская полиція или вообще исполнительная власть, должна быть отъ короны и не изъ туземцевъ, и за малѣйшее приступленіе должно наказывать чиновниковъ строго; положить двойное жалованье, и за взятки лишать чиновъ. Туземцамъ предоставлять одну судебную власть; адвокатовъ, какъ зловредныхъ людей, имѣть подъ строгимъ наблюденіемъ тайной полиціи.

Сверхъ сего, должно ограждать крестьянъ отъ притѣсненія помѣщиковъ, дабы поставить ихъ въ увѣренности, что правительство заботится объ нихъ.

Въ 1841 году, одинъ изъ числа изгнанниковъ, Курнатовскій, возвратился на родину и, будучи на вечерѣ у военнаго начальника Соболева, разсказывалъ, что „Французы были привѣтливы и предупредительны до тѣхъ „поръ, пока у насъ были деньги; когда же деньги истощились, тогда исчезло все и, мы увидѣли, что въ народѣ этомъ нѣтъ никакого сострастранія, и что всѣ несчастные добровольные отступники завидуютъ ему, „что онъ возвратился на свою родину.“

*

18 Ноября (30 *Listopada*) открытъ въ Варшавѣ, на Саксонской площади, памятникъ, воздвигнутый Полякамъ, убитымъ во время революціи 17 (29) Ноября 1830 года. На ономъ надпись: „Полякамъ, падшимъ 17 (29) Ноября 1830-го года за вѣрность своему Государю.“

Имена Поляковъ, падшихъ за вѣрность своему Государю: Генералъ отъ Артил., Сенат., воевода, начальникъ Крѣпос. Арт. и онъ-же генералъ кварт., исправлявшій должность военнаго министра, графъ Маврикій Гауке.

Генералъ отъ инф., генер. адъютантъ, сенаторъ, воевода, начальникъ пѣхоты, графъ Станиславъ Потоцкій.

Бригадный генералъ, генеральный секретарь, правитель коммисіи военныхъ дѣлъ, Іосифъ Новицкій.

Бригадный генералъ, команд. 2-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи, Игнатій Блюммеръ.

Бригадный ген., исправлявшій должность начальника главнаго штаба, Тимофей Семіонтловскій.

Бригадный генер., состоявшій въ штабѣ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, главнокомандовавшій войсками, Станиславъ Трембицкій.

Начальникъ штаба корпуса артиллеріи и инженеровъ, полковникъ Филипъ Метишевскій.

Памятникъ этотъ—не по сердцу патріотамъ Полякамъ.

Памятникъ этотъ устроенъ на 8-ми угольномъ цоколѣ, вышиною въ 1 ар., одѣтомъ мраморными пластами и имѣющемъ съ каждой стороны по 3 ступени; на этомъ цоколѣ, имѣющемъ 29 аршинъ въ поперечникѣ, лежитъ большая тумба въ $8^1/_2$ ар. вышины, на коей возвышается обелискъ. Онъ состоитъ изъ 8-ми прямоугольныхъ, выдающихся кубовъ, на которыхъ стоятъ 8 эскарповъ, поддерживающихъ верхній поясъ, окружающій тумбу. На

означенныхъ тумбахъ покоятся 8 бронзовыхъ львовъ, длиною въ 5 аршинъ каждый.

Восемь эскарповъ на вершинахъ своихъ поддерживаютъ 4 квадратныхъ цоколя, такъ что каждый цоколь поддерживается извнѣ двумя эскарпами. На этихъ цоколяхъ находятся четыре крышки въ видѣ антефисовъ съ четырьмя полукруглыми наличниками, украшенными пальмовыми листьями изъ позолоченной брозны, оканчивающимися по краямъ угловъ тремя листами изъ такой же бронзы, служащими для стока воды съ антефисовъ; все это вмѣстѣ образуетъ четыре пьедестала, на коихъ помѣщены четыре гвардейскихъ орла съ приличными эмблематическими украшеніями, отлитые изъ брозны и позолоченные въ огнѣ. Каждый изъ сихъ орловъ, вышиною въ 3 ар. имѣетъ распростертыя крылья, параллельно къ угламъ восми-угольника.

Верхняя часть тумбы, со включеніемъ антефисовъ, окружена карнизомъ, состоящимъ изъ разныхъ бронзовыхъ, вызолоченныхъ и полированныхъ украшеній. Четыре мѣдныя доски, съ надписями (составленными изъ металлическихъ, вызолоченныхъ и полированныхъ буквъ), изъ коихъ двѣ на русскомъ и двѣ на польскомъ языкѣ, образуютъ, съ четырехъ сторонъ, наружныя стѣны тумбы, какъ выше написано.

Печатано съ рукописи, полученной отъ Евдокіи Александровны Отрещонки, владѣющей и другими служебными и автобіографическими бумагами своего свекра.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЛАТЫШИ.

1841—1842 годы.

Историческій очеркъ.

Предлагаемая статья составляетъ эпизодъ изъ обширнаго изслѣдованія объ исторіи Прибалтійскихъ губерній, впервыя предпринятаго на языкѣ Русскомъ, и потому Русскому Архиву нельзя не дорожить ею съ точки зрѣнія исторіографической. Правда, извѣстія ею сообщаемыя, большею частію, не новы; но доселѣ они были разбросаны въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ разныхъ книгахъ Чтеній Общества Исторіи и Древностей; здѣсь же собраны и приведены въ стройномъ изложеніи. Совокупность точныхъ показаній да послужитъ пріобрѣтеніемъ для истинной исторической науки, и, въ тоже время, обличеніемъ тѣхъ псевдоисторическихъ книгъ и брошюръ, которыя по этому предмету, почти ежемѣсячно, появляются на Нѣмецкомъ языкѣ съ недостойною цѣлью возбуждать общественное мнѣніе Германіи и Европы противъ Россіи и нашего правительства. Впрочемъ, мы рѣшительно отказываемся признавать за этою статьею значеніе полемическое, еще менѣе какое либо отношеніе къ современности: горячность современныхъ пристрастій не должна простираться на событія, которыя освящены для историка почти 30-ти лѣтнею давностью и участники которыхъ почти всѣ давно почиваютъ въ могилахъ. Что же касается до подробностей въ изложеніи и до нѣкоторыхъ личныхъ воззрѣній, то само собою разумѣется, что литературной отвѣтственности за нихъ мы принять не можемъ и даже, при всемъ уваженіи нашемъ къ высокодаровитому автору, позволяемъ себѣ иногда вовсе съ нимъ не соглашаться. *П. Б.*

....Недавно появившіяся въ печати Записки Православнаго Латыша, раскрывъ тѣ внутреннія побужденія, ко-

торыми Лифляндское простонародье влеклось къ перемѣнѣ вѣры, дали возможность читателямъ заглянуть въ первый разъ въ самую душу Латышей того времени, съ которыми авторъ мучился одною жизнью. Это одна, психическая сторона дѣла; теперь мы обратимся къ внѣшней сторонѣ того же событія: покажемъ, какъ отнеслись къ нему другія сословія, мѣстныя власти и высшее правительство, какія понятія и представленія сложились въ средѣ Русскаго просвѣщеннаго общества о загадочномъ для него стремленіи темной массы, словомъ: мы обставимъ это движеніе совокупностью обстоятельствъ, хотя и не имѣвшихъ въ сущности ничего съ нимъ общаго, но тѣмъ не менѣе обусловившихъ сперва ненормальность его развитія, а затѣмъ печальный его исходъ.

Прежде всего, чтобъ не перебивать разсказа безпрестанными объясненіями, нужно припомнить положеніе края въ 1841 году, когда въ немъ началось религіозное броженіе, и, въ особенности, составить себѣ по возможности точное понятіе о тогдашнемъ положеніи Лифляндскихъ крестьянъ.

Ихъ личныя права, ихъ общественное устройство, ихъ подсудность, ихъ поземельныя отношенія къ помѣщикамъ все еще опредѣлялись Положеніемъ 1819 года, тѣмъ самымъ, котораго пятидесяти-лѣтній юбилей служитъ теперь поводомъ къ торжественнымъ манифестаціямъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Крестьяне слыли лично свободными; но на практикѣ, ощущали свободу преимущественно отрицательною ея стороною, именно: прекращеніемъ прежняго ихъ права, истекавшаго изъ крѣпостныхъ отношеній, на поддержку и пособія со стороны помѣщиковъ. Послѣдніе относились къ нимъ какъ къ лицамъ для нихъ постороннимъ, не отвѣчали за нихъ ни въ чемъ, а все таки сохраняли надъ ними прежнюю свою власть, только подъ другимъ названіемъ и въ нѣсколько подновленной формѣ. (Полн. собр. законовъ т. XXXVI прилож. къ № 27735 §§ VIII, 63).

Личныя права крестьянъ, за пріобрѣтеніе которыхъ они поплатились утратою своего права на землю, подлежали слѣдующимъ ограниченіямъ: имъ было запрещено перечисляться въ другія губерніи, а для временной отлучки за предѣлы Лифляндіи, паспортъ выдавался не иначе какъ съ письменнаго разрѣшенія Ландратской коллегіи, которая, въ свою очередь, выдавала разрѣшеніе не иначе какъ по предъявленіи свидѣтельства мірскаго суда за подписью помѣщика, о неимѣніи къ отлучкѣ никакихъ препятствій (§§ 13, 70). Въ предѣлахъ губерніи, перечисленіе изъ одного мірскаго общества въ другое допускалось лишь подъ условіемъ согласія на это владѣльца того имѣнія, къ которому крестьянинъ намѣревался приписаться (§§ 25, 64). Нанимавшійся въ услуженіе могъ искать себѣ мѣста во всей губерніи, но обязанъ былъ полныхъ три года (отъ одной переписи до другой) оставаться въ томъ приходѣ, къ которому былъ приписанъ (§ 452). Такъ было по закону; но по укоренившемуся обычаю, крестьяне испытывали и другія стѣсненія въ личныхъ своихъ правахъ. Такъ наприм. въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, совершеніе браковъ между крестьянами допускалось не иначе какъ съ предварительнаго, письменно выраженнаго разрѣшенія вотчинной конторы. Это условіе соблюдалось еще въ шестидесятыхъ годахъ и было заявлено оффиціально, пасторомъ, въ перепискѣ происходившей между духовными вѣдомствами, Лютеранскимъ и Православнымъ, по поводу одной жалобы (*).

(*) Подлинное свидѣтельство будетъ приведено въ послѣдствіи, въ главѣ о смѣшанныхъ бракахъ.

Общественная организація сельскаго сословія, въ связи съ судебными и административными учрежденіями въ вѣдѣніи которыхъ состояли крестьяне, не отличалась простотою.

Крестьяне росписаны были на общества, названныя въ Русскомъ текстѣ закона *волостными*; но точнѣе было бы назвать ихъ вотчинными — Gutsgemeinden, такъ какъ однопомѣстность лежала въ основаніи дѣленія на общества; иными словами: за общественную единицу принималась вотчина, и отступленія отъ этого правила допускались только по желанію самихъ вотчинниковъ (§§ 57, 58, 59).

Администрація и судъ, въ той мѣрѣ въ какой они касались крестьянъ, ввѣрены были, въ границахъ вотчины: 1) общественнымъ или мірскимъ сходамъ 2) старшинамъ (Vorsteher) 3) общественному или мірскому суду и 4) вотчинному управленію (Gutsverwaltung), неправильно названному въ Русскомъ текстѣ *волостнымъ*, или попросту — помѣщичьей конторѣ, какъ вотчинно-полицейскому управленію (Gutspolizei); въ границахъ судебно-полицейскаго приходскаго округа (*): 5) приходскому суду; въ границахъ уѣзда: 6) уѣздному суду; въ границахъ губерніи: 7) отдѣленію Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ и 8) генералъ-губернатору.

Послѣднюю, то есть самую незначительную, роль играли мірскіе сходы. Они собирались не иначе какъ по распоряженію вотчиннаго правленія, для выслушиванія его предложеній, или съ его разрѣшенія, въ которомъ оно не въ правѣ было отказать въ томъ лишь случаѣ, когда предстояли выборы. Созвавшій мірскую сходку безъ разрѣшенія вотчинной конторы подвергался отвѣтственности какъ нарушитель общественнаго порядка (§§ 72, 73, 74). Мірскіе приговоры входили въ силу не прежде какъ по утвержденіи ихъ вотчиннымъ правленіемъ; въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, вотчинное правленіе могло, если хотѣло, требовать вторичнаго обсужденія дѣла на сходѣ, но законъ не ставилъ этого непремѣннымъ условіемъ, такъ что оно могло просто остановить приговоръ. Въ послѣднемъ случаѣ, обществу предоставлялось право жаловаться въ приходскій судъ (§§ 78—80). Такъ было по закону; а на практикѣ, дѣло происходило гораздо проще. Чтобъ не тратить по напрасну времени, мірскіе приговоры составлялись въ вотчинной конторѣ и диктовались предсѣдателю схода.

Мірскому обществу предоставлено было право, въ *крайнихъ случаяхъ* (которыхъ законъ не опредѣлялъ) обращаться съ жалобами къ главному начальнику края, черезъ посредство двухъ депутатовъ, избранныхъ *непремѣнно* изъ числа старшинъ и членовъ мірскаго суда, то есть изъ должностныхъ лицъ, которыхъ, по закону, утверждалъ, а на практикѣ — назначалъ помѣщикъ. Но о намѣреніи своемъ воспользоваться этимъ правомъ, крестьяне должны были сперва увѣдомить вотчинное правленіе (хотя бы жалоба подавалась на него) и запастись у него письменнымъ на то свидѣтельствомъ; въ случаѣ отказа въ свидѣтельствѣ, можно было обратиться съ жалобою въ приходскій судъ. Отъ выборныхъ, которые вздумали бы явиться безъ свидѣтельства, запрещено было принимать жалобы (§ 84). Итакъ, добраться до генералъ-губернатора законнымъ путемъ, когда жалоба приносилась на вотчинное правленіе, было не совсѣмъ легко.

Старшинъ (они же и смотрители хлѣбныхъ магазиновъ) полагалось по два на каждое общество. Слывя по закону представителями и оберегате-

(*) Каждый такой округъ обнималъ нѣсколько приходовъ, не менѣе 2-хъ, обыкновенно отъ 4-хъ до 5-ти, даже до 10-ти.

лями его интересовъ, они, въ обыкновенныхъ случаяхъ, замѣняли сходы, такъ что вотчинное управленіе избавлялось отъ непріятной необходимости сзывать все общество и становиться къ нему лицомъ къ лицу (§§ 85, 88, 95, 514).

Мірской судъ полагался въ каждомъ обществѣ и состоялъ изъ предсѣдателя (который также *управлялъ* сходомъ) и двухъ или болѣе засѣдателей (§§ 75, 98, 100).

Старшины, предсѣдатель и члены мірскаго суда выбирались мірскимъ сходомъ изъ крестьянъ мѣстнаго общества. Это производилось слѣдующимъ порядкомъ. На каждую должность общество представляло трехъ кандидатовъ на утвержденіе вотчиннаго правленія, которое имѣло право отвергнуть всѣхъ трехъ; тогда назначались вторичные выборы, и общество представляло новыхъ кандидатовъ, въ томъ же числѣ (§§ 90, 101). Такимъ образомъ, вотчинная контора могла браковать до пяти человѣкъ избранныхъ обществомъ, на каждую должность; но такъ какъ подобная процедура сопряжена была съ значительною тратою времени, и такъ какъ нельзя же было предполагать въ каждомъ обществѣ такого множества людей внушающихъ къ себѣ довѣріе, то обыкновенно, на практикѣ, дѣло происходило нѣсколько иначе. Предсѣдатель схода забѣгалъ въ вотчинную контору за приказомъ, и сходъ выбиралъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ помѣщику, или прикащику его, угодно было видѣть въ должностяхъ. Отрѣшеніе отъ должности старшинъ предоставлено было приходскому суду; ему же предоставлено было временное устраненіе отъ должности мірскихъ судей, а окончательное ихъ отрѣшеніе зависило отъ Уѣзднаго Суда (§§ 96, 133).

Мірской судъ вѣдалъ всѣ тѣ дѣла (кромѣ денежныхъ раскладокъ и выборовъ) которыя, у насъ, распредѣляются между сельскими и волостными сходами, волостнымъ правленіемъ, волостнымъ судомъ, и отчасти даже дѣла, возложенныя у насъ на мировыхъ посредниковъ. Онъ составлялъ нисшую инстанцію судебно-полицейскую и, въ тоже время, заправлялъ общественнымъ хозяйствомъ. Засѣдателямъ мірскаго суда единолично ввѣренъ былъ полицейскій надзоръ въ границахъ общества (§ 116). Какъ судебная инстанція, мірской судъ разбиралъ споры и тяжбы крестьянъ между собою, жалобы помѣщика на крестьянъ, требованія его объ удаленіи хозяевъ изъ усадьбъ и объ уничтоженіи заключенныхъ съ ними контрактовъ, чинилъ по таковымъ требованіямъ исполненіе и управлялъ опеками; какъ полицейская инстанція, онъ охранялъ и возстановлялъ порядокъ и безопасность, производилъ дознанія о всякомъ нарушеніи благочинія, задерживалъ безпаспортныхъ и бѣглыхъ; какъ учрежденіе хозяйственное, онъ содержалъ въ исправности дороги, охранялъ межи, призрѣвалъ бѣдныхъ, велъ списки народонаселенія, распоряжался сборомъ податей, назначеніемъ и поставкою рекрутовъ, исполненіемъ всякаго рода повинностей, общественныхъ, церковныхъ и публичныхъ, завѣдывалъ мірскою суммою, хлѣбнымъ магазиномъ и т. д. (§§ 117, 118, 129, 130, 131). Мірской судъ рѣшалъ окончательно гражданскія дѣла, предметъ коихъ не превышалъ цѣнностью 5 р. и присуждалъ наказанія: палками, до 30 ударовъ (мущинамъ), розгами, до 20 ударовъ (женщинамъ), нарядомъ на работу до трехъ дней, арестомъ до трехъ сутокъ, денежнымъ штрафомъ въ замѣнъ тѣлеснаго наказанія, причемъ каждый ударъ зачитывался въ 2 к. асс. (§§ 119, 120, 125). Всѣ постановленія мірскаго суда поступали на просмотръ въ вотчинное правленіе, которое, дѣйствуя на правахъ прокурорскихъ, могло остановить исполненіе по всякому рѣшенію по его мнѣ-

нію незаконному или несоотвѣтствовавшему своей цѣли, и перенести дѣло въ высшую инстанцію. По дѣламъ полицейскимъ, мірской судъ доносилъ вотчинному управленію о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, сдавалъ ему на руки арестантовъ, дѣйствовалъ по его указаніямъ и приводилъ въ исполненіе его требованія, *даже когда находилъ ихъ незаконными* (§§ 113, 117, 118, 131, 132). Засѣданія мірскаго суда происходили, по закону, на господскомъ дворѣ, и судъ обязанъ былъ собираться по всякому требованію вотчиннаго правленія (§ 115).

Мірскіе сходы, старшины, мірской судъ — все это были не болѣе какъ призраки общественныхъ учрежденій, а настоящая пружина, приводившая въ дѣйствіе эти декораціи, поставленныя для замаскированія ея, оставалась на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнихъ рукахъ, именно: въ вотчинной конторѣ и въ рукахъ помѣщика или его повѣреннаго. Мы, Русскіе, назвали бы дѣйствіе ея на людей свободныхъ произволомъ, но въ Прибалтійскомъ краѣ, во избѣжаніе такого оскорбительнаго выраженія, издавна употреблялось болѣе благовидное названіе вотчиннаго правленія. Оно дѣйствительно заправляло всѣмъ, посредственно или непосредственно. Какъ объяснено было выше, оно диктовало мірскому сходу его приговоры, замѣщало по своему желанію общественныя должности, останавливало судебныя рѣшенія мірскаго суда и употребляло его для своихъ надобностей, какъ покорное орудіе. Далѣе, вотчинное правленіе, въ качествѣ посредника между уѣздными и губернскими инстанціями съ одной стороны и сходами, старшинами, мірскимъ судомъ съ другой, совершенно разобщало крестьянъ съ общими и спеціально для нихъ созданными учрежденіями. Въ извѣстномъ смыслѣ, оно перехватывало, разумѣется въ силу предоставленнаго ему права, всю происходившую между ними переписку, принимало для передачи крестьянамъ бумаги поступавшія сверху, какъ то приказы, объявленія и публикаціи; оно-же, во многихъ случаяхъ, повѣряло исполнительныя донесенія шедшія снизу и пользовалось, для своего такъ называемаго посредничества, однимъ изъ членовъ мірскаго суда, какъ разсыльнымъ, который обязанъ былъ постоянно дежурить въ вотчинной конторѣ (§§ 114, 141, 142 и др.). Сверхъ того, вотчинное правленіе пользовалось очень широкою полицейскою властью, ему непосредственно предоставленною. Сюда входило: охраненіе тишины, спокойствія и порядка въ имѣніи; въ этомъ отношеніи, полиція общественная подчинялась надзору вотчинной и прибѣгала къ послѣдней когда нужно было принять какія либо особенныя мѣры для исполненія распоряженій мірскаго суда. Вотчинное правленіе могло, собственною властью, брать подъ стражу и отсылать по принадлежности въ приходскій или въ земскій судъ (Ordnungs-Gericht): во первыхъ, крестьянъ оказывавшихъ ослушаніе мірскому суду; во вторыхъ, тѣхъ крестьянъ, коихъ проступки подлежали наказаніямъ превышавшимъ власть мірскаго суда; въ третьихъ, всякаго нарушителя спокойствія въ обществѣ, ктобы онъ ни былъ и хотя бы онъ даже занималъ какую либо должность; въ четвертыхъ, лицъ писшаго состоянія, хотя бы и не членовъ мѣстнаго мірскаго общества (какъ напримѣръ ремесленниковъ) въ чемъ либо провинившихся, съ правомъ препровождать ихъ для наказанія въ мірской судъ, и наконецъ всякихъ преступниковъ изъ крестьянскаго и другихъ сословій (§§ 136—140).

Вотчинное правленіе выдавало крестьянамъ, какъ на временныя отлучки такъ и на выходъ изъ общества, печатные, особаго рода паспорты

за своею печатью; оно понуждало мірской судъ къ строгому наблюденію, чтобы никто изъ членовъ мѣстнаго общества не выходилъ безъ такого паспорта, даже изъ границъ своего прихода; крестьянина, нарушившаго это правило или просрочившаго выданный ему паспортъ, вотчинное правленіе могло огласить въ церкви бродягою и требовать его выдачи (§§ 144, 145, 148). Для поддержанія должнаго къ вотчинному правленію уваженія и благопристойности (такъ гласилъ законъ) ему предоставлено было право домашняго наказанія двухъ суточнымъ арестомъ на хлѣбѣ и на водѣ, палками до 15 ударовъ по одеждѣ (мущинамъ) и розгами, въ такомъ же числѣ ударовъ (женщинамъ) въ слѣдующихъ случаяхъ: когда дворовый или работавшій на помѣщика крестьянинъ нарушалъ спокойствіе господскаго дома, или причинялъ помѣщику какой нибудь ущербъ; когда оказывалъ помѣщику грубость, ослушаніе или неуваженіе; когда, находясь на господской работѣ, впадалъ въ какую либо вину (§§ 151, 152). По уложенію о Лифляндскихъ крестьянахъ 1804 года, изданному отнюдь не съ цѣлью упразднить крѣпостное право, а только въ видахъ ограниченія его и обезпеченія хозяйственнаго быта крестьянъ, *хозяева* (Wirthe), въ отличіе отъ сельскихъ батраковъ, были вовсе изъяты отъ домашней расправы вотчинныхъ конторъ. Они наказывались не иначе какъ по судебнымъ приговорамъ (§ 138). Спустя 15 лѣтъ, въ 1819 году, крѣпостное право на личность было упразднено; принеся эту въ свое время громко прославленную, такъ называемую *жертву*, Лифляндское дворянство вѣроятно разсудило, что едвали встрѣтится случай болѣе благопріятный для отнятія подъ шумокъ у крестьянъ-хозяевъ того права, которое было имъ даровано въ 1804 году и для подведенія ихъ, наравнѣ съ батраками, подъ дѣйствіе вотчинной расправы. Положеніемъ 1819 года, предоставленное помѣщику право, по своему усмотрѣнію, наказывать крестьянъ распространено было *и на хозяевъ*, во время нахожденія ихъ на господской работѣ. Прежняго закона, конечно, на справку не вывели, и правительство утвердило новый, не подозрѣвая того что̀ оно творило. Время ли было сличать, распрашивать и обнаруживать недовѣріе къ составителямъ Положенія, когда великодушіе Лифляндскаго рыцарства исторгало у всѣхъ слезы умиленія? А между тѣмъ, въ Лифляндіи, полились слезы инаго рода, и бѣдные хозяева восчувствовали дарованную имъ свободу прежде всего на собственныхъ спинахъ.

Къ праву присуждать тѣлесныя наказанія, которымъ вотчинное управленіе вооружено было по закону, *похвальный* обычай (eine löbliche Gewohnheit— какъ выражаются въ Прибалтійскомъ краѣ) прибавлялъ денежное взысканіе съ наказаннаго за палки или розги. Выдержавъ положенное число ударовъ, высѣченный вставалъ, вынималъ кошель и тутъ же расплачивался. У насъ, самый взыскательный помѣщикъ или суровый прикащикъ посовѣстился бы, попортивъ одну шкуру, наддирать другую на томъ-же субъектѣ; но такого рода первобытныя понятія естественно вытѣсняются возрѣніями высшей культуры. Вѣдь самъ крестьянинъ, собственною своею виною, навлекалъ на себя наказаніе; за что-же сталъ бы помѣщикъ или его повѣренный брать на себя даровую поставку розогъ или палокъ? Въ благоустроенномъ обществѣ, всякая услуга должна оплачиваться, а потому и виновный долженъ изъ своихъ средствъ нести расходъ на исполненіе казни, подобно тому какъ больной оплачиваетъ трудъ врача и медикаменты.

Таково требованіе строгой справедливости, соблюдавшееся до 1845 года. Только тогда узнали объ этомъ въ Петербургѣ изъ рапорта чиновника,

командированнаго въ Лифляндію по поводу распространенія въ народѣ Православія, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, настойчиво потребовалъ отмѣны этого похвальнаго обычая. Лифляндскіе публицисты причтутъ вѣроятно и это распоряженіе къ числу постоянныхъ посягательствъ Русскаго варварства на Нѣмецкую культуру.

Жалобы на вотчинное правленіе допускались *только въ случаѣ превышенія власти* и подавались въ приходскій судъ, который производилъ дознаніе и старался покончить дѣло примиреніемъ; а когда это не удавалось, онъ не полагалъ никакого рѣшенія, а препровождалъ все дѣло въ уѣздный судъ (§§ 153, 170, 172). Въ случаѣ доказанныхъ злоупотребленій, вотчинное правленіе могло быть лишено своей полицейской власти только на время, и не иначе какъ по рѣшенію высшей инстанціи, то есть отдѣленія Лифляндскаго Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. Повѣренный помѣщика, пользовавшійся этою властью по передачѣ отъ него, могъ, такимъ же судебнымъ приговоромъ, быть лишенъ полицейскаго права навсегда; но помѣщикъ все таки, и въ этомъ случаѣ, не терялъ этого права и могъ передать его другому лицу вмѣсто устраненнаго (§§ 154, 155).

Независимо отъ власти, вотчинное правленіе владѣло еще могучимъ средствомъ подкупать крестьянъ, притомъ на счетъ самаго мірскаго общества и не неся никакихъ расходовъ, именно — правомъ косвеннаго и прямаго увольненія отъ рекрутской повинности. По закону, крестьяне владѣвшіе усадьбами не слишкомъ малаго размѣра, иначе: хозяева и старшіе ихъ сыновья, не подлежали призыву къ отбыванію рекрутской повинности, а въ хозяева жаловалъ помѣщикъ, такъ какъ отъ него зависило сдать усадьбу и отобрать ее. Назначеніе рекрутовъ предоставлено было не сходу, а мірскому суду, который, какъ было объяснено выше, находился совершенно подъ рукою вотчиннаго правленія, да и по закону назначеніе, сдѣланное судомъ, поступало на утвержденіе тогоже правленія. Сверхъ всего этого, оно пользовалось правомъ увольнять отъ рекрутства, по собственному своему выбору, нѣкоторое число годныхъ въ военную службу людей изъ дворовыхъ и крестьянъ, состоявшихъ или числившихся въ услуженіи при господскомъ дворѣ. Число увольняемыхъ на этомъ основаніи соразмѣрялось съ числомъ душъ въ помѣстьѣ; на первыя 100 душъ, полагалось 4 увольненія, на каждыя 50 душъ сверхъ первой сотни, по одному. Это правило примѣнялось слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что въ какомъ либо имѣніи состояло 500 душъ крестьянъ и 20 дворовыхъ; изъ нихъ, по закону, помѣщикъ могъ уволить отъ рекрутства 12 человѣкъ; предположимъ также, что изъ числа 20 дворовыхъ, было не болѣе 6-ти годныхъ въ военную службу; помѣщикъ, освободивъ этихъ шестерыхъ отъ рекрутства, могъ еще распорядиться шестью увольненіями, выдумавъ, такъ сказать, несуществовавшихъ въ натурѣ дворовыхъ людей, то есть зачтя для формы въ дворовые тѣхъ изъ крестьянъ, хотя бы вовсе и не состоявшихъ при немъ въ услуженіи, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить, или съ которыми онъ входилъ въ сдѣлку. Исключаемые на этомъ основаніи поименно означались помѣщикомъ передъ каждымъ наборомъ; слѣдовательно, давъ льготу, онъ же могъ во всякое время и отнять ее (§§ 500—503).

Вообще, вотчинное управленіе, въ томъ видѣ въ какомъ оно существовало въ Лифляндіи, отличалось двумя характеристическими чертами отъ всякаго рода судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ учрежденій, общественныхъ, сословныхъ и корон-

ныхъ. Вопервыхъ, при широкомъ кругѣ дѣйствія и при несомнѣнной важности предоставленныхъ ему правъ, оно все таки, даже по закону, не считалось *необходимымъ* органомъ въ системѣ мѣстныхъ учрежденій, а составляло нѣчто случайное, зависившее отъ желанія или нежеланія частнаго лица, une affaire de bon plaisir. Помѣщикъ отнюдь не былъ *обязанъ* ни пользоваться лично своими правами, ни даже передать ихъ уполномоченному отъ себя лицу; онъ могъ просто отъ нихъ отказаться, на время или навсегда, и тогда власть, добровольно выпущенная имъ изъ своихъ рукъ, переходила сама собою къ мірскому суду (§§ 134, 135). Во вторыхъ, при предоставленномъ ему правѣ вмѣшательства во всѣ общественныя дѣла, вотчинное правленіе не несло никакой отвѣтственности за успѣшный ихъ ходъ. Такъ напримѣръ, почему то признавалось нужнымъ, чтобы распоряженія начальства, подлежавшія обнародованію въ обществѣ, непремѣнно передавались мірскому суду черезъ вотчинное правленіе; но за необнародованіе ихъ мірскимъ судомъ оно нисколько не отвѣчало (§ 141). Одинъ изъ ключей хлѣбнаго магазина и одинъ изъ ключей мірской кассы хранились въ вотчинномъ правленіи; оно же разрѣшало ссуды, ревизовало когда хотѣло счеты и наличность; но за цѣлость хлѣба и денегъ также не отвѣчало (§§ 514, 515). Словомъ, барское властолюбіе находило себѣ полное удовлетвореніе, нисколько не тревожившее барской лѣни. Какъ видятъ читатели, въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ, осуществлялся тотъ идеальный порядокъ вещей, къ которому, частью по неразумію—ребяческимъ глумленіемъ надъ введенными у насъ формами крестьянскаго самоуправленія, частью болѣе сознательно—въ надеждѣ воротить хоть долю навсегда утраченнаго, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ (а если вѣрить слухамъ, и нѣкоторыя правительственныя вѣдомства) исподоволь готовятъ у насъ общественное мнѣніе.

Приходскій судъ составлялъ ближайшую инстанцію надъ мірскимъ, принималъ на него жалобы, ревизовалъ его распоряженія, давалъ ему предписанія и, также какъ мірской судъ, вѣдалъ дѣла судебныя, полицейскія и хозяйственныя. Споры крестьянъ между собою и жалобы на крестьянъ поступали въ приходскій судъ какъ во вторую инстанцію, а жалобы крестьянъ на помѣщиковъ поступали въ тотъ же судъ какъ въ первую инстанцію и подлежали въ ней только примирительному разбирательству. Третью инстанцію для дѣлъ перваго рода и вторую (или точнѣе первую не мировую) для дѣлъ втораго рода составлялъ Уѣздный Судъ. Высшею инстанціею для судебныхъ дѣлъ какъ между крестьянами, такъ и по жалобамъ крестьянъ и на крестьянъ, было отдѣленіе Гофгерихта по крестьянскимъ дѣламъ. На него допускались жалобы только въ Сенатъ, въ порядкѣ кассаціонномъ, и генералъ-губернатору въ случаѣ отказа въ правосудіи. Независимо отъ этого, генералъ-губернаторъ могъ, по просьбѣ недовольной стороны, потребовать пересмотра въ Гофгерихтѣ рѣшеннаго дѣла и, въ случаѣ несогласія своего съ вторичнымъ постановленіемъ, войти со всеподданнѣйшимъ рапортомъ (§§ 170, 171, 174, 189, 191, 197, 247). Крестьяне имѣли представителей отъ своего сословія (не считая мірскаго суда) въ Приходскомъ судѣ: въ лицѣ трехъ засѣдателей, и въ Уѣздномъ — въ лицѣ двухъ засѣдателей (§§ 157, 183); всѣ они выбирались не непосредственно, то есть не обществами, а засѣдателями отъ крестьянъ въ нисшихъ инстанціяхъ; трехъ засѣдателей Приходскаго суда выбирали члены Мірскихъ судовъ—лица, которыхъ по закону утверждалъ, а на практикѣ назначалъ помѣщикъ (§ 159);

двухъ засѣдателей Уѣзднаго суда выбирали засѣдатели отъ крестьянъ Приходскихъ судовъ (§ 184). Засѣдатели отъ крестьянъ въ Приходскомъ судѣ утверждались и отрѣшались отъ должности Уѣзднымъ судомъ (§§ 162, 170); засѣдатели отъ крестьянъ въ Уѣздномъ судѣ утверждались и отрѣшались Гофгерихтомъ (§§ 185, 190).

Затѣмъ, весь личный составъ крестьянскихъ судебныхъ инстанцій (кромѣ разумѣется Мірскаго суда), а именно: въ Приходскомъ судѣ предсѣдатель, въ Уѣздномъ предсѣдатель и два засѣдателя, въ отдѣленіи Гофгерихта предсѣдатель, резидующій Ландратъ и Ландраты члены Гофгерихта (§§ 157, 159, 183, 184, 198) набирался изъ мѣстныхъ дворянъ, по выбору отъ дворянства, и не было во всѣхъ перечисленныхъ инстанціяхъ ни одного лица по назначенію отъ правительства. Канцеляріи также были въ рукахъ дворянства: секретарь приходскаго суда (онъ же и нотаріусъ) избирался и увольнялся предсѣдателемъ; половину своего жалованья онъ получалъ отъ дворянства, а другую отъ всего прихода. Должность эта имѣла особенную важность, такъ какъ съ нею сопряжено было свидѣтельствованіе и занесеніе въ книгу всѣхъ условій о сдачѣ помѣщиками крестьянскихъ усадьбъ (§§ 170, 175, 177, 179). Секретарь Уѣзднаго суда выбирался изъ мѣстныхъ дворянъ, изучившихъ право непремѣнно въ *Дерптскомъ* университетѣ (§ 193); секретарь отдѣленія Гофгерихта выбирался изъ того же разряда лицъ на дворянскомъ собраніи (§ 199).

Множествомъ надстроенныхъ одна надъ другою инстанцій, повидимому, надежнымъ образомъ ограждались права крестьянъ, по крайней мѣрѣ права положительно въ законѣ выраженныя; но чтобъ судить о томъ, въ какой мѣрѣ правосудіе въ дѣйствительности было доступно крестьянамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ права и интересы сталкивались съ произволомъ или съ выгодами помѣщиковъ, не мѣшаетъ принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства.

Вопервыхъ, по закону, крестьянамъ безусловно запрещалось подавать письменныя просьбы или заявленія, а равно дѣйствовать черезъ повѣренныхъ. До помѣщиковъ этотъ законъ разумѣется не относился, но крестьяне должны были непремѣнно объясняться на судѣ не иначе какъ словесно и самолично. Законъ гласилъ, что при изданіи такого правила имѣлось въ виду сократить число процессовъ и уберечь просителей отъ расходовъ (§§ 204, 216). Первая цѣль этимъ несомнѣнно достигалась; мало того, во многихъ случаяхъ, тою же мѣрою рѣшительно отнималась у крестьянъ всякая возможность искать суда на помѣщика; достигалась ли вторая цѣль, когда ужъ дѣло было начато — по крайней мѣрѣ сомнительно. Но кромѣ двухъ указанныхъ цѣлей, достигалась еще третья, о которой законъ благоразумно умалчивалъ, а именно: дѣйствія инстанцій по дѣламъ крестьянъ совершенно закрывались отъ всякаго посторонняго взгляда и отнималась возможность ходатайствовать за крестьянъ у тѣхъ ненавистныхъ дворянству мѣстныхъ юристовъ, которые, по плебейскому своему происхожденію, были бы неспособны цѣнить по достоинству пріемы и традиціи вотчинной юрисдикціи.

Во-вторыхъ, чтобъ ѣхать для подачи просьбы въ уѣздный или губернскій городъ, нужно было отлучиться изъ своего прихода, а на это необходимо было испросить паспортъ у вотчиннаго правленія. По закону, правленіе обязано было не задерживать просителей долѣе двухъ сутокъ, буде не встрѣчалось къ ихъ отлучкѣ какого-либо законнаго препятствія (§ 147); но вѣдь мало ли что могло показаться законнымъ препятствіемъ! Въ такомъ случаѣ, надлежало обра-

титься въ Приходскій судъ, который, истребовавъ объясненія отъ вотчиннаго правленія, могъ выдать паспортъ отъ себя, но могъ и отказать въ немъ. Въ послѣднемъ случаѣ, недовольному крестьянину оставалось только обратиться съ словесною жалобою на Приходскій судъ въ Уѣздный, а туда все-таки нельзя было явиться безъ паспорта, подъ страхомъ прослыть бродягою (§ 148). На оборотъ, когда Приходскій судъ разрѣшалъ выдачу паспорта, помѣщикъ могъ обжаловать его рѣшеніе, такъ что, въ обоихъ случаяхъ, отъ помѣщика зависило возбудить многосложное, частное дѣлопроизводство о предоставленіи или непредоставленіи крестьянину возможности начать дѣло по существу.

Въ-третьихъ, ни на одно изъ учрежденій по дѣламъ крестьянъ не распространялся надзоръ ни уѣздныхъ стряпчихъ (фискаловъ), ни губернскаго прокурора. Это странное отступленіе отъ общаго порядка существовавшаго во всей Имперіи, не исключая и Прибалтійскаго края, на первыхъ порахъ вѣроятно ускользнуло отъ вниманія законодательной власти. Въ Положеніи 1819 года, нигдѣ не было сказано, чтобъ упомянутыя учрежденія были изъяты отъ надзора, но объ немъ умалчивалось. Правда, въ инстанціяхъ по дѣламъ крестьянъ установленъ былъ слѣдственный порядокъ дѣлопроизводства. Это значило, что суды, не ограничиваясь сущностью просьбъ и оцѣнкою предъявленныхъ сторонами доказательствъ и возраженій, должны были сами заботиться о пополненіи недосказаннаго, охранять интересы тяжущихся отъ ихъ собственныхъ упущеній, исправлять ихъ ошибки, предъявлять за нихъ требованія, приводить за нихъ основанія, о которыхъ они сами не думали. Но все это, съ одной стороны, давало суду, который облекалъ въ письменную форму словесныя заявленія крестьянъ, полную возможность извращать смыслъ и характеръ ихъ показаній и требованій, а съ другой могло бы быть выгодно для крестьянъ въ томъ лишь случаѣ, когда бы судъ сталъ дѣйствовать какъ оберегатель ихъ интересовъ, по крайней мѣрѣ оберегая ихъ интересы не менѣе чѣмъ помѣщичьи. Спрашивается: было ли основаніе предполагать, что таковъ именно былъ вообще образъ дѣйствій напримѣръ хоть бы Уѣзднаго суда, въ которомъ сидѣли три дворянина, по выбору отъ своихъ собратьевъ, и два крестьянина, на практикѣ почти всегда безмолвныхъ?

Итакъ, общественная организація крестьянъ и всѣ спеціально для нихъ созданныя инстанціи составляли особый, замкнутый міръ, совершенно недоступный наблюденію и со всѣхъ сторонъ огражденный, не только отъ вмѣшательства, но и отъ нескромнаго любопытства непосвященныхъ. Чтó тамъ творилось, между безграмотными, темными крестьянами и по своему слишкомъ просвѣщенными помѣщиками — этого никто не зналъ и не могъ узнать; но видѣнъ былъ общій результатъ — полнѣйшее недовѣріе крестьянъ къ судамъ.

Только по дѣламъ уголовнымъ, крестьяне были подсудны общимъ инстанціямъ и судились общимъ порядкомъ; но здѣсь самое примѣненіе этого порядка ставило именно крестьянъ въ исключительное положеніе, къ явной ихъ невыгодѣ. Вся переписка производилась, какъ извѣстно, на языкѣ нѣмецкомъ, котораго, за очень рѣдкими исключеніями, крестьяне не понимали. Даже показанія обвиненныхъ, обвинителей и свидѣтелей записывались, при производствѣ слѣдствія, по нѣмецки и только по нѣмецки. Само собою разумѣется, что вопросы предлагались опрашиваемымъ словесно, на ихъ языкѣ, то есть по латышски или по эстски; на тѣхъ же языкахъ давались и

отвѣты; но слѣдователь записывалъ какъ свои вопросы, такъ и отвѣты опрашиваемыхъ, не въ подлинныхъ выраженіяхъ, а въ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе точномъ переводѣ собственнаго своего издѣлія. При прочтеніи опроса, онъ опять, но только на словахъ, переводилъ записанное съ нѣмецкаго на латышское или эстское, а за тѣмъ подавалъ опрошеннымъ къ подписанію актъ написанный по нѣмецки. Они свидѣтельствовали своею подписью или крестами (за неумѣніемъ писать) подлинность, полноту и точность изложенія, въ которомъ часто не понимали ни единаго слова, такъ что приложеніе руки къ опросу рѣшительно теряло значеніе гарантіи отъ подлога. Оно даже связывало опрошенныхъ, отнимая у нихъ возможность, въ послѣдствіи, въ случаѣ обнаруженія умышленнаго или невольнаго извращенія ихъ словъ, отпереться отъ приписаннаго имъ показанія. Такимъ образомъ, обрядъ, которымъ такъ дорожитъ законъ какъ лучшею охраною отъ подлога, на практикѣ превращался въ самую надежную гарантію неизобличимости и безнаказанности подлога, въ опаснѣйшее искушеніе, какому только можетъ подвергнуться слѣдователь. Знаю, что это покажется невѣроятнымъ большинству читателей вѣрящихъ на слово Остзейскимъ свидѣтельствамъ о мнимомъ превосходствѣ тамошняго судопроизводства надъ нашимъ — пускай же они справятся; сдѣлать это не трудно, такъ какъ изложенный порядокъ существуетъ и въ настоящее время, а я на сей разъ сошлюсь также на свидѣтельство, притомъ неоспоримо безпристрастное.

Очень у насъ извѣстный по своимъ спеціальнымъ познаніямъ и по своей опытности именно въ уголовныхъ дѣлахъ, сенаторъ Л... бывшій въ сороковыхъ годахъ начальникомъ отдѣленія въ Министерствѣ Юстиціи, командированъ былъ тогдашнимъ Министромъ графомъ Панинымъ въ Лифляндію, для обревизованія тамошнихъ судебныхъ мѣстъ. Будучи въ Ригѣ, онъ посѣтилъ тюремный замокъ. Тамъ, одинъ изъ арестантовъ, какой-то Русскій, повалился ему въ ноги, упрашивая его, съ слезами и воплемъ, выручить его оттуда, по крайней мѣрѣ объяснить ему, за что онъ содержится? — „Какъ за что, да развѣ ты не знаешь?“ — „Не знаю“ — и вторичный поклонъ въ ноги. Г. Л... обратился къ сопровождавшему его Прокурору съ просьбою разъяснить ему дѣло. Оказалось, по отвѣту Прокурора, что арестантъ, собственными своими показаніями, отобранными у него при формальномъ слѣдствіи, уличался въ разныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Выслушавъ объясненіе, г. Л... естественно предположилъ со стороны арестанта притворное невѣдѣніе, довольно у насъ нерѣдкое и, намѣреваясь уличить его, потребовалъ подлинное дѣло. — „Покажите мнѣ допросъ“.—Прокуроръ развернулъ дѣло на бумагѣ, писанной по нѣмецки и прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ. Г. Л... обратился къ арестанту съ вопросомъ: „ты понимаешь?“ — „Нѣтъ, родной, ничего не понимаю, я вѣдь по нѣмецки не смыслю“. — „Зачѣмъ же вы читаете ему нѣмецкій переводъ? Дайте же *подлинный* допросъ.“ — Прокуроръ улыбнулся и отвѣчалъ: „да это и есть подлиный.“ — „Какъ подлинный! Вы называете подлиннымъ показаніе записанное не на томъ языкѣ, на которомъ оно отобрано?“ — „Да! вѣдь Вамъ конечно не безъизвѣстно, что къ числу мѣстныхъ привилегій, которыми мы наиболѣе дорожимъ, принадлежитъ и право производить всѣ дѣла на нашемъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ.“ — „Такъ на этомъ основаніи у васъ записываются по нѣмецки и всѣ допросы?“ — „Всѣ.“ — „Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда опрашиваемый по нѣмецки не смыс-

литъ?“ — „Даже и въ такихъ случаяхъ!“—Озадаченный этимъ открытіемъ, ревизоръ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, разумѣется счелъ долгомъ донести объ этомъ Министру. Графъ Панинъ пораженъ былъ не менѣе своего подчиненнаго невѣроятнымъ безобразіемъ этого порядка вещей и тотчасъ же возбудилъ вопросъ о его измѣненіи. Началась объ этомъ переписка, кажется даже, что послѣдовало какое-то распоряженіе, но старый обычай удержался и, сколько мнѣ извѣстно, держится доселѣ.

Я останавливаю вниманіе читателей на этомъ обстоятельствѣ и желалъ-бы, чтобъ они вникли въ чрезвычайную его важность въ особенности потому, что именно въ исторіи распространенія Православія очень многое имъ объясняется. Я разумѣю массу изумительныхъ, рѣзкихъ противорѣчій въ показаніяхъ крестьянъ. Когда начали вникать въ значеніе религіознаго движенія сороковыхъ годовъ, обозначились три мнѣнія. Нѣкоторые, весьма немногіе, признавали въ основѣ этого движенія потребность духовнаго свойства, совершенно искреннюю, не отрицая, что къ ней примѣшивались разнаго рода соціальныя побужденія; другіе утверждали, что перемѣна вѣры была не болѣе какъ случайною формою, въ которую облеклось исканіе болѣе сносной вещественной обстановки; третьи видѣли во всемъ этомъ не болѣе какъ послѣдствія соблазнительнаго подговора какихъ-то неуловимыхъ подстрекателей. При такомъ разнорѣчіи, естественно было обратиться къ самимъ крестьянамъ; но дѣло въ томъ, что на нихъ ссылались сторонники и представители всѣхъ трехъ приведенныхъ объясненій. Православный священникъ доносилъ: „такіе-то и такіе-то крестьяне, придя ко мнѣ, заявили о желаніи своемъ присоединиться къ Церкви; при этомъ, они „положительно объяснили, что не ожидаютъ отъ перемѣны вѣры никакой „вещественной льготы, ни земли, ни „облегченія въ повинностяхъ, но не „хотятъ имѣть дѣла съ своимъ пасторомъ и просятъ, чтобъ запретили „помѣщику препятствовать имъ въ „исполненіи ихъ желанія.“ На другой день, Орднунгсъ-Рихтеръ писалъ: „по „донесенію вотчиннаго управленія такого-то, что мѣстные крестьяне бунтуютъ, произведено было на мѣстѣ „изслѣдованіе, при чемъ крестьяне „(тѣ самые, которыхъ поименовывалъ „священникъ) заявили, что какой-то „неизвѣстный „русскій человѣкъ“ — „солдатъ или причетникъ, въ корчмѣ, „уговаривалъ ихъ не слушаться помѣщика, увѣрялъ ихъ, что всѣ принявшіе Православіе получатъ даромъ „землю и совѣтывалъ имъ скорѣе идти „къ священнику; что сбитые этими „рѣчами съ толку, они пошли къ священнику, что тамъ ихъ обнадежили „относительно надѣла, и что они записались въ число желающихъ перейти въ Православіе, о чемъ теперь „горько сожалѣютъ.“ — Генералъ-Губернаторъ, получая единовременно такого рода увѣдомленія, приходилъ въ недоумѣніе. Кто нибудь да лгалъ, это было очевидно; но кому же вѣрить? Онъ посылалъ на мѣсто, прямо отъ себя, надежнаго чиновника, на спросъ котораго тѣ же крестьяне объявляли „что они никогда и не думали бунтовать, никакихъ таинственныхъ подстрѣкателей не видали, но „что они точно крайне недовольны „своимъ пасторомъ, и, глядя на другихъ, пожелали быть одной вѣры съ „Царемъ и съ Русскими, а тамъ пусть будетъ что будетъ?“ — Еще разъ: кому же вѣрить? — „Какъ кому?“ — отвѣчаютъ Нѣмцы — „Орднунгсъ-„Рихтеръ предъявляетъ вамъ составленный имъ актъ — это юридическое „доказательство, а все остальное не „болѣе какъ болтовня!“ — Но въ томъ-то и сила, что этотъ актъ есть не болѣе какъ свидѣтельство Орднунгсъ-

Рихтера о томъ, что говорилось на допросѣ, а не закрѣпленное слово самаго опрошеннаго; слѣдовательно, нельзя называть его *подлиннымъ*, въ строгомъ и точномъ, а не въ лифляндскомъ значенiи этого слова.

Какъ ни призрачна была та свобода, личная и общественная, которую прiобрѣли крестьяне въ 1819 году, однако она послужила для дворянства предлогомъ къ испрошенiю у правительства радикальной отмѣны всѣхъ прежнихъ постановленiй, ограничивавшихъ помѣщика въ распоряженiи крестьянскою землею и въ требованiи барщины. Правительство не высмотрѣло ловушки. Вообразивъ себѣ, что сдѣлавшись изъ крѣпостныхъ людей полноправными гражданами, крестьяне уже не нуждались въ специальныхъ законахъ, которые бы обезпечивали за ними право пользованiя землею въ опредѣленномъ количествѣ и на условiяхъ признанныхъ безобидными, оно легкомысленно пожертвовало самымъ понятiемъ о крестьянской землѣ (въ смыслѣ надѣла, долженствующаго навсегда оставаться въ пользованiи крестьянъ) и упразднило обязательную силу незадолго передъ тѣмъ составленныхъ вакенбуховъ (своего рода подворныхъ уставныхъ грамотъ). Помѣщикамъ и крестьянамъ предоставлено было договариваться полюбовно о наймѣ вторыми у первыхъ земли и о размѣрѣ повинностей, не стѣсняясь въ этомъ отношенiи никакими предустановленными правилами (§§ I, VI, VII, XII, 20, 23, 40 и др.). Такой радикальный разрывъ съ историческимъ опытомъ вѣковъ, самъ по себѣ, потрясалъ хозяйственный бытъ всего крестьянскаго сословiя и, рано или поздно, долженъ былъ поставить его въ зависимость отъ землевладѣльцевъ во многихъ отношенiяхъ болѣе тягостную чѣмъ прежнiя крѣпостныя отношенiя; а при той лжесвободѣ, о которой было говорено выше, при тѣхъ, для крестьянъ въ высшей степени обидныхъ законодательныхъ мѣрахъ, которыми обусловленъ былъ переходъ отъ крѣпостнаго состоянiя къ свободѣ [1], наконецъ: при господствовавшей на мѣстахъ системѣ односторонняго примѣненiя этихъ мѣръ, клонившейся не къ смягченiю ихъ суровости, а къ исчерпыванiю до суха ихъ выгодности для помѣщиковъ, гибельныя послѣдствiя положенiя 1819 года должны были довольно скоро обнаружиться. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онѣ уже не составляли тайны для людей хорошо знавшихъ край, хотя еще и не обращали на себя вниманiя высшаго правительства.

Лучшiя крестьянскiя полевыя угодья были отобраны помѣщиками и прирѣзаны къ господскимъ полямъ; туда же постепенно отходили и заросли (Buschland) по мѣрѣ того какъ онѣ расчищались упорнымъ трудомъ крестьянъ. Многiе крестьянскiе дворы были вовсе упразднены; въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ упразднены были всѣ [2]; въ иныхъ мѣстностяхъ, вотчинныя управленiя дробили крупные дворы на мелкiя хозяйства съ цѣлью привязать къ мѣсту всегда сподручныя и дешевыя рабочiя силы; въ другихъ, слѣдовали противоположной системѣ, слагая изъ многихъ дворовъ средняго размѣра небольшое число крупныхъ, въ видахъ сосредоточенiя крестьянской земли въ рукахъ немногихъ, зажиточныхъ хозяевъ, какъ болѣе исправныхъ въ отбыванiи повинностей. Черезъ двадцать лѣтъ по освобожденiи крестьянъ и по введенiи Положенiя 1819 года, барщина все еще составляла единственный видъ повинностей; о денежномъ оброкѣ не было и помину, не только въ дворянскихъ,

---

(1) Подробное ихъ изложенiе отлагается до спецiальнаго изслѣдованiя о крестьянской реформѣ въ Прибалтiйскомъ краѣ.

(2) Заявлено Лифляндскимъ помѣщикомъ, въ послѣдствiи Ландратомъ, барономъ г. Фелькерзамомъ, въ Комитетѣ 1846 года.

но и въ казенныхъ имѣніяхъ, которыя всѣ находились въ арендномъ содержаніи; размѣръ повинностей рѣдко гдѣ стоялъ ниже прежней, вакенбухами установленной нормы, и во многихъ имѣніяхъ былъ *чрезвычайно возвышенъ* (3). Вообще и независимо отъ числа рабочихъ дней, повинности стали противъ прежняго не въ примѣръ обременительнѣе, во-первыхъ: по отношенію къ уменьшившемуся количеству и къ понизившемуся достоинству земли оставленной подъ крестьянскими дворами, во-вторыхъ: по усилившейся взыскательности въ наблюденіи за работами; отчасти также вслѣдствіе введенія новыхъ хозяйственныхъ пріемовъ и усовершенствованныхъ системъ полеводства.

Законъ допускалъ между помѣщиками и крестьянами какъ словесныя сдѣлки о наймѣ земли, такъ и письменные контракты на срокъ не свыше 50 лѣтъ (479, 480); но на практикѣ, они заключались на самые короткіе сроки (именно потому, что повинности быстро возвышались) обыкновенно на одинъ годъ, и почти всегда на словахъ. Словесная сдѣлка заносилась въ книгу приходскаго суда — по крайней мѣрѣ этого требовалъ законъ — приходскимъ нотаріусомъ, который былъ не болѣе какъ наемнымъ служителемъ мѣстныхъ дворянъ (§§ 480, 481). Условія сдачи, разумѣется, всегда диктовалъ помѣщикъ; но кромѣ условій договоренныхъ и положительно высказанныхъ, законъ признавалъ еще нѣкоторыя общія условія, которыя всегда подразумѣвались, если только отмѣна ихъ не была формально выговорена сторонами. Къ числу такихъ условій принадлежали слѣдующія: съемщикъ не можетъ, безъ особаго на то разрѣшенія владѣльца, выкарчевывать пни для расчистки новыхъ мѣстъ подъ посѣвъ; получивъ на то разрѣшеніе, не можетъ снимать къ ряду, съ нови, болѣе трехъ хлѣбовъ; не можетъ засѣвать за разъ болѣе $1/_{24}$ нови, ни удобрять ее иначе какъ древесною золою; не долженъ никому продавать ни своихъ дровъ, ни своей соломы, ни своего сѣна и т. д. (§ 482).

Въ какой степени, при системѣ такъ называемыхъ добровольныхъ соглашеній, заключенное съ крестьяниномъ условіе дѣйствительно ограничивало произволъ владѣльца, объ этомъ читатель легко составитъ себѣ

---

(3) Подлинное выраженіе генералъ-губернатора барона Палена въ рапортѣ Государю Императору при представленіи на Высочайшее утвержденіе такъ называемыхъ 22 пунктовъ (дополненія къ Положенію 1819 года). Передъ этимъ, тотъ же баронъ Паленъ, въ Сентябрѣ 1841 года, писалъ «что жалобы крестьянъ на обремененіе ихъ работами происходили отъ существовавшихъ законовъ о контрактныхъ отношеніяхъ между помѣщиками, какъ отдадчиками, и крестьянами, какъ съемщиками земель принадлежавшихъ первымъ; ибо помѣщикъ, при опредѣленіи условій найма, *ничѣмъ не ограниченъ*, крестьянинъ же, удерживаемый долгами и другими обязанностями, не всегда въ состояніи пользоваться принадлежащимъ ему правомъ оставлять мѣсто жительства и искать себѣ въ другихъ имѣніяхъ аренды на болѣе выгодныхъ условіяхъ». — Какъ бы изумился баронъ Паленъ, если бы кто нибудь предсказалъ ему, что изданіе того самаго Положенія 1819 года, которое онъ осуждалъ такъ радикально, будетъ праздноваться черезъ 50 лѣтъ, какъ счастливое для крестьянъ событіе! Не менѣе радикально судилъ объ этомъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Г. Сенявинъ по объѣздѣ Лифляндіи въ 1845 году. Вотъ его слова: «несмотря на номинальную свободу, крестьяне находятся въ полной зависимости отъ дворянства и, сравнительно, состояніе ихъ сдѣлалось гораздо хуже чѣмъ оно было въ 1804 году» (Чтенія, 1865. Кн. 4. стр. 189). Наконецъ, въ журналѣ государственнаго совѣта (Департ. закон. и эконом.) 20 Янв., 20 Февр. 2, 5, 9, 12. 28 Марта 1860 года № 17, по проэкту новаго Положенія о крестьянахъ Лифляндской губерніи, напечатано буквально о Положеніи 1819 года слѣдующее: «отъ этого новаго порядка, благосостояніе Лифляндскихъ крестьянъ примѣтно пришло въ упадокъ (стр. 1. строки 13 и 14)».—Съ тѣхъ поръ какъ это писалось, мы конечно далеко ушли, не знаю только впередъ ли?

понятіе вникнувъ въ слѣдующія статьи закона (4).

Если помѣщикъ потребуетъ удаленія арендатора (т. е. крестьянина-хозяина) со двора, или уничтоженія заключеннаго о сдачѣ двора условія, *за дурное веденіе хозяйства, небреженіе о строеніяхъ, запущеніе полей, неисполненіе договоренныхъ повинностей*, или *по другимъ закономъ признаваемымъ причинамъ*, и мірской судъ, по надлежащемъ изслѣдованіи дѣла, удостовѣрится въ основательности жалобы и опредѣлитъ удалить арендатора или уничтожить контрактъ; то, хотя арендатору и не воспрещается подать апелляцію на такое рѣшеніе, однако мірской судъ отбираетъ у него дворъ, въ видахъ предупрежденія дальнѣйшаго его разстройства, и въ тоже время налагаетъ запрещеніе на такую часть имущества арендатора, которая, впредь до рѣшенія высшей инстанціи, служила бы обеспеченіемъ исполненія по рѣшенію мірскаго суда (§ 130).

Если (въ такомъ же случаѣ) мірской судъ представитъ помѣщику возраженія на его требованія и послѣдній не уважитъ ихъ, то, вопреки этимъ возраженіямъ, требованіе помѣщика *приводится безпрекословно въ исполненіе*, на его страхъ и отвѣтственность; при этомъ однако мірскому суду предоставляется *право* (въ обязанность не вмѣняется) войти въ приходскій судъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ сдѣланнаго распоряженія (послѣ того какъ арендаторъ уже выгнанъ со двора) и о присужденіи съ помѣщика вознагражденія. Приходскій судъ старается покончить дѣло мировою, а въ случаѣ неуспѣха, принимаетъ мѣры для обеспеченія интересовъ стороны понесшей ущербъ, и обращаетъ дѣло на рѣшеніе въ уѣздный судъ (§§ 131, 170, 172).

Если арендаторъ приведетъ снятый имъ дворъ въ упадокъ, или если возникнетъ *поводъ опасаться*, что онъ *не исполнитъ* принятыхъ имъ на себя обязанностей, то владѣлецъ имѣетъ право, буде арендаторъ внесъ залогъ, требовать, чтобъ судъ нарядилъ слѣдствіе и чтобъ за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, постановлено было рѣшеніе о точномъ исполненіи условій и о вознагражденіи за происшедшую, по винѣ арендатора, порчу въ строеніяхъ или въ землѣ, или же: *о немедленномъ упраздненіи контракта*, буде окажется, что залогъ недостаточенъ для покрытія вознагражденія и для обеспеченія на будущее время точнаго исполненія арендаторомъ принятыхъ на себя обязанностей (§ 489).

Всякій искъ возникшій изъ аренднаго условія и не оспориваемый противною стороною, удовлетворяется исполнительнымъ порядкомъ (§ 486).

Тѣмъ же порядкомъ удовлетворяется всякое требованіе помѣщика, на его страхъ, буде оно предъявлено на арендатора не внесшаго залога, хотя бы арендаторъ и не признавалъ положительно безспорности требованія, хотя бы онъ даже не подалъ повода, простымъ оставленіемъ предъявленнаго требованія безъ опроверженія, предполагать, что онъ признаетъ его безспорнымъ. Но если въ послѣдствіи это требованіе окажется неосновательнымъ, то помѣщикъ обязанъ вознаградить арендатора за всѣ убытки и сверхъ того внести штрафъ въ волостную сумму (§ 487).

Если арендаторъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, отказывается отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей, то судъ можетъ его къ этому *принудить порядкомъ исполнительнымъ*, въ видахъ предупрежденія всякой остановки въ ходѣ полевыхъ

(4) Предупреждаю, что во всѣхъ цитатахъ, я ручаюсь за вѣрную передачу *смысла*, но не могу (хотя бы это было гораздо для меня легче) всегда буквально держаться Русскаго текста, который въ сущности есть только переводъ съ Нѣмецкаго, при томъ переводъ крайне безграмотный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до невѣроятной степени неточный.

работъ; при чемъ однако ему не возбраняется, съ своей стороны, *подать въ судъ* жалобу на помѣщика, буде и послѣдній также не выполняетъ условій (§ 488).

Итакъ, подъ предлогомъ *неисправностей* не только въ отбываніи повинностей, *но и въ хозяйствѣ самаго арендатора*, неисправностей, въ которыхъ личная вина его могла быть очень сомнительна, даже подъ предлогомъ *предположенія* неисправности въ будущемъ, требованіе помѣщика объ отобраніи двора и объ уничтоженіи условія, удовлетворялось исполнительнымъ порядкомъ, хотя бы справедливость требованія оспоривалась противною стороною и отвергалась нисшею судебною инстанціею, которой всѣ члены, по закону, утверждались, а на практикѣ—назначались помѣщикомъ. Что же касается до арендатора согнаннаго со двора и оставшагося безъ крова, то въ утѣшеніе, ему предоставлялось начать искъ противъ помѣщика судебнымъ порядкомъ, при чемъ онъ непремѣнно долженъ былъ лично имѣть хожденіе по своему дѣлу, по крайней мѣрѣ въ двухъ инстанціяхъ (приходскомъ и уѣздномъ судахъ) такъ какъ только уѣздный судъ могъ постановить рѣшеніе, и то подлежавшее дальнѣйшему обжалованію. Но и этого было мало для огражденія помѣщичьихъ интересовъ отъ дарованной крестьянамъ свободы. Опытные практики придумали такіе мудреные контракты, съ такими кляузными и многосложными обязанностями, что не было физической возможности выполнять ихъ въ точности. Это впрочемъ и не требовалось отъ арендаторовъ, пока они были *покорны*, но служило надежнымъ противъ нихъ орудіемъ, на случай еслибъ они вздумали зазнаться, или еслибы помѣщику понадобился, для своихъ разсчетовъ или прихотей, или для вымещенія своего личнаго неудовольствія, благовидный предлогъ.

Если такъ не трудно было, во всякое время, не выжидая истеченія контрактнаго срока, отобрать отъ арендатора снятый имъ дворъ, то понятно, что согнать батрака нанявшагося по условію на работу, было еще легче. Тутъ достаточно было заявить о непослушаніи, упорствѣ, подачѣ дурныхъ примѣровъ и т. п. (§ 468). Нельзя конечно оспоривать, что большой просторъ данный произволу помѣщика, въ этомъ случаѣ, оправдывался самымъ свойствомъ отношеній между хозяиномъ и наемнымъ работникомъ; но законъ шелъ гораздо далѣе строго-необходимаго. Помѣщикъ, отпуская батрака, выдавалъ ему письменную аттестацію, въ которой онъ имѣлъ право опорочить его и тѣмъ помѣшать ему пристроиться у другаго хозяина, а когда опороченный подавалъ на это жалобу, то судъ *отъ негоже* долженъ былъ требовать доказательствъ несправедливости аттестаціи (§ 473)—юридическихъ доказательствъ, что онъ не лѣнивъ, не сварливъ, не невоздерженъ и т. д.!

Вообще, дѣла въ Лифляндіи велись такимъ образомъ, чтобы каждый крестьянинъ считалъ себя во всякое время хозяиномъ своего двора или пристроеннымъ къ работѣ, не по праву и не въ силу обоюду обязательнаго договора, а благодаря личному великодушію и снисходительности помѣщика; оттого, хорошимъ управляющимъ или прикащикомъ слылъ тотъ, у котораго никогда ни одинъ крестьянинъ не разсчитывался съ вотчинною конторою на чистоту, то-есть не выходилъ никогда изъ долговъ, неисправностей и провинностей, только до поры и времени на немъ терпимыхъ.

Таково было въ сороковыхъ годахъ, основанное на личной свободѣ и на добровольныхъ договорахъ, обезпеченіе хозяйственнаго быта Лифляндскихъ крестьянъ.

Латыши исповѣдывали Протестантскую вѣру по чистѣйшему Аугсбург-

скому символу, но почему?—этого конечно они сами не знали. Какъ пришли они къ этой вѣрѣ?—этого они не помнили, да и нечего было помнить. Кажется, что и предки ихъ, свидѣтели окончательнаго торжества Протестантства надъ Латинствомъ на Балтiйскомъ поморьѣ, какъ будто не замѣтили, что ихъ перечислили изъ одной вѣры въ другую; по крайней мѣрѣ, въ извѣстiяхъ того времени, не осталось никакихъ слѣдовъ хотя бы малѣйшаго участiя Лифляндскаго простонародiя въ религiозномъ кризисѣ, совершившемся на его глазахъ и въ собственной его жизни. Видно только, что Латыши о старой своей вѣрѣ не жалѣли, но и не просили новой; за первую не стояли, да и второй не сочувствовали: та и другая была имъ навязана, безъ всякаго съ ихъ стороны внутренняго запроса; обѣ, въ равной степени, были для нихъ чужiя, а своей, народной вѣры у нихъ не стало съ той самой поры какъ погибло древнее ихъ язычество. Та вѣра точно была для нихъ своя, и оттого они бились за нее долго, съ такимъ упорствомъ, которое теперь, при взглядѣ на нынѣшнихъ Латышей, кажется невѣроятнымъ; она, въ былыя времена, дѣйствительно проникала насквозь всю жизнь народа, и оттого миѳическiя преданiя объ этой старой вѣрѣ доселѣ сливаются съ его скудными воспоминанiями о самомъ себѣ, въ какихъ-то давно прошедшихъ, лучшихъ вѣкахъ. Но къ несчастiю, торжество христiанства надъ язычествомъ въ Лифляндiи было такою же побѣдою матерьяльной силы какъ и торжество пришлой Нѣмецкой народности надъ туземною. Оттого, ни Латинство, ни Протестантство не унаслѣдовали отъ старой вѣры ея нравственной, дѣйственной силы, и не заняли ея мѣста въ душѣ народа. Это мѣсто осталось пустымъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, что у Латыша не было и нѣтъ ни своей Христiанской исторiи, ни своихъ Христiанскихъ героевъ, ни своей народной святыни. Какъ въ прежнее время Латинство, такъ въ позднѣйшее и въ настоящее Протестантство, было и остается для простаго народа вѣрою господъ, и въ этомъ понятiи о барской вѣрѣ исчезало и исчезаетъ для него всякое различiе между Латинствомъ и Протестантствомъ. Позднѣе, онъ встрѣтился еще съ одною вѣрою, и тогда возникъ въ умѣ его мудреный вопросъ: что лучше, вѣра *барская* или вѣра *Царская*?—но объ этомъ рѣчь впереди.

Кромѣ указанной причины, были и другiя, помѣшавшiя Протестантству, въ цѣлыхъ два съ половиною вѣка, проникнуть въ умы и сердца Латышей. Даже не исповѣдуя Протестантства, и не считая его прогрессомъ въ такъ называемомъ развитiи Христiанской идеи, а напротивъ осуждая его какъ рѣшительное уклоненiе отъ полноты и цѣльности церковнаго преданiя, нельзя однако не признавать громадной, исторической его силы какъ просвѣтительнаго начала; но мы не погрѣшимъ противъ самаго строгаго безпристрастiя, прибавивъ къ этому, что по самой природѣ Протестантства, сущность его недоступна людямъ безграмотнымъ, темнымъ, для которыхъ пора историческаго развитiя не наступила. Сознательное къ нему сочувствiе можетъ зародиться только на умственной почвѣ особеннымъ образомъ подготовленной и взрытой; оно предполагаетъ за собою много передуманнаго, перечувствованнаго и пережитаго, даже непремѣнно много отвергнутаго, а за Латышами ничего подобнаго не было; было только много отнятаго у нихъ силою: личная свобода, земля, начатки своеобразнаго общественнаго быта и т. д. Отсутствiе точекъ прямаго соприкосновенiя между первобытными понятiями Латышей и духомъ новой вѣры, въ которую они были зачислены, мог-

ло бы конечно, до нѣкоторой степени, восполниться нравственнымъ вліяніемъ проповѣдниковъ этой вѣры, если бы между пастырями и пасомыми установилась прочная связь, основанная на взаимномъ довѣріи и сочувствіи; но ничего даже похожаго на это въ Лифляндіи не было. Мы уже знаемъ каковы были отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ въ области экономической—по тому же самому типу сложились, въ области церкви, отношенія Лютеранскаго духовенства къ прихожанамъ Латышскаго происхожденія. Здѣсь какъ и тамъ, въ распредѣленіи мѣстнаго народонаселенія на приходы преобладало начало крупной собственности—небольшое число и огромное протяженіе единицъ, представлявшее непреодолимое препятствіе матеріальнаго свойства тѣсному сближенію прихожанъ съ ихъ духовнымъ начальствомъ. Отчасти по этому, отчасти по другимъ причинамъ, для ежедневныхъ между ними сношеній, образовался цѣлый классъ посредниковъ, такъ называемыхъ форминдеровъ (низшаго разряда церковныхъ служителей) совершенно соотвѣтствовавшихъ оффиціалистамъ вотчиннаго управленія: прикащикамъ, нарядчикамъ, смотрителямъ. Форминдеры употреблялись для передачи прихожанамъ приказаній духовнаго ихъ начальства и даже для исполненія требъ, особенно хлопотливыхъ и мало прибыльныхъ. Хозяйственное положеніе сельскаго духовенства разработано было до малѣйшихъ подробностей и, своею строго юридическою опредѣленностью, свидѣтельствовало о томъ, что именно эта сторона отношеній пастырей къ пасомымъ составляла главный предметъ заботъ духовенства. Существовала цѣлая система обязательныхъ сборовъ и повинностей на удовлетвореніе его нуждъ — своего рода церковные вакенбухи. Сюда входили (кромѣ доходовъ болѣе или менѣе случайныхъ, какъ-то: платы и приношеній разнаго рода за требы, за экзамены, за конфирмацію и т. д.) вопервыхъ: особеннаго рода общественные сборы или оброки хлѣбомъ, припасами или деньгами (Persellen и Kühlmite); эти оброки раскладывались на прихожанъ, и за исправность взносовъ отвѣчало общество, круговою порукою; во-вторыхъ, въ пользу пасторатовъ не владѣвшихъ приписными къ нимъ населенными вотчинами, мірскія общества отбывали вспомогательную барщину, поставкою опредѣленнаго числа работниковъ и, сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, высылали на работу бобылей; вмѣсто этой повинности, сельскіе промышленники, какъ-то: корчмари, мельники и дворовые люди, облагались въ пользу пасторовъ подушнымъ денежнымъ сборомъ; въ-третьихъ, многіе пастораты имѣли собственныя земли, на которыхъ водворены были крестьяне, нѣкогда крѣпостные, потомъ объявленные свободными; эти крестьяне арендовали дворы, отбывали поземельныя повинности и подлежали мѣрамъ взысканія на основаніи тѣхъ самыхъ правилъ, какими опредѣлялись отношенія помѣщиковъ-дворянъ къ водвореннымъ на ихъ земляхъ крестьянамъ; въ-четвертыхъ, при постройкѣ и ремонтѣ церковныхъ домовъ, мірскія общества обязаны были подвозить строевой матеріалъ отпускаемый помѣщикомъ и, сверхъ того, ставить отъ себя солому, половину денегъ потребныхъ на расходы по постройкамъ и давать рабочихъ безъ вознагражденія (§§ VII, 518, 519). Мы не скажемъ ничего новаго, а только повторимъ фактъ общеизвѣстный и общепризнанный, прибавивъ къ этому, что, за рѣдкими исключеніями, пасторы усвоили себѣ и воззрѣніе помѣщиковъ на крестьянъ. Въ своихъ прихожанахъ Латышскаго происхожденія, духовенство видѣло не болѣе какъ рабочую силу причисленную къ Протестантской церк-

ви, для обеспеченія матеріальныхъ ея нуждъ, и вѣрную оброчную статью, которая доставляла пасторамъ средства посвящать себя занятіямъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ духовное воспитаніе Латышей, напримѣръ: устройству своихъ дѣтей, ученымъ трудамъ, музыкѣ, садоводству и т. п. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, личныя отношенія пасторовъ къ прихожанамъ были даже хуже отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ. Неограниченное на дѣлѣ господство помѣщиковъ надъ простонародьемъ основано было на фактѣ племеннаго превосходства и на правѣ полной поземельной собственности. Господство духовенства надъ прихожанами Латышскаго племени также подбито было сознаніемъ безконечнаго превосходства германской крови надъ финскою; но къ этому сознанію примѣшивалось еще особенное чувство высокомѣрнаго пренебреженія человѣка образованнаго, хотя недостаточно, къ вовсе необразованному, чувство изсушающее душу и убивающее въ ней всякую любовь къ меньшей братьѣ. На самомъ дѣлѣ, средній уровень книжнаго образованія пасторовъ не превышалъ предѣла тѣхъ познаній и той начитанности, безъ которыхъ протестантское духовенство, по самому характеру своего служенія, не можетъ обойтись; но несмотря на его ограниченность, или точнѣе — вслѣдствіе его ограниченности, это скудное и самодовольное образованіе проводило между пастырями и пасомыми непроходимую черту. Наконецъ, въ довершеніе параллелизма, подобно тому какъ земская полиція строго наблюдала, чтобы крестьяне не переступали самовольно административныхъ границъ прихода и губерніи, такъ точно таже земская полиція смотрѣла и за тѣмъ, чтобы крестьяне не отступали въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ отъ догматовъ Аугсбургскаго исповѣданія, въ которомъ заключены были ихъ совѣсти. Ей, то есть полиціи, ввѣрено было и охраненіе Протестантскаго правовѣрія. Я знаю, что это покажется большинству читателей невѣроятною клеветою. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, заподозрить Лифляндію въ посягательствѣ на свободу совѣсти, когда ея сыны, въ заграничныхъ своихъ изданіяхъ, такъ громко распинаются именно за эту свободу и, во имя ея, взываютъ противъ насъ Русскихъ къ общественному мнѣнію Германіи? На этотъ вопросъ я отвѣчу простою справкою. Вмѣстѣ съ Положеніемъ 1819 года, вышелъ полицейскій уставъ для Лифляндскихъ крестьянъ, сочиненный, также какъ и это Положеніе, не въ Петербургѣ, а въ Ригѣ и содержащій въ себѣ слѣдующія двѣ статьи: „начинающій въ публичныхъ мѣстахъ споры о вѣрѣ подвергается строгому выговору, а буде оный не подѣйствуетъ, то и полицейскому наказанію (§ 541). Буде кто затѣетъ новую секту и, *по увѣщанію полиціи*, не оставитъ вреднаго своего намѣренія, то таковой берется подъ стражу и *отсылается въ Ордунгсъ-Герихтъ* (Земскій Судъ) *своего округа для принятія въ разсужденіи его дальнѣйшихъ мѣръ* (§ 543)“. Приведенныя статьи, которыхъ конечно никогда не цитуетъ ни г. фонъ-Боккъ, ни его многочисленные подражатели, замѣчательны какъ образчики Протестантской послѣдовательности въ примѣненіи свободы изслѣдованія и свободы совѣсти, то есть именно того начала, которому Протестантство обязано своимъ бытіемъ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ нимъ въ послѣдствіи, а теперь указываемъ на нихъ какъ на предупредительныя мѣры придуманныя и внесенныя въ законъ, какъ кажется, въ виду какихъ-то опасеній за будущность. Но что же именно могло въ то время тревожить Лифляндскихъ пасторовъ, такъ какъ нельзя же предполагать, чтобы прописанныя статьи были не ими сочинены

или, по крайней мѣрѣ, внушены? Ближайшимъ и самымъ естественнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ представляется Гернгутерство, занесенное въ Лифляндію еще въ прошломъ вѣкѣ ([5]) и уже успѣвшее, въ началѣ нынѣшняго, пустить въ ней довольно глубокія корни.

Предчувствуя скорое возникновеніе новаго, плебейскаго Протестантства въ средѣ своего Протестантскаго правовѣрія, благоразумное духовенство очень могло заблаговременно припасать противъ будущихъ реформаторовъ такое оружіе, которому оно болѣе довѣряло чѣмъ силѣ проповѣди и убѣжденія; но немудрено также, что при этомъ была въ виду возможность встрѣчи и съ другимъ противникомъ.

Въ запискахъ о распространеніи Православія въ Лифляндіи, частью изданныхъ, частью оставшихся въ рукописяхъ, не разъ упоминалось о томъ, что первыя сѣмена христіанства занесены были въ Прибалтійскій край изъ Россіи, именно изъ Полоцкаго княжества ([6]), что церковь наша имѣла представителей въ Русскомъ городѣ Юрьевѣ (Дерптѣ) и что можетъ быть отъ этихъ древнихъ временъ вели свое начало продолжавшіяся въ сороковыхъ годахъ сношенія Лифляндскихъ крестьянъ Протестантскаго вѣроисповѣданія съ Православными церквами и священниками въ нѣкоторыхъ пограничныхъ приходахъ ([7]).

Приведенные факты несомнѣнны, и нѣтъ причины не признать въ нихъ случайно уцѣлѣвшей нити, конечно очень слабой и тонкой, которая могла до нѣкоторой степени послужить указаніемъ для крестьянъ, когда началось въ нихъ религіозное броженіе; но нельзя придавать этому большаго значенія и, во всякомъ случаѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Протестантское духовенство, если и знало объ этихъ мелочахъ, то конечно нисколько ими не тревожилось, принимая ихъ за признаки грубаго суевѣрія Латышей. Но другія явленія, правда изолированныя и мало у насъ извѣстныя, могли возбудить въ немъ не безосновательныя опасенія. Такъ, напримѣръ, я слышалъ въ Петербургѣ, отъ одного протоіерея долго жившаго въ Лифляндіи, что около 1800 года, четыре погоста Верросскаго уѣзда: Верхоустье, Кулье, Тайлово и Велье (?) перешли изъ Лютеранства въ Православіе и что имъ поставили въ священники бывшаго ихъ пастора ([8]). Другой подобный случай оффиціально

([5]) Въ указѣ Императрицы Елисаветы Петровны 1743 г. Лифляндскому вице-губернатору и генералъ-губернатору кажется въ первый разъ упоминается у насъ о Гернгутерахъ. Они названы въ этомъ указѣ *Эрнъ-Гутерами*; правительство обращается къ нимъ съ угрозами между прочимъ за то, что въ ихъ собраніяхъ принимали участіе „*особливо крестьяне* и оные тѣмъ развращеннымъ ученіемъ *приведены въ непослушаніе помѣщикамъ* и извѣтомъ (подъ предлогомъ) молитвы, *должныя свои работы покидаютъ.*“—Русск. Архивъ, 1868 г. № 9-й. Изъ выписанныхъ словъ не трудно угадать, кто аттестовалъ Гернгутеровъ передъ правительствомъ.

([6]) Одинъ Лифляндскій лѣтописецъ заявляетъ, что Русскіе князья (въ отличіе отъ Нѣмецкихъ) не имѣли обыкновенія навязывать свою вѣру покореннымъ ими племенамъ: est consuetudo regum Ruthenorum quemcunque gentem expugnaverint *non* fidei Christianae subjicere (Изд. Губера 3-й выпускъ стр. 166).

([7]) Такъ, жители Венденскаго уѣзда имѣли обыкновеніе, по три раза въ годъ, отправляться въ Якобштатскую церковь для служенія молебновъ — это видно изъ церковныхъ книгъ. Равнымъ образомъ, Латыши и Эсты ежегодно хаживали молиться въ Печерскій монастырь, на границѣ Псковской губерніи и Лифляндіи. И въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи, крестьяне издавна хаживали къ православнымъ священникамъ за святою водою, заказывали имъ заздравные молебны и т. п. Замѣчательно также, что очень многія Латышскія слова относящіяся къ предметамъ вѣры и богослуженія, повидимому, заимствованы изъ Русскаго.

([8]) Это извѣстіе записано мною со словъ разсказывавшаго въ 1848 году, но я не имѣлъ возможности повѣрить его.

засвидѣтельствованъ. Я передамъ его буквально, по Протестантской версіи: „Виндавскій пасторъ Керберъ донесъ, что на принадлежащемъ къ его приходу при мызѣ Кастеръ островѣ Чудскаго озера называемомъ Піари-Сааръ, живутъ Эсты вмѣстѣ съ Русскими, каковое обстоятельство употребляютъ во зло Эстскіе малолѣтки обоего пола, кои, провинясь въ чемъ либо, или, по лѣтамъ и необразованности своей, не имѣя охоты пріобрѣтать нужныхъ познаній въ религіи, въ то самое время когда имъ, по Лютеранскому вѣроисповѣданію, надлежитъ приготовляться къ первому причащенію, укрываются на Русской части острова и тамъ принимаютъ *Греческое* вѣроисповѣданіе, чему и представилъ онъ четыре примѣра. Его Императорское Величество Государь Императоръ, указомъ 20 Декабря 1813 года, изволилъ объявить по всей справедливости Высочайшее неодобреніе свое на счетъ *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, и ежели могутъ быть *терпимы* сами по себѣ таковыя перемѣны исповѣданій, то онѣ, *по крайней мѣрѣ*, не должны быть дозволяемы малолѣтнымъ, не свѣдущимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, не познавшимъ еще ученія той церкви, въ которой они окрещены, умалчивая о томъ, чтобъ они были въ состояніи познавать чуждое имъ вѣроисповѣданіе; а всего менѣе можно позволить *наносить безчестіе господствующей вѣрѣ* чрезъ то, что ее почитаютъ убѣжищемъ для грубаго невѣжества и упорствованія *противъ закона* и *порядка*. И кромѣ вышеупомянутыхъ примѣровъ, доходили уже прежде до свѣдѣнія Лифляндской оберъ-консисторіи *другіе случаи*, что молодые люди, для избавленія себя отъ обязанности знать катихизисъ дабы быть допущенными по закону Лютеранскому къ причащенію, переходили къ Православной Греческой церкви, что̀ оскорбляетъ столько же очевидно достоинство сей послѣдней [9], сколько и *права Протестантской церкви въ Лифляндіи* [10]. Почему Лифляндская оберъ-консисторія просила объ учиненіи *запрещенія* православному духовенству, не только на островѣ Піарѣ-Сааръ, но *также всѣмъ и каждому въ Лифляндской губерніи не допускать несовершеннолѣтнихъ и незаконнорожденныхъ, а паче непокорныхъ церкви* [11] молодыхъ людей протестантскаго исповѣданія *къ принятію Православной вѣры.*" (Полн. собр. зак. т. XXXVI № 27630, указъ Св. Синода 8 Января 1819).

Все въ этомъ оригинальномъ документѣ заслуживаетъ вниманія. Съ одной стороны, въ немъ выразились очень ярко и осязательно понятія и притязанія Лифляндскаго духовенства, съ которыми мы въ послѣдствіи неоднократно будемъ встрѣчаться. Протестанты переходятъ въ Православіе— значитъ: другихъ побужденій кромѣ унизительныхъ и корыстныхъ тутъ и предполагать нельзя; все дѣло объясняется желаніемъ избѣгнуть заслуженнаго наказанія, лѣнью, уклоненіемъ отъ ученья, грубымъ невѣжествомъ, даже упорствомъ противъ закона. Но почему бы однако не предположить, что обычай Православной церкви, допускающей къ причастію и младенцевъ, могъ подѣйствовать на Эстовъ? Кажется, въ этомъ не было бы ничего невозможнаго. Но Лифляндская консисторія ни о чемъ подобномъ не хочетъ и слышать; она рѣшаетъ

---

(9) Какая трогательная и безкорыстная заботливость о нашей церкви со стороны Лютеранской консисторіи!

(10) Это не такъ трогательно, но за то гораздо ближе къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ: принять Протестантовъ въ Православную церковь — не тоже ли, что̀ пріютить бѣглыхъ крѣпостныхъ людей или посягнуть на чужую, оброчную статью?

(11) Значитъ: принимать въ Православную церковь можно бы было только *покорныхъ* Протестантской церкви, то есть такихъ, которыхъ бы само Протестантское духовное начальство благословило на переходъ въ Православіе?

дѣло съ плеча: нужно, во что-бы то ни стало, отстоять обязательность установленныхъ ею порядковъ, и потому, не справляясь на сей разъ съ свободою совѣсти, она просто требуетъ отъ начальства запрещенія принимать *непокорныхъ* Лютеранъ въ Православную церковь. О свободѣ и о правахъ христіянской совѣсти Лифляндская консисторія вспомнитъ позднѣе, лѣтъ черезъ сорокъ, когда понадобится оправдать отпаденіе Православныхъ въ Лютеранство. Тогда заговорятъ другимъ языкомъ и выставятъ иного рода аргументацію. Не менѣе отчетливо выразилось въ данномъ случаѣ и воззрѣніе высшаго правительства на обращеніе въ Православную вѣру вообще. Хотя именной указъ 20 Декабря 1813 года, на который ссылался Виндавскій пасторъ, не помѣщенъ въ Полномъ собраніи законовъ, однако нѣтъ повода сомнѣваться въ его подлинности, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, при разсмотрѣніи дѣла, не отвергъ ссылки. Да и самое содержаніе, даже тонъ указа—это рѣшительное неодобреніе *всякаго* обращенія изъ одной вѣры въ другую, характеризуетъ какъ нельзя лучше понятія того времени, впрочемъ едвали и теперь вполнѣ отброшенныя высшимъ правительствомъ и особенно высшимъ обществомъ. Конечно, можетъ показаться страннымъ, что такія понятія могли уживаться съ представленіемъ о самодержцѣ, какъ покровителѣ и заступникѣ, чуть ли не главѣ Православной церкви, и что такое валовое осужденіе *всякой* перемѣны вѣры, слѣдовательно и перемѣны по искреннему убѣжденію, то есть высшаго проявленія религіозной свободы, по видимому мирилось съ ученіемъ о свободѣ совѣсти, о которой у насъ въ то время такъ много толковали, рѣшительно не понимая ея сущности; но такія ли еще увидимъ мы странности! Наконецъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе и на самый ходъ дѣла по поводу обращенія Эстовъ. Лифляндская духовная консисторія отнеслась съ своимъ ходатайствомъ къ министру духовныхъ дѣлъ князю А. Н. Голицину, который препроводилъ его, не дѣлая отъ себя никакого распоряженія, къ синодальному оберъ-прокурору князю Мещерскому, который, въ свою очередь, передалъ его по принадлежности на обсужденіе въ Святѣйшій Синодъ. Туда, въ 1819 году, поступило это дѣло на окончательное разрѣшеніе. Въ сороковыхъ годахъ, дѣла совершенно однородныя, какъ мы увидимъ ниже, производились уже инымъ порядкомъ, въ Синодъ попадали рѣдко, а сосредоточивались и получали разрѣшеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и особенно въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Но въ 1819 году, корпусъ жандармовъ еще не существовалъ, а Синодъ пользовался правами, если не представительства независимой церкви, то, по крайней мѣрѣ, высшаго правительственнаго учрежденія, помимо и безъ участія котораго не рѣшались ввѣренныя ему дѣла духовнаго вѣдомства.

Разсмотрѣвъ представленіе Лифляндской консисторіи, Синодъ разумѣется рѣшилъ „что воспрещать соединеніе съ Православною церковью тѣмъ изъ иновѣрцевъ, которые ведутся къ тому истиннымъ расположеніемъ, а не другимъ, самою церковью отвергаемымъ видомъ, было бы противно Евангельскому духу“. Указъ, изъ котораго выписаны эти строки, помѣченъ 8 Января 1819 года; слѣдовательно хорошо былъ извѣстенъ въ Лифляндіи въ Декабрѣ того же года, когда собранное на Ландтагѣ дворянство разсматривало и окончательно редактировало проэктъ Положенія о крестьянахъ. Весьма можетъ быть, что послѣ неудавшейся попытки Лифляндской консисторіи добиться запре-

щенія присоединять непокорныхъ Латышей и Эстовъ, признано было не лишнимъ заблаговременно прибѣгнуть къ домашнимъ предупредительнымъ мѣрамъ. Понятно при этомъ, что въ статьѣ Положенія, которое повергалось на Высочайшее утвержденіе, не назвали Православной церкви по имени; а что въ Лифляндіи могли подразумѣвать ее подъ выраженіемъ *ереси*, это не должно смущать читателей. Статья, въ которой оно употреблено, была подсказана пасторами, редактирована дворянами Лютеранскаго вѣроисповѣданія и включена въ законъ, котораго примѣненіе имъ же поручалось; составители же закона, они же и исполнители его, сами себя хорошо понимали. Да и почему бы не подразумѣвать подъ *новою въ Лифляндіи ересью* господствующей въ Имперіи церкви, когда въ 1845 году, на оффиціальномъ языкѣ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, присоединеніе къ этой церкви называлось *совращеніемъ*?

Итакъ, отношенія Латышскаго простонародья къ духовенству, въ сороковыхъ годахъ, были по крайней мѣрѣ столь же натянуты какъ и отношенія его къ помѣщикамъ. Крестьяне дичились своихъ пасторовъ, боялись и не любили ихъ; къ Лютеранской церкви, они питали полнѣйшее равнодушіе, а пробуждавшаяся въ нихъ потребность живаго назиданія и живой вѣры пролагала себѣ новые пути, помимо оффиціально господствовавшаго Лютеранства, въ Гернгутерскомъ движеніи, какъ читатели могли уже узнать изъ Записокъ Православнаго Латыша.

Теперь, изобразивъ общественную и церковную обстановку Латышей, остается, въ короткихъ словахъ, напомнить тогдашнюю организацію дворянскаго и духовнаго сословій, съ которыми народъ находился въ ближайшемъ соприкосновеніи и долженъ былъ, въ скоромъ времени, придти въ столкновеніе; наконецъ—сказать два слова о тогдашнемъ личномъ составѣ мѣстнаго управленія въ Лифляндіи.

Дворянство стояло и теперь стоитъ во главѣ края, не только какъ первое и передовое сословіе, но какъ признанное, политическое представительство всего земства. На этомъ основаніи, оно могло дѣлать предметомъ совѣщаній своихъ сословныхъ собраній (Ландтаговъ) *всѣ дѣла касавшіяся блага края.* (Св. мѣст. узакон. губ. Остз. часть II ст. 83).

Дворянство дѣлилось на коренное, иначе *рыцарство*, то-есть записанное въ мѣстную матрикулу (дворянскую книгу) и не записанное. Только первое пользовалось полными правами по имуществу и въ составѣ общества, какъ то: правомъ пріобрѣтать дворянскія вотчины не подвергаясь перекупу, правомъ голоса въ собраніяхъ по всякаго рода дѣламъ и правомъ занимать по выбору всякія должности. Дворяне нематрикулированные, покупая дворянскую вотчину, рисковали, въ теченіи опредѣленнаго срока, быть вынужденными уступить ее любому члену кореннаго дворянства, который бы вздумалъ перекупить ее; они пользовались правомъ голоса въ собраніяхъ только по дѣламъ о дворянскихъ складчинахъ и допускались къ занятію лишь немногихъ, очень второстепенныхъ должностей по выбору (Св. мѣстн. узакон. II ст. 7, 32, 100, 364, 876).

Общественная организація Лифляндскаго рыцарства поражала изумительнымъ множествомъ сословныхъ учрежденій, обиліемъ должностей и многосложностью своего штата.

У него были троякаго рода собранія: Ландтаги (соотвѣтствующіе нашимъ Губернскимъ Собраніямъ) такъ называемые Конвенты и Уѣздныя Собранія, не считая множества другихъ частью приготовительныхъ, частью избирательныхъ съѣздовъ по разнымъ спеціальнымъ частямъ мѣстнаго упра-

вленія (таковы, напримѣръ, собранія по судебнымъ приходскимъ округамъ, почтовые конвенты и т. п. тамъ же ст. 50 и пр. 91 и др.) Дворянскій Конвентъ состоялъ изъ губернскаго предводителя, 12-ти уѣздныхъ депутатовъ и Ландратской Коллегіи въ полномъ ея составѣ; онъ приготовлялъ дѣла для Ландтага, замѣнялъ его въ дѣлахъ второстепенной важности, въ промежутокъ времени отъ одного собранія до другаго, и рѣшалъ вопросы возникавшіе по поводу разномыслія между губернскимъ предводителемъ и очереднымъ ландратомъ (ст. 133, 138). Прокуроръ не присутствовалъ на дворянскихъ собраніяхъ, и стороннія лица въ нихъ не допускались безъ разрѣшенія предводителя; на практикѣ, эти собранія были закрыты для публики, и о томъ что̀ въ нихъ происходило правительство ничего не знало (ст. 49, 64).

Дворянское представительство состояло: во первыхъ, изъ 12-ти пожизненно-избираемыхъ ландратовъ (составлявшихъ вмѣстѣ одну коллегію), изъ коихъ каждый, по очереди, завѣдывалъ въ продолженіи мѣсяца текущими дѣлами дворянства. Какъ представитель и оберегатель не только своего сословія, но и земства вообще, очередной ландратъ былъ, послѣ губернатора, вторымъ лицемъ въ губерніи; во вторыхъ, изъ губернскаго предводителя, имѣвшаго однородныя съ ландратомъ обязанности, дѣйствовавшаго по соглашенію съ нимъ, но игравшаго при немъ второстепенную роль; въ третьихъ, изъ 12-ти уѣздныхъ депутатовъ, по три на уѣздъ, за тѣмъ изъ депутатовъ и ревизоровъ дворянской кассы и т. д. (ст. 557, 559, 563, 566, 572, 573, 596, 604, 609, 610, 611, 619, 625, 628, 638). Ландраты и предводитель, хотя бы они, при выборѣ ихъ, и не имѣли чиновъ соотвѣтствующихъ разрядамъ въ коихъ полагались эти должности, пользовались за урядъ правами четвертаго класса, а уѣздные депутаты правами шестаго; слѣдовательно, дворянство, для своихъ сословныхъ надобностей, производило 13 дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и 12 коллежскихъ (ст. 540, 541, 542 и пр. къ 541).

Сверхъ всего этого, дворянство пользовалось самымъ широкимъ правомъ выбора въ судебныя и полицейскія должности. Чтобъ судить о важности этого права, нужно припомнить составъ мѣстныхъ учрежденій. Высшею судебною инстанціею въ Лифляндіи для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ былъ Гофгерихтъ; онъ состоялъ изъ президента, вице-президента, двухъ ландратовъ, двухъ совѣтниковъ и двухъ асессоровъ; кромѣ двухъ послѣднихъ (которыхъ опредѣлялъ Сенатъ) всѣ упомянутыя лица назначались по выбору отъ дворянства (св. мѣстн. узак. часть I ст. 294, 295, 298, 312, 314; часть II ст. 384, 565, п. I). Низшую судебную инстанцію, также по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ (кромѣ дѣлъ крестьянскихъ, для которыхъ учреждены были Мірскіе, Приходскіе и Уѣздные суды) составляли пять Ландгерихтовъ, каждый изъ предсѣдателя и двухъ асессоровъ; всѣ они, равно какъ и секретарь, избирались дворянствомъ (часть I ст. 356, 357, 359, 361, 370 и 372. Ч. II 386, 387). Полиціею завѣдывали Орднунгсъ-рихтеры (земскіе исправники) по два на уѣздъ и Орднунгсъ-герихты (земскіе суды). Въ Орднунгсъ-герихтѣ, кромѣ предсѣдателя, полагалось два адъюнкта. Всѣ эти лица, которымъ, между прочимъ, *поручалось и охраненіе неприкосновенности правъ Православной церкви* (часть I ст. 411, I п. 3), избирались, равно какъ и нотаріусъ состоявшій при каждомъ Орднунгсъ-герихтѣ, также дворянствомъ. Члены Орднунгсъ-герихта удалялись отъ должности по распоряженію главнаго начальника

края, но не иначе какъ по предварительномъ о томъ сообщеніи дворянскому представительству — Ландратской коллегіи (ч. I, ст. 397,—399, 401, 403, 431. Ч. II ст. 390.

По другимъ, спеціальнымъ отраслямъ управленія, дворянство избирало директоровъ почтовыхъ станцій, такъ какъ почта была въ его рукахъ, и попечителей или смотрителей разнаго рода училищъ и заведеній, болѣе или менѣе отъ него зависившихъ (ч. II ст. 32, 359 п. 5, 360). Наконецъ, очередной ландратъ приглашался, на правахъ члена, въ засѣданія Губернскаго Правленія и въ собраніе палатъ, когда въ нихъ разсматривались дѣла касавшіяся правъ, выгодъ и учрежденій дворянскаго общества; онъ же участвовалъ въ засѣданіяхъ Приказа Общественнаго Призрѣнія и въ ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ кассъ (ч. II ст. 567, 568).

Мѣстная Лютеранская церковь, по своей организаціи, была такъ тѣсно связана съ вышеизложеннымъ учрежденіемъ дворянства, что составляла въ Лифляндіи не болѣе какъ особое отдѣленіе или департаментъ его.

Сельскіе проповѣдники и пасторы иначе не опредѣлялись какъ по предъявленіи ими формально выраженнаго на то согласія прихожанъ, то есть—на практикѣ — мѣстныхъ помѣщиковъ (Полн. собр. зак. т. VII. № 5870, Уст. Евангелич. Лютер. церкви въ Рос. 1832, §§ 152, 159, 161, 164).

Сельское приходское духовенство подчинялось надзору 8-ми Пробстовъ (Благочинныхъ) которые избирались пасторами каждаго округа (Благочинія), а Пробсты подчинялись Генералъ-Суперъинтенденту (который избирался дворянствомъ, изъ лицъ духовнаго званія) и Лифляндской провинціальной Консисторіи. Генералъ-Суперъинтендентъ дѣйствовалъ какъ представитель Консисторіи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ подчиненнымъ ей духовенствомъ, а въ составѣ Консисторіи, занималъ мѣсто вице-предсѣдателя. Консисторія, составлявшая высшую Губернскую инстанцію по судебнымъ, административнымъ и духовнымъ дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви, состояла изъ свѣтскаго президента и духовнаго вице-президента, двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ асессоровъ. Президентъ и оба свѣтскіе асессоры избирались дворянствомъ, первый непремѣнно изъ числа 12-ти ландратовъ, а послѣдніе изъ сословія матрикулированныхъ дворянъ (тамъ же: §§ 264, 267, 268, 275, 276, 278, 290—294, Сводъ мѣстн. узакон. ч. II, ст. 565, п. 2. 380—383). Дворянство участвовало также въ выборахъ одного изъ свѣтскихъ членовъ Генеральной Консисторіи — высшей въ Имперіи судебно-административной инстанціи по дѣламъ Лютеранской церкви (тамъ же ст. 380). Сверхъ того, общими дѣлами по церковному управленію въ Лифляндіи занимались дворянскія Уѣздныя Собранія, дворянскій Конвентъ и дворянскій Ландтагъ (св. мѣстн. узак. II. ст. 78, 84, 167).

Хозяйство церковное находилось въ завѣдываніи приходскихъ попечительствъ, подчиненныхъ четыремъ главнымъ попечительствамъ. По приходамъ, попечители, отъ одного до двухъ, избирались прихожанами владѣвшими какою нибудь недвижимою собственностью, изъ своей среды; главныя попечительства состояли изъ неизбѣжнаго Ландрата, по назначенію отъ дворянства, свѣтскаго члена назначавшагося тѣмъ же порядкомъ изъ матрикулированнаго дворянства, и главнаго Пробста (§§ 477 и прим. 486, 492, Св. мѣст. уз. ч. II. ст. 359 п. 2. 383). Наконецъ, Лифляндское Лютеранское духовенство собиралось ежегодно на помѣстный соборъ или синодъ, подъ предсѣдательствомъ своего Суперъинтендента, для совокупнаго обсужденія предметовъ духовнаго свойства, то есть церковной доктри-

ны, церковной дисциплины и всякаго рода явленій въ области мѣстной религіозной жизни (§§ 438—444).

Пусть теперь читатель вникнетъ въ это тѣсное соотношеніе двухъ первенствующихъ сословій, дворянства и духовенства, такъ сказать взаимно проникавшихся, въ это множество всякаго рода органовъ, которыми они располагали для выраженія своихъ желаній, стремленій и своей воли, въ это вездѣприсутствіе ихъ представителей, во всѣхъ сферахъ мѣстнаго управленія — и онъ пойметъ какими удобствами и какимъ обиліемъ средствъ они были вооружены для скорой передачи всякаго рода свѣдѣній, для обмѣна мыслей, для соглашеній и стачекъ, для установленія единства въ дѣйствіи и, въ случаѣ нужды, въ противодѣйствіи. Вершину многосложной организаціи нами очерченной составляла все таки Коллегія Ландратовъ. Повторяю еще разъ: не говоря о другихъ должностяхъ первостепенной важности, замѣщеніе которыхъ производилось по выбору дворянства и изъ его среды, одни ландраты, по праву, занимали: въ высшей Губернской судебной инстанціи (Гофгерихтѣ) два мѣста (ч. I. ст. 295), въ высшей инстанціи по дѣламъ крестьянъ (особомъ отдѣленіи Гофгерихта) три мѣста (часть 1. ст. 302), въ высшей инстанціи по дѣламъ мѣстной Лютеранской церкви (Провинціальной Консисторіи) мѣсто предсѣдателя; въ четырехъ главныхъ церковныхъ попечительствахъ мѣста старшихъ попечителей (ч. II. ст. 381), въ Коммиссіи о имѣніяхъ дворянскаго общества мѣсто предсѣдателя (ч. II. ст. 376). Имъ же, то есть ландратамъ, въ почтовомъ управленіи, принадлежалъ главный надзоръ, а въ дѣлахъ Губернскаго Правленія и Приказа общественнаго Призрѣнія имъ предоставлено было постоянное участіе (ч. II. ст. 565, 567, 568). При этомъ, каждый изъ нихъ, независимо отъ спеціальнаго дѣла лично ему ввѣреннаго, вѣдалъ по очереди текущія дѣла дворянства, а всѣ вмѣстѣ, какъ Коллегія, составляли постоянное представительство дворянскаго сословія. Такимъ образомъ, нитями искусно протянутыми во всѣ стороны, судопроизводство гражданское, уголовное, духовное и мѣстное управленіе, по дѣламъ полицейскимъ, хозяйственнымъ и церковнымъ, окончательно стягивались въ рукахъ одного сословія. Тамъ, въ этой дворянской Коллегіи, было сѣдалище мѣстной власти — le siège du pouvoir. Но независимо отъ той силы, которою она орудовала на основаніи закона, Ландратская Коллегія, на основаніи издавна установившихся традицій, имѣла еще de facto огромное вліяніе на главнаго начальника края. Еслибъ мы назвали ландратовъ неизбѣжными его совѣтниками и помощниками, мы этимъ далеко бы еще не выразили дѣйствительныхъ отношеній представителей высшаго правительства къ представителямъ мѣстныхъ, Нѣмецко-Лютеранскихъ и по преимуществу дворянскихъ интересовъ. Это были, въ полномъ смыслѣ слова, руководители и опекуны приставленные къ генералъ-губернатору отъ дворянства, безъ одобренія, а тѣмъ паче противъ совѣта, внушенія или желанія которыхъ, онъ фактически не могъ ничего ни предпринять, ни остановить. Въ противномъ случаѣ, онъ возбудилъ бы противъ себя на мѣстахъ единодушную оппозицію, съ неизбѣжнымъ ея отголоскомъ въ Петербургѣ, и подвергся бы опасности лишиться мѣста, а можетъ быть и навсегда испортить свою политическую будущность. О противодѣйствіи этой мѣстной, прочно организованной силѣ, высшее правительство и не помышляло; по крайней мѣрѣ, оно не пользовалось для этого даже тѣми скудными средствами, которыя все еще были въ его рукахъ. Въ угоду ли всемогуще-

му сословію, представлявшему собою мѣстное общественное мнѣніе, по другимъ ли причинамъ, всѣ коронныя должности, въ которыя правительство назначало отъ себя и кого хотѣло, начиная съ генералъ-губернатора и кончая уѣздными стряпчими (фискалами) замѣщались, по обычаю, если не исключительно Лифляндскими, то Балтійскими дворянами, по крайней мѣрѣ мѣстными уроженцами, Нѣмцами по происхожденію и Лютеранами по вѣроисповѣданію, такъ что во всей Лифляндіи, въ 1841 году, не было ни одного Русскаго чиновника въ должности хотя бы второстепенной.

Прокуроромъ былъ баронъ Гейкингъ, Начальникомъ губерніи престарѣлый баронъ Фелькерзамъ, нѣкогда подписавшій, въ должности секретаря дворянства, актъ о подчиненіи Курляндіи Русской державѣ при Екатеринѣ II, мѣсто генералъ-губернатора занималъ благодушный и благородный баронъ Паленъ, о личныхъ свойствахъ котораго отзывались съ почтеніемъ и сочувствіемъ всѣ безъ исключенія имѣвшіе съ нимъ какія либо сношенія, даже тѣ, которые, по своимъ понятіямъ, не могли не порицать административныхъ его дѣйствій.

Мои убѣжденія и мнѣ не позволяютъ отнестись къ нимъ сочувственно, но само собою разумѣется, что, намѣреваясь воспользоваться правомъ критиковать правительственную систему генералъ-губернатора, я выгораживаю безусловно побужденія человѣка, котораго я не имѣлъ чести лично знать и котораго имѣю всѣ причины уважать. Чтобъ устранить отъ себя всякое въ этомъ отношеніи подозрѣніе, я позволю себѣ теперь же высказать съ полною откровенностью мое объ немъ мнѣніе, сложившееся изъ всего, что я могъ узнать на мѣстахъ, вскорѣ по удаленіи его изъ края.

Система управленія Барона Палена обусловливалась частью кровными его убѣжденіями, частью вліяніемъ окружавшей его среды, а непримиримости этихъ убѣжденій и вліяній съ историческими правами и съ государственными интересами Россіи на ея Балтійской окраинѣ, онъ не только не сознавалъ, но даже и не подозрѣвалъ. Верхомъ несправедливости было бы ставить ему это въ упрекъ, когда и высшее правительство, самымъ назначеніемъ его, обнаруживало отсутствіе того же сознанія.

Онъ былъ искренній Протестантъ, и потому естественно, что стремленіе Латышей въ Православіе не могло представляться ему ничѣмъ инымъ какъ припадкомъ какого-то дикаго помѣшательства, которымъ толпа увлекалась отъ лучшаго и совершеннѣйшаго къ сравнительно-грубѣйшему. Странно бы было и ожидать отъ него, чтобъ онъ взглянулъ сочувственно, или даже спокойно и безпристрастно, на отпаденіе темной и безграмотной черни отъ вѣроисповѣданія, которымъ онъ самъ удовлетворялся; а въ подобныхъ случаяхъ, непризнаніе разумности чужихъ побужденій непремѣнно наводитъ на предположеніе подговоровъ, подкуповъ и обольщеній со стороны. Такъ, во время оно, смотрѣли добросовѣстные Католики на Лютера и на его послѣдователей; по той же причинѣ, и баронъ Паленъ почти не могъ не повѣрить клеветамъ на Православное духовенство и не возненавидѣть его.

Онъ былъ рыцарь по происхожденію, по родовымъ преданіямъ, по понятіямъ и чувствамъ; понималъ служебный долгъ свой какъ отношеніе лица обязавшагося присягою къ лицу принявшему ее, и въ полномъ сознаніи своей политической безупречности, смотрѣлъ во всѣ глаза на своего Лифляндскаго герцога ([12]); но чест-

([12]) Какъ выражается г. фонъ-Боккъ.

ный взглядъ барона Палена не высматривалъ изъ-за него Россіи. Ему не приходило въ голову, чтобъ можно было ожидать отъ его родины чего-нибудь бо́льшаго кромѣ династической преданности, и чтобъ эта чужая для него Россія имѣла какое-нибудь разумное основаніе, даже какой-нибудь интересъ, хотѣть быть на Балтійской своей окраинѣ, не въ гостяхъ, а точно какъ бы дома и у себя. Дивиться ли послѣ этого, что всякое движеніе господствующей народности въ эту сторону возмущало его какъ посягательство на чужую собственность, котораго онъ иначе объяснить себѣ не могъ, какъ предположивъ въ Русскихъ низкое чувство зависти?

Онъ былъ Нѣмецъ, хорошо зналъ и понималъ своихъ земляковъ, видѣлъ ясно тѣ племенныя свойства, которыми они, къ выгодѣ своей, отличаются отъ Русскихъ, и на оборотъ не имѣлъ никакого чутья для тѣхъ, иного рода свойствъ, которыми Русскіе берутъ верхъ надъ Нѣмцами. Какъ-же бы не сталъ онъ подбирать къ себѣ Нѣмцевъ, и можно-ли было ожидать отъ него уразумѣнія той простой истины, что кромѣ отвлеченно-правительственныхъ интересовъ, у Русскаго правительства есть еще интересы Русскіе, для охраненія которыхъ нельзя обойтись безъ людей Русскихъ?

Онъ былъ помѣщикъ стараго закала, не помѣщикъ-хозяинъ, а помѣщикъ-аристократъ, унаслѣдовавшій отъ цѣлаго ряда суровыхъ своихъ предковъ привычку властвовать надъ народомъ; каково же было ему видѣть, что эти презрѣнные Латыши выбивались, не только изъ подъ крѣпостной зависимости отъ дворянства, но и изъ подъ духовной его опеки, стараясь помимо ихъ, тѣснѣе примкнуть къ Россіи? Когда Лифляндія вздрогнула при мысли, что если простонародіе потребуетъ просвѣщенія и получитъ его прямо отъ Россіи, а не отъ своихъ бароновъ, то передовое сословіе, пожалуй, скоро очутится одинокимъ у себя дома, безъ заднихъ, покорныхъ ему сословій, безъ почетной свиты; когда все это было растолковано барону Палену—могъ ли онъ не повторить за другими, что это бунтъ? Могла ли не закипѣть дворянская кровь во всѣхъ жилахъ благодушнаго старца, и если въ эту минуту его руководителямъ удалось исторгнуть у него рядъ приказовъ на ненужныя экзекуціи, рѣшится ли кто-нибудь заподозрить добросовѣстность его ослѣпленія, за которое поплатились такъ жестоко не менѣе добросовѣстно размечтавшіеся крестьяне? Въ ту пору жизни барона Палена, когда установлялись его политическія убѣжденія и воззрѣнія, вопросы вѣроисповѣдные, соціальные и національные, можно сказать, не существовали. Онъ не имѣлъ случая въ нихъ вдуматься и когда они неожиданно предстали ему въ непривлекательной формѣ какого-то загадочнаго броженія, онъ ихъ не опозналъ, не нашелъ для нихъ формулы, и въ торопяхъ ухватился за сподручные ему пріемы военной дисциплины.

Конечно, у него были передъ глазами и другія явленія болѣе понятныя: бѣдность крестьянъ, систематическое ихъ угнетеніе, несоразмѣрность повинностей съ ихъ средствами и всѣ виды хозяйственнаго произвола помѣщиковъ; но всего этого онъ долго не видѣлъ, и какъ будто даже боялся увидѣть; потомъ, когда обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ страшною дѣйствительностью, онъ смутился, и для него наступила минута тяжелаго колебанія. Признать, что народъ въ Лифляндіи бѣдствовалъ вещественно и нравственно—это значило осудить хваленое благоустройство края и вызвать со стороны правительства рѣшительныя мѣры, которыя могли бы поколебать сословное господство дворян-

ства; онъ это зналъ, а между тѣмъ, изъ Петербурга ему указывали на открытыя язвы, да и самъ онъ ощупывалъ ихъ во время своихъ объѣздовъ. Наконецъ таки честность взяла свое. Какъ ни противно было его природѣ всякое подобіе демократизма, какъ ни высоко стоялъ въ его понятіяхъ интересъ дворянства, и какъ ни дорожилъ онъ мнѣніемъ о себѣ своихъ земляковъ, у него достало правдивости признать передъ властью безвыходное положеніе крестьянъ и мужества потребовать безотлагательной для нихъ помощи. Собственно объ этой сторонѣ дѣла, правительство услышало отъ барона Палена болѣе горькой для дворянства правды, чѣмъ отъ многихъ его преемниковъ носившихъ русскія фамиліи, а въ положеніи барона Палена, при его обстановкѣ и при его связяхъ, это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, гражданскій подвигъ, за который онъ же скоро и поплатился. Какъ только онъ началъ въ своихъ донесеніяхъ писать всю правду и разоблачать темныя стороны крестьянскаго быта, онъ былъ немедленно отозванъ.

Единственнымъ во всей Лифляндіи представителемъ Россіи и ея интересовъ въ дѣлахъ Православной церкви, былъ въ 1841 году викарій архіепископа Псковскаго, преосвященный Иринархъ, назначенный въ Ригу не задолго до начала движенія крестьянъ въ Православіе. Передъ этимъ, онъ служилъ по духовноучебному вѣдомству, потомъ состоялъ священникомъ при одной изъ нашихъ заграничныхъ миссій въ Италіи и тамъ (по справедливому замѣчанію человѣка знавшаго его близко) усвоилъ себѣ то умѣнье обращаться съ людьми и въ трудныхъ обстоятельствахъ держать себя съ достоинствомъ, которое пріобрѣтается только въ средѣ образованнаго общества и котораго отсутствіе нерѣдко парализируетъ на практикѣ другія, даже высшія способности ума и воли. Цѣлью назначенія преосвященнаго Иринарха въ Ригу было, какъ извѣстно, противодѣйствіе тамошнему расколу Ѳедосѣевскаго толка, который, въ средѣ иновѣрческой и подъ покровительствомъ городскаго начальства, принималъ формы узаконеннаго гражданскаго разврата. Въ то время, вопросъ о расколѣ вообще почему-то особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство; о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія явныя и секретныя, сочинялись даже проэкты о повсемѣстномъ и поспѣшномъ ихъ искорененіи. Но, вопреки видамъ правительства, первому викарному Рижскому судьба предназначала испробовать свою энергію въ другой, для него болѣе опасной борьбѣ. Ему первому довелось испытать на себѣ, съ одной стороны, всю силу религіозной и племенной вражды противъ Россіи, таившейся въ Лифляндскомъ обществѣ, съ другой—всю немощь власти, при встрѣчѣ ея съ интригою умѣющею прикрывать свои цѣли искуснымъ подборомъ словъ изъ лексикона политическаго консерватизма. Своею безпримѣрною участью, онъ первый далъ намъ мѣру этой силы и этого безсилія; онъ же, выдержавъ одинъ, безъ всякой поддержки, неравную борьбу и не пошатнувшись, не уступивъ ничего, завѣщалъ своимъ преемникамъ доблестный примѣръ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не вызвавшій подражателей.

Въ Петербургѣ, въ самыхъ высшихъ сферахъ правительственныхъ и придворныхъ, стояла дружная фаланга заслуженныхъ сановниковъ Балтійскаго происхожденія: графъ Бенкендорфъ, Палены, Мейндорфы, Ганы, Веймарны и другіе, а за ними—необозримые ряды менѣе видныхъ, но не менѣе усердныхъ и полезныхъ оберегателей интересовъ Остзейскаго края. Эта группа, по единству одушевлявшихъ ее стремленій, по образцовой,

издавна установившейся въ ней дисциплинѣ, по обилію средствъ находившихся въ ея распоряженіи, по обширности ея связей и по огромному, изстари пріобрѣтенному ею вліянію на правительство и на общество, составляла болѣе чѣмъ политическую партію; правильнѣе было бы назвать ее самообразовавшимся въ центрѣ самаго правительства *особымъ Министерствомъ Остзейскихъ дѣлъ.*

Представителями и проводниками церковныхъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ Россіи въ Прибалтійскомъ краѣ, могли быть въ то время, по свойству занимаемыхъ ими должностей, графъ Строгоновъ, управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода графъ Протасовъ. О самомъ Синодѣ едва-ли нужно упоминать. Въ судьбахъ нашей церкви въ Лифляндіи, дѣятельность его почти незамѣтна; по крайней мѣрѣ она оставила по себѣ гораздо менѣе слѣдовъ, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ и особенно чѣмъ корпусъ жандармовъ. Синодъ былъ какъ будто въ сторонѣ; вопросы прямо до него касавшіеся, когда они требовали новыхъ законодательныхъ или административныхъ мѣръ, возбуждались, обсуживались и разрѣшались помимо его; съ нимъ даже рѣдко совѣтовались, предоставляя ему только примѣненіе правилъ безъ его содѣйствія изданныхъ, и онъ повидимому находилъ это естественнымъ, по крайней мѣрѣ не протестовалъ противъ страннаго безучастія, на которое онъ былъ осужденъ. Можетъ быть, онъ объ этомъ вздыхалъ, неслышно, про себя, да иногда случалось, что таинственная просфира, неизвѣстно кѣмъ занесенная съ задняго крыльца, неожиданно появлялась на столѣ какого-нибудь мірянина, по обязанностямъ службы, въ оффиціальномъ донесеніи своему начальству, замолвившаго слово за права и достоинство господствующей церкви.

Теперь сцена дѣйствія очерчена, главныя дѣйствующія лица названы— можно приступить къ самому изложенію дѣйствія (13).

(13) Я долженъ напередъ оговорить, что не могу принять на себя отвѣтственности за *полноту* изложенія. Въ этомъ отношеніи, мое положеніе гораздо невыгоднѣе положенія публицистовъ Прибалтійскаго края нападающихъ на наше правительство и на нашу церковь. У меня нѣтъ какъ у нихъ многочисленныхъ и усердныхъ сотрудниковъ, безпрестанно добывающихъ для нихъ обильные запасы свѣжихъ матеріаловъ. Архивы министерствъ, главныхъ управленій, Балтійскихъ канцелярій и присутственныхъ мѣстъ безусловно для меня закрыты. Само правительство, по дѣламъ Православія въ Лифляндіи, не обнародовало ни единой строки; вся переписка по этого рода дѣламъ производилась и кажется теперь производится конфиденціально, секретно и весьма секретно; даже законы для Балтійскаго края изданные иногда измѣнялись и отмѣнялись безгласно, потихоньку отъ Русской публики. Сообразивъ эти условія, читатели поймутъ неизбѣжность пробѣловъ, которые будутъ имъ поподаться, и которыхъ я не намѣренъ скрывать. Авось, когда нибудь, при лучшихъ обстоятельствахъ, они пополнятся другими. Я пользовался слѣдующими матеріалами: во первыхъ и главнѣйшимъ образомъ, разными записками о дѣлахъ Православія въ Лифляндіи, изданными въ трудахъ Московскаго Общества исторіи и древностей (1865. Книги 1, 2, 3, 4. 1866, кн. 1). Онѣ составлены большею частью должностными лицами (въ томъ числѣ бывшимъ товарищемъ министра В. Д. Сенявинымъ) по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ и личнымъ наблюденіямъ сдѣланнымъ на мѣстахъ; во вторыхъ, заграничными изданіями Балтійскихъ публицистовъ, въ особенности «Лифляндскими вкладами» Г. фонъ Бокка, а также журнальными статьями и корреспонденціями Русскихъ, Нѣмецкихъ, Балтійскихъ и заграничныхъ газетъ; въ третьихъ, разнаго рода рукописными матерьялами, оффиціальными и частными, собранными мною во время моего пребыванія въ Ригѣ въ 1846—1848 годахъ, и нѣкоторыми такого же рода матерьалами случайно дошедшими до меня оттуда же, изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ; наконецъ, разсказами и свидѣтельствами очевидцевъ и собственными моими записками веденными въ Ригѣ въ тѣхъ же годахъ. Къ сознанію въ недостаточности источниковъ, мнѣ остается прибавить, что всякій указанный мнѣ пробѣлъ я пополню, всякую невольную ошибку или невѣрность исправлю, отъ кого бы и откуда бы ни шло замѣчаніе, какъ бы оно ни было мнѣ враждебно по направленію и даже грубо по тону. Послѣднія слова я прибавлю собственно для того, чтобы пріохотить къ

*

Нѣсколько послѣдовательныхъ неурожаевъ довели крестьянъ въ 1841 году до крайней степени нищеты. Общественные магазины были пусты, Лифляндія голодала, въ буквальномъ, страшномъ значеніи этого слова. По старой привычкѣ, крестьяне обращались за помощью къ помѣщикамъ; но бѣдствіе, противъ котораго не было принято своевременныхъ мѣръ, успѣло достигнуть такихъ размѣровъ, при которыхъ частная благотворительность была безсильна, а прежнее свое право на обязательную помощь со стороны бывшихъ своихъ владѣльцевъ крестьяне утратили за 20 слишкомъ лѣтъ передъ тѣмъ. Они были свободны, слѣдовательно должны были сами пещись о себѣ, и такъ какъ народъ пріобрѣтаетъ познаніе своихъ правъ и обязанностей не изъ печатныхъ указовъ, а изъ опыта, то надлежало дать ему полную возможность возчувствовать на дѣлѣ свойство новыхъ его отношеній къ помѣщикамъ, отнюдь не подавая ему повода надѣяться, что прежніе, благопріятные для него порядки, можетъ быть, не совсѣмъ еще отмѣнены. Такъ разсуждали въ Лифляндіи благоразумные люди.

Одинъ Русскій чиновникъ, вскорѣ послѣ 1841 года командированный въ Лифляндію, пишетъ слѣдующее: „Мы не забудемъ разсказа одного молодаго медика, который возвратилъ къ жизни умиравшаго юношу. Родители, вмѣсто благодарности, осыпали врача горькими упреками, говоря, что лучше было сыну ихъ умереть сразу, чѣмъ остаться въ живыхъ, чтобы потомъ опять, медленно, умирать отъ голода (14).“

возраженіямъ Балтійскихъ моихъ противниковъ, которыхъ, судя по характеру ихъ полемическихъ статей противъ меня, соблюденіе литературнаго приличія могло бы затруднить.

(14) Чтенія 1865, кн. III, стр. 119.

Въ массѣ, однако, крестьянамъ всетаки не хотѣлось умирать. Они стали обращаться за помощью къ мѣстному начальству, причемъ ихъ просьбы нерѣдко принимали видъ жалобъ на помѣщиковъ за недоставленіе имъ средствъ къ пропитанію. Но понятно, что начальство ничѣмъ инымъ не могло отвѣтить имъ какъ отказомъ, и въ тонѣ нѣсколько суровомъ, потому что жалобы были дѣйствительно неосновательны, а всякое обнаруженіе состраданія могло бы породить неосуществимыя ожиданія. — „Такъ если ужъ нѣтъ житья у себя дома, нельзя ли куда-нибудь выселиться?“ — эта мысль возникла сама собою и не могла не возникнуть въ умѣ крестьянъ. Когда желудокъ пустъ, фантазія иногда не въ мѣру разыгрывается и, какъ будто въ утѣшеніе умирающимъ отъ истощенія, выводитъ передъ ихъ потухающими взорами картины заманчиваго довольства. Этого рода утѣшеніе испытывали и Латыши. Въ ихъ распаленномъ воображеніи стала рисоваться какая-то роскошная, теплая, будто бы ихъ ожидавшая *Эйская* земля. Почему именно Эйская? — не знаю.

Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ, какъ кажется мало вникавшій въ процессъ образованія народныхъ слуховъ, хотѣлъ непремѣнно доискаться происхожденія этой молвы ходившей по всей Лифляндіи и наложить руку на перваго отвѣтственнаго ея изобрѣтателя; но это ему не удалось и, послѣ долгихъ усилій, онъ выяснялъ только, что слухи когда-то и кѣмъ-то распущенные между Латышами, нашли себѣ какъ бы подкрѣпленіе въ фактѣ переселенія въ 1840 году нѣсколькихъ окрестившихся Евреевъ изъ Курляндіи въ Бессарабію. Какъ бы то ни было, слухи эти быстро разносились и очень можетъ быть (въ подобныхъ случаяхъ безъ этого никогда не обходится) что находились полуграмотные люди, которые, раз-

дѣляя заблужденіе толпы или промышляя ея довѣрчивостью, въ этомъ смыслѣ писали для нея просьбы, или даже обнадеживали ее лживыми справками. Во всякомъ случаѣ, не въ Ригѣ, а въ уѣздахъ, особенно въ Венденскомъ, Валкскомъ и Маріенбургскомъ, зародилась молва о переселеніи и оттуда толпы крестьянъ стали приходить въ Ригу съ просьбами поскорѣе вывести ихъ изъ Лифляндіи.

Они метались во всѣ стороны, вздыхали во всѣхъ переднихъ, избили всѣ пороги и перебывали рѣшительно у всѣхъ: у губернатора, у генералъ-губернатора, у жандармскаго штабъ-офицера и у разныхъ военныхъ начальниковъ.

Многіе изъ просителей все таки, по прежнему, жаловались на своихъ помѣщиковъ; другіе мололи всякій вздоръ, намекая на какія-то апокрифныя распоряженія правительства на ихъ счетъ; нѣкоторые не имѣли при себѣ узаконенныхъ видовъ на отлучку изъ дому—да и не мудрено. Не могли же вотчинныя конторы благопріятствовать этимъ раззорительнымъ отлучкамъ, особенно когда имъ были хорошо извѣстны мечтательныя надежды побуждавшія Латышей таскаться въ Ригу.—Со стороны крестьянъ, тутъ ужъ было прямое нарушеніе законнаго порядка объ испрошеніи видовъ, и за таковыя ихъ продерзости губернское начальство усердно принялось наказывать ихъ палками, брить имъ половину головы и выпроваживать ихъ домой. Это было заявлено оффиціально барономъ Паленомъ и производилось въ стѣнахъ губернскаго правленія ([15]). Наконецъ, въ іюнѣ 1841 года, одна изъ голодныхъ и запуганныхъ испытанными наказаніями крестьянскихъ артелей, таскаясь по улицамъ города Риги, случайно забрела на архіерейское подворье, къ преосвященному Иринарху. Онъ выслушалъ терпѣливо безсвязный бредъ крестьянъ, не скрылъ своего къ нимъ состраданія (вѣдь не обязанъ же онъ былъ скрывать его) но объяснилъ имъ, что предметъ ихъ просьбы до него нисколько не касался и что онъ поставленъ былъ не для перевода изъ одной губерніи въ другую, а для присоединенія къ той церкви, которой онъ служилъ, желавшихъ вступить въ нее. Въ заключеніе, онъ сказалъ имъ, *чтобъ они слушались помѣщиковъ* (это было засвидѣтельствовано барономъ Паленомъ) и отпустилъ ихъ, давъ имъ кусокъ хлѣба, нѣсколько грошей и по экземпляру Православнаго Катихизиса—не могъ же и онъ встрѣтить ихъ палками и бритвами! Таковъ былъ починъ такъ называемой въ Лифляндіи православной пропаганды: ласковое слово, сочувствіе къ чужой бѣдѣ, скудная милостыня и катихизисъ. А вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ баронъ Паленъ и его руководители все-таки были правы; точно: это была своего рода пропаганда и не безопасная; но виновата ли была Православная церковь и Россія, виноватъ ли былъ преосвященный Иринархъ, или любой Русскій человѣкъ, котораго судьба въ то время заносила въ Лифляндію, будь онъ солдатъ, торгашъ, или извощикъ, виноваты ли они были въ томъ, что, благодаря порядку вещей существовавшему въ этомъ краѣ, всякая встрѣча съ Русскими, всякій ихъ взглядъ брошенный на Латыша, потому только, что въ этомъ взглядѣ не было угрозы, всякое ихъ слово, потому только, что въ немъ не было брани, наводили народъ на сравненія для многихъ невыгодныя и возбуждали въ немъ фантастическія, положимъ даже, опасныя надежды? Англійскій консулъ въ прошломъ году, въ Архангельскѣ, тоже помогалъ голоднымъ, однако это не поколебало ихъ политической и религіозной вѣрности и не побудило ихъ

([15]) Отношенія Ген. Губ. къ Мин. Внут. Дѣлъ. 1841, 13 и 18-го іюля №№ 670 и 701.

проситься въ Англиканство; а преосвященный Иринархъ сдѣлался вдругъ злонамѣреннымъ подстрекателемъ, мутившимъ слабые умы крестьянъ!.... Впрочемъ и другое лицо, въ тоже время и почти за тоже самое, навлекло на себя неудовольствіе мѣстныхъ властей. Это былъ никто иной какъ жандармскій подполковникъ, въ добавокъ Нѣмецъ, по имени Киршъ. Когда къ нему пришли крестьяне, онъ тоже, какъ видно, имѣлъ неосторожность заговорить съ ними по человѣчески и записать ихъ имена, для того (какъ заявлялъ онъ послѣ въ свое оправданіе), чтобъ легче было отыскать ихъ когда дѣло дойдетъ до палокъ и бритья. Слѣдственная коммиссія, назначенная барономъ Паленомъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго депутата фонъ-Гагемейстера увѣряла, будто бы крестьяне бывшіе у *Русскаго губернатора, у котораго солдаты въ голубыхъ мундирахъ* (такъ они выражались, если вѣрить тому, что было записано слѣдователями), остались имъ довольны, утвердились въ прежнихъ своихъ мысляхъ и говорили, что онъ принялъ ихъ хорошо, даже обѣщалъ доложить объ нихъ Государю. За одно это, генералъ-губернаторъ жаловался своему другу графу Бенкендорфу на его подчиненнаго, вѣроятно еще новичка и не успѣвшаго усвоить себѣ Лифляндскихъ административныхъ пріемовъ. Изъ всего этого выходило, что вообще съ крестьянами вовсе не подобало говорить, такъ какъ это во всякомъ случаѣ было опасно, а слѣдовало ограничиться бритьемъ головъ и сѣченіемъ. Никто не хотѣлъ понять, что страшны были не слова и взгляды, а страшна была совокупность мѣстныхъ, издавна сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ дѣйствительно все выходило страшнымъ, и что старанія прекратить всякія сношенія крестьянъ съ лицами посторонними, къ которымъ они не питали наслѣдственнаго недовѣрія, не только не вели къ успокоенію массы, а напротивъ отнимали у нея послѣднюю возможность вразумиться. Такого рода мѣрами крестьянъ довели наконецъ до того, что всѣ тѣ, съ которыми они встрѣчались и имѣли дѣло, стали, въ ихъ понятіяхъ, распадаться на двѣ категоріи. Первая состояла изъ ихъ заклятыхъ враговъ; тутъ подразумѣвались тѣ, которые брили и сѣкли и тѣ, по наущенію и въ интересахъ которыхъ производились сѣченіе и бритье. Вторая категорія вмѣщала въ себѣ немногихъ ихъ доброжелателей и въ нее безъ разбора включались всѣ не прибѣгавшіе къ упомянутымъ средствамъ вразумленія. Въ эту категорію попалъ какъ преосвященный Иринархъ, такъ и жандармскій подполковникъ Киршъ. Затѣмъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ доброжелателямъ, безъ дальнихъ справокъ, непремѣнно приписывалось, не только полное сочувствіе всѣмъ фантастическимъ надеждамъ народа, но и рѣшительное намѣреніе содѣйствовать ихъ осуществленію.—„Съ такимъ-то говорить можно, значитъ онъ за насъ, а коли за насъ, то разумѣется хлопочетъ и о переселеніи нашемъ. Да чуть ли онъ даже и не обѣщалъ хлопотать объ этомъ, или только видно было по всему, что будетъ хлопотать?—Да нѣтъ! Точно обѣщалъ!“ — такъ разсуждалъ народъ, такъ ему дѣйствительно казалось, и этого общаго настроенія его никакъ не должно упускать изъ виду при оцѣнкѣ юридической достовѣрности показаній, которыя въ то время записывались полицейскими чиновниками со словъ, или яко бы со словъ крестьянъ.

Изъ „Записокъ Православнаго Латыша“, читатели уже знаютъ, что еще до наступленія голода, въ умахъ Латышей зашевелилась потребность такой вѣры, которую они могли бы дѣйствительно считать своею, и такихъ

пастырей, которые бы не представлялись имъ какъ бы особымъ видомъ ненавистной помѣщичьей породы. Теперь, когда народъ всѣми своими надеждами обратился къ Россіи, эта потребность нашла себѣ болѣе опредѣленную формулу—броситься въ объятія Православнаго духовенства и, въ тоже время, слилась съ другимъ желаніемъ—бѣжать изъ края куда нибудь подальше. Это произошло также естественно какъ сліяніе въ одинъ потокъ ручьевъ текущихъ по одной ложбинѣ, хотя бы изъ разныхъ источниковъ; произошло потому, что простой народъ, не обладающій привычкою внутренняго анализа, не способенъ удерживать собственныхъ своихъ побужденій въ строгой раздѣльности. Подобныя явленія вовсе не рѣдки. Еслибы, напримѣръ, заданъ былъ вопросъ: отчего у насъ поднялся народъ за бродягою Пугачевымъ? то конечно никто бы не взялся отвѣтить указаніемъ на *одно* побужденіе. Мы теперь, прислушиваясь къ отголоскамъ доходящимъ до насъ отъ той эпохи, различаемъ въ нихъ и негодованіе вызванное темными слухами о разныхъ передрягахъ у самаго престола, и месть озлобленнаго гоненіями раскола, и ненависть къ помѣщикамъ, и свѣжую память о раздольѣ степнаго быта, и еще другіе мотивы; но въ то время, всѣ они сливались въ одинъ нестройный и грозный вопль. Похожее, по многосложности и разнообразію побужденій шевелившихся въ народѣ, происходило и въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ.

Между тѣмъ, вѣсть о пріемѣ сдѣланномъ преосвященнымъ Иринархомъ приходившимъ къ нему крестьянамъ быстро разнеслась, и вскорѣ цѣлая толпа появилась у его дверей; но онъ естественно не могъ удовлетворить ея ожиданіямъ и постоянно повторялъ искавшимъ у него помощи, что исключительное его призваніе—служить церкви. Мало по малу, эти объясненія проникали въ умы крестьянъ. Они стали подавать ему прошенія о присоединеніи ихъ къ Православной церкви и въ нихъ же излагали жалобы на помѣщиковъ, домогательства объ уменьшеніи повинностей, ходатайства о переселеніи и т. п. Преосвященный пересылалъ эти просьбы къ Синодальному оберъ-прокурору. Потомъ, они стали просить только о присоединеніи. Конечно, это отнюдь еще не было доказательствомъ полнаго ихъ вразумленія и сознательнаго отреченія отъ надеждъ на мірскія выгоды; но это былъ первый къ тому шагъ—стремленіе постепенно выяснялось и очищалось. Не считая себя въ правѣ и не имѣя желанія запереться, притвориться ничего не слышащимъ и отвѣчать на всѣ и всякія просьбы голословнымъ отказомъ, преосвященный не могъ не дать имъ какого нибудь хода и чѣмъ нибудь не успокоить крестьянъ, толпами къ нему валившихъ и не расходившихся. Онъ поручилъ одному изъ состоявшихъ при немъ священниковъ записывать имена изъявлявшихъ желаніе перейти въ Православіе. Для характеристики тогдашняго движенія крестьянъ и ихъ понятій, кстати привести здѣсь случай записанный мною до поѣздки моей въ Ригу, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, со словъ очевидца, которому я имѣю полное основаніе вѣрить. Разъ, въ то время какъ священникъ, которому поручено было записываніе, занимался этимъ дѣломъ въ своей комнатѣ, къ нему вошелъ мальчикъ посланный проживавшимъ въ Ригѣ солдатомъ съ просьбою придти къ нему и дать молитву женѣ его, только что родившей. Священникъ призадумался было оставить немедленно начатое имъ дѣло, но потомъ однако пошелъ, сказавъ толпившимся у него Латышамъ, чтобъ они его обождали. По уходѣ его, между Латышами завязался слѣдующій разговоръ, разсказанный потомъ женою священ-

ника знавшею по Латышски: „если *адъютантъ* епископа (такъ они назвали священника) рѣшился идти самъ, то вѣрно звалъ его офицеръ.„— „Нѣтъ, за нимъ послалъ простой солдатъ“.—„Странно! Впрочемъ и у инаго солдата водятся деньги и онъ конечно щедро наградитъ священника за безпокойство“.—„А что?... какъ онъ вернется, спросимъ у него, что̀ онъ получилъ за свой трудъ?“—„Спросимъ“.—Какъ только вошелъ священникъ, Латыши обступили его съ вопросомъ. Онъ получилъ гривенникъ и, спѣша домой, сунулъ его въ перчатку. Доказательство было на лицо, а другихъ денегъ при священникѣ не оказалось. Это такъ поразило Латышей, что одинъ изъ нихъ, всплеснулъ руками, и обратившись къ висѣвшему въ углу образу, воскликнулъ: „вотъ каковы Русскіе пасторы! А нашего то попробуй заманить къ бѣдному человѣку! Кончено! Хочу непремѣнно къ Русскому пастору и въ Русскую вѣру“.—Скажутъ (также не безъ основанія) что и это была своего рода пропаганда; но что же было противъ нея дѣлать? А что ея дѣйствительно боялись, это понятно и на это имѣются доказательства. Къ тому же священнику, о которомъ говорено выше, заходили незнакомые ему люди и предлагали значительную по его состоянію сумму денегъ, лишь бы онъ прекратилъ записываніе; потомъ стали подбрасывать къ нему безъименныя письма, въ которыхъ угрожали ему отравою, и такъ напугали его, что нѣкоторое время онъ пекъ хлѣбъ у себя на дому.

О сношеніяхъ завязавшихся между Латышами и преосвященнымъ Иринархомъ, разумѣется, очень скоро узнали начальникъ губерніи, главный начальникъ края, Лютеранское духовенство и высшее Нѣмецкое общество. Поднялась тревога. На съѣздѣ пасторовъ въ Венденѣ, предложенъ былъ вопросъ: какія принять мѣры, чтобъ отклонить стремленіе крестьянъ къ Православной церкви? Но разсуждать объ этомъ было уже поздно и нужно было дѣйствовать совсѣмъ иными средствами. Въ это же время, мѣстная Коммиссія, учрежденная въ Венденѣ для изслѣдованія причинъ предъявленнаго крестьянами желанія переселяться въ другія губерніи, и состоявшая изъ депутата дворянства, орднунгсъ - рихтера и уѣзднаго фискала (разумѣется все мѣстныхъ дворянъ и Лютеранъ), свидѣтельствовала „что перемѣнить вѣру никто не изъявилъ желанія“.—(Еще бы! Имъ-то изъявлять!) Но она однако находила нужнымъ „положительно запретить Рижскому епископу принимать у себя крестьянъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые ничего не домогались *кромѣ одной перемѣны вѣры*“ (16). Слѣдователи, очевидно, начинали терять голову. Напуганный не менѣе ихъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, баронъ Паленъ послѣдовалъ ихъ совѣту и поспѣшилъ потребовать отъ епископа, чтобъ онъ вовсе не принималъ у себя крестьянъ, не записывалъ бы ихъ именъ, а отсылалъ бы ихъ къ губернскому начальству. На это преосвященный Иринархъ отвѣчалъ ему буквально: „что запереть двери для крестьянъ онъ не можетъ безъ особеннаго на то разрѣшенія своего начальства, ибо это значило бы отказаться произвольно и безъ видимой нужды отъ одной изъ главныхъ обязанностей возлагаемыхъ на него саномъ и мѣстомъ, а отсылать приходящихъ къ нему людей къ гражданскому начальству считаетъ излишнимъ, ибо они являются къ нему, побывавъ уже у гражданскаго начальства, что̀ доказываютъ ихъ бритыя головы, и что при томъ окружающая домъ его полиція и безъ того беретъ ихъ всѣхъ къ допросамъ въ

---

(16) Отнош. Ген.-губ. къ Мин. В. Д. 1841, Іюля 18 № 701.

Губернское правленіе" ([17]). Съ этого началась война, и планъ кампаніи Нѣмецко-Лютеранской партіи тотчасъ обозначился.

Крестьяне бѣдствовали и волновались — этого факта нельзя было отрицать, а онъ естественно могъ побудить высшее правительство всмотрѣться ближе въ ихъ положеніе и навести его на мысль о существенныхъ измѣненіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ. Крестьяне просились въ Православную церковь, съ затаенными, задними надеждами или безъ нихъ, но все-таки просились — это былъ другой фактъ, котораго также нельзя было скрыть и который естественно долженъ былъ поразить какъ признакъ по крайней мѣрѣ полнаго равнодушія крестьянъ къ Лютеранству, и слѣдовательно крайней неудовлетворительности нравственныхъ отношеній Лютеранскаго духовенства къ ввѣренной ему паствѣ. Обнаруженіе такого явленія было своего рода историческимъ откровеніемъ. При этомъ конечно трудно было надѣяться, чтобы правительство, безъ дальнихъ справокъ и оговорокъ, просто на просто запретило присоединять Латышей къ церкви пользующейся титуломъ господствующей; а между тѣмъ, всякое разрѣшеніе присоединенія, хотя бы условное, хотя-бы даже обставленное всевозможными затрудненіями, легко могло повлечь за собою отпаденіе всего простонародія отъ Лютеранства. Это грозило окончательнымъ раззореніемъ мѣстному духовенству и подкосило бы въ корнѣ Нѣмецкое владычество въ Лифляндіи, *разорвавъ послѣднюю нравственную связь дворянства съ народомъ*, какъ выражались депутаты дворянства въ 1846 году. Итакъ, въ интересахъ господствовавшей партіи, было крайне необходимо подвернуть правительству такое объясненіе движенія происходившаго въ Лифляндіи, которое удовлетворило бы его вполнѣ, замаскировало бы отъ него многосложныя побужденія шевелившіяся въ народѣ и, такимъ образомъ, отвлекло бы нашихъ государственныхъ мужей отъ мысли всмотрѣться въ дѣло ближе и добраться до самой его сущности. На такого именно рода надобности издавна припасены очень пригодныя *слова*. Онѣ хороши особенно тѣмъ, что ими выражаются понятія крайне тягучія, подъ которыя легко подвести самыя разнохарактерныя явленія, лишь бы онѣ имѣли наружный видъ нестройности и происходили въ нисшихъ слояхъ общества; другое достоинство этихъ словъ заключается въ томъ, что, будучи разъ произнесены и приняты для обозначенія того или другаго факта, онѣ избавляютъ отъ труда долго думать, а прямо наводятъ на извѣстный порядокъ всѣми затверженныхъ практическихъ мѣръ. Таково, напримѣръ, слово *бунтъ*. И вотъ, окрестили движеніе Лифляндскихъ крестьянъ въ Православіе этимъ драгоцѣннымъ словомъ.

„Злой духъ упорства распространился по всей странѣ, и дѣла дошли „до того, что миролюбно устроить „ихъ невозможно; съ тѣмъ вмѣстѣ, „глухое смятеніе уже обнаруживается угрозами явнаго возмущенія, „кровопролитія и опустошенія".—Эту въ своемъ родѣ мастерскую фразу сочинилъ и первый пустилъ въ ходъ предсѣдатель слѣдственной Коммиссіи фонъ Гагемейстеръ; послѣ этого, генералъ-губернаторъ, которому она кажется очень полюбилась, не разъ переписывалъ ее, цѣликомъ или по частямъ, въ своихъ конфиденціальныхъ сообщеніяхъ своему патрону и другу графу Бенкендорфу; черезъ послѣдняго, она разнеслась по всему Петербургу и тамъ возъимѣла огромный успѣхъ. А между тѣмъ, въ то самое время какъ Лифляндіи будтобы

([17]) 27 Іюля 1841, № 8931.

угрожали явное возмущеніе, кровопролитіе и опустошеніе, тамошніе дворяне, по прежнему, съѣзжались въ уѣздные города и въ Ригу на собранія по своимъ сословнымъ дѣламъ, преспокойно оставляя на произволъ судьбы въ деревняхъ свою собственность и свои семьи; но про это въ Петербургѣ не знали, или не хотѣли знать. Сказано было: *бунтъ*, и довольно! Но всякій бунтъ непремѣнно предполагаетъ зачинщиковъ, и въ настоящемъ случаѣ, роль эта естественно выпала Православному духовенству, въ особенности же преосвященному Иринарху, какъ главному лиходѣю. Затѣмъ, оставалось только постараться, чтобъ высшее правительство и самъ Государь Императоръ усвоили себѣ придуманное толкованіе Лифляндскаго движенія (это ужъ было дѣло Петербургскаго Министерства Остзейскихъ дѣлъ) и наконецъ, подготовивъ почву, подобрать на мѣстахъ какія нибудь подобія уликъ и доказательствъ. Съ этой минуты, все Православное духовенство въ Лифляндіи взято было подъ секретный надзоръ мѣстной полиціи, и вся дѣятельность тамошнихъ властей сосредочилась почти исключительно на подслушиваніи и на подшептываніи доносовъ противъ него направленныхъ. Для почина, всего удобнѣе было воспользоваться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ понятіяхъ крестьянъ, духовное дѣйствительно перемѣшивалось съ мірскимъ и что поэтому, какъ бы преосвященный Иринархъ ни отбивался отъ жалобъ и ходатайствъ по дѣламъ до него не касавшимся, онѣ все таки до него доходили. Въ доказательство обвиненій взводимыхъ на епископа, баронъ Паленъ сообщилъ графу Бенкендорфу слѣдующее обстоятельство, съ приложеніемъ подлиннаго документа. Уволенный изъ духовнаго званія Григорій Спасскій, жившій до 15 Іюля въ домѣ церковнослужителей Алексѣевской церкви, напротивъ дома занимаемаго епископомъ, объявилъ 30-го Іюля въ Губернскомъ Правленіи, что онъ 11-го и 12-го того же мѣсяца, по порученію младшаго священника Фасанова, составилъ для крестьянъ различныхъ помѣстьевъ двѣ просьбы на имя епископа, которыя были исправлены Фасановымъ. Затѣмъ, Спасскій переписалъ ихъ на гербовой бумагѣ, и просители подписали ихъ не только за себя, но и за другихъ. Просьбы сіи, *какъ онъ полагалъ*, были отосланы епископомъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Далѣе, *онъ полагалъ*, что знавшій Латышскій языкъ звонарь Алексѣевской церкви *водилъ* крестьянъ къ епископу (это тоже преступленіе?) и что, *по мнѣнію* его, Спасскаго, и нынѣ принимались крестьяне и составлялись для нихъ просьбы при Алексѣевской церкви; что самъ епископъ говорилъ съ крестьянами черезъ сторожа Григорьева и *когда нѣкоторые не хотѣли подписать просьбы о переселеніи съ обѣщаніемъ перемѣнить вѣру, то были къ тому уговорены*. За написаніе же просьбъ, по приказанію Фасанова или эконома епископскаго, онъ Спасскій получалъ деньги, а прежде него солдаты, которые это дѣлали. — Черновая, предъявленная Спасскимъ и сообщенная въ подлинникѣ графу Бенкендорфу, заключала въ себѣ прошеніе о переселеніи крестьянъ въ другія губерніи, или, по крайней мѣрѣ, объ ограниченіи власти помѣщиковъ, и обѣщаніе, въ благодарность за архипастырское попеченіе, принять Православную вѣру.

Какія представилъ по этому дѣлу объясненія преосвященный Иринархъ, мнѣ рѣшительно неизвѣстно и потому я не имѣю данныхъ, которыми бы могъ повѣрить въ частности вышеизложенныя показанія; но на основаніи всего мною видѣннаго, слышаннаго и прочтеннаго въ Лифляндіи, зная какъ производятся въ томъ краѣ чи-

новниками изъ мѣстныхъ дворянъ допросы и слѣдствія по дѣламъ затрогивающимъ ихъ сословные интересы, особенно какъ производились этого рода дѣла въ ту пору крайняго раздраженія и страха ([18]), я считаю себя въ правѣ не вѣрить на слово и заявить нѣкоторыя сомнѣнія. Думаю, что и читатели, сообразивъ все вышеизложенное и то что будетъ сообщено далѣе, согласятся, что крайняя осторожность въ обращеніи съ такъ называемыми подлинными актами Лифляндскаго происхожденія вполнѣ оправдывается. Прежде всего, рождается вопросъ: какой степени довѣрія заслуживала эта личность уволеннаго изъ духовнаго званія Григорія Спасскаго, по собственнымъ его словамъ участвовавшаго въ составленіи просьбъ съ вѣдома, если не по распоряженію епископа, и потомъ вдругъ, неожиданно, подавшаго въ Губернское Правленіе объявленіе противъ того же епископа и противъ своихъ товарищей, у которыхъ онъ жилъ? Что могло побудить его къ такому поступку? Если, въ тоже почти время, невидимая рука безуспѣшно подкупала состоявшаго при епископѣ священника и потомъ подбрасывала къ нему письма съ угрозами, то не позволительно ли остановиться на мысли, что такая же, только въ другую сторону обращенная попытка той же руки, могла удаться лучше? Далѣе, всякому бросается въ глаза, что въ приведенномъ показаніи, сбиты заявленія Спасскаго о самомъ себѣ съ его *мнѣніями и предположеніями* о другихъ. Въ сущности, его показанія помимо обстоятельствъ ничего не значущихъ (какъ напр. приводъ просителей) сводятся окончательно къ факту написанія для крестьянъ, по ихъ желанію, просьбъ со внесеніемъ въ нихъ ходатайствъ и обязательствъ, по ихъ понятіямъ тѣсно между собою связанныхъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣющихъ между собою ничего общаго и отчасти даже совершенно мечтательныхъ. О томъ какъ это дѣлалось, я узналъ на мѣстахъ слѣдующее, сведя, сличивъ и повѣривъ множество разсказовъ слышанныхъ мною отъ разныхъ лицъ. Не преосвященный Иринархъ зазывалъ къ себѣ крестьянъ, а они сами, безъ всякаго старанія и подговора со стороны его приближенныхъ, валили къ нему какъ къ единственному лицу не отталкивавшему ихъ отъ себя. Сперва онъ ограничивался выслушиваніемъ ихъ и словесными съ ними объясненіями черезъ переводчиковъ. При этомъ, онъ твердилъ имъ постоянно, что жалобы на отобраніе земель и на обременительность повинностей, равно какъ и просьбы о переселеніи, до него нисколько не касались и что, въ этомъ отношеніи, онъ ничего для нихъ сдѣлать не могъ; онъ даже увѣщевалъ ихъ слушаться помѣщиковъ и жить смирно. Потомъ, когда приходившіе къ нему крестьяне стали словесно же заявлять о желаніи своемъ принять Православіе, онъ всетаки никого изъ нихъ не присоединилъ къ церкви, а

([18]) Уменя лежитъ передъ глазами подлинное письмо одного очень почтеннаго адвоката, Лифляндскаго уроженца, Нѣмца и Лютеранина, но не изъ дворянъ, къ покойному А. Ѳ. Штакельбергу, писанное въ 1847 году, въ которомъ упомянутый адвокатъ пишетъ слѣдующее: wie in jeder Beziehung gegen die Uebergetretenen intriguirt wird, geht ins Unglaubliche. Männer, vor denen man in anderen Beziehungen alle Achtung haben muss, sind auf diesem Felde die ungerechtesten und gewissenslosesten. Es braucht nur gesagt zu werden: «der ist ein Uebergetretener»— und wenn der Mensch das klarste Recht hat, so hilft ihm dieses nichts; sein Todesurtheil ist schon ausgesprochen in dem *«ein Uebergetretener»*. (До какой степени, во всѣхъ отношеніяхъ, интригуютъ противъ перешедшихъ въ Православіе, доходитъ до невѣроятнаго. Люди, которымъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нельзя отказать въ полномъ уваженіи, на этой почвѣ, оказываются несправедливѣйшими и безсовѣстнѣйшими. Достаточно сказать: «этотъ изъ перешедшихъ»— и затѣмъ, хотя бы онъ былъ очевидно правъ, это ему нисколько не поможетъ; въ словѣ изъ *перешедшихъ* произнесенъ ему смертный приговоръ).

только приказалъ записывать имена просителей съ обозначеніемъ ихъ мѣста жительства, такъ какъ полиція тотчасъ же выпроваживала ихъ домой, въ деревни, а между тѣмъ нужно было сохранить какой-нибудь документальный слѣдъ изъявленныхъ желаній. Еще позднѣе, когда движеніе усилилось и приняло такіе размѣры, что должно было вызвать со стороны высшаго правительства какое-нибудь распоряженіе въ руководство эпархіальному начальству, онъ призналъ нужнымъ собрать, для представленія по принадлежности, точныя свѣдѣнія, по которымъ правительство могло-бы составить себѣ точное понятіе о характерѣ движенія и о настроеніи крестьянъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что мѣстное гражданское начальство, въ своихъ донесеніяхъ, преднамѣренно извращало сущность дѣла. Съ этою цѣлью, преосвященный Иринархъ приказалъ записывать со словъ крестьянъ *всѣ* ихъ заявленія, во всей точности, ничего не пропуская, и подавать имъ записанное къ подписанію. Для отобранія и записыванія просьбъ употреблялись, безъ разбора, первые попадавшіеся подъ руку люди, знавшіе Латышскій языкъ, такъ какъ такихъ людей было немного, а толпы просителей увеличивались съ каждымъ днемъ. Мало по малу, записываніе подъ диктовку крестьянъ, вслѣдствіе однообразія ихъ ходатайствъ, превратилось въ составленіе просьбъ отъ ихъ лица и по ихъ порученію. Узнавъ отъ одной крестьянской артели, побывавшей у епископа, что заявленіе ея записано и подписано, другая толпа спѣшила туда-же, обращалась къ указаннымъ ей лицамъ и просила написать и отъ ея имени такую же бумагу какая была написана наканунѣ со словъ опередившей ея партіи. Такова фактическая, достовѣрная сторона дѣла; но на ней одной, какъ бы строго ни судили дѣйствія преосвященнаго Иринарха, трудно было основать обвиненіе достаточное для удовлетворенія злобы на него накипѣвшей въ Нѣмецкой публикѣ. Поэтому, признано было за нужное выставить ребромъ то, чего въ самомъ фактѣ не заключалось, то есть: приписать епископу намѣренное внушеніе крестьянамъ надежды на осуществленіе ихъ несбыточныхъ домогательствъ, и употребленіе этой надежды какъ средства для склоненія ихъ къ перемѣнѣ вѣры. Въ этомъ, очевидно, заключалась вся суть прописаннаго доноса, вся цѣнность его въ глазахъ партіи для которой онъ былъ такъ нуженъ и которая пустила его въ ходъ, а можетъ быть даже и подсказала; но въ этомъ то именно и обнаруживается его неправдоподобіе. Если бы преосвященный Иринархъ, у котораго злѣйшіе его враги не оспоривали ни ума, ни практическаго такта, способенъ былъ обольщать крестьянъ вещественными выгодами, которыхъ онъ имъ дать не могъ, еслибъ онъ точно имѣлъ намѣреніе вскружить имъ головы и поскорѣе, во чтобы то ни стало, поворотить ихъ въ Православіе (чего онъ не считалъ себя въ правѣ сдѣлать безъ разрѣшенія свыше), сталъ ли бы онъ собирать и отсылать въ Петербургъ подписанныя самими просителями документальныя доказательства того, что высказываемыя крестьянами желанія присоединиться къ церкви сопряжены были съ надеждою на переселеніе, а иногда даже заявлялись подъ условіемъ переселенія? Смѣло можно сказать, что еслибъ онъ дѣйствовалъ въ приписываемыхъ ему видахъ, то онъ конечно сталъ бы подвертывать Латышамъ къ подписанію просьбы единственно и исключительно о присоединеніи ихъ къ церкви, а на словахъ и подъ рукою, сталъ бы сулить имъ въ награду мірскія выгоды. При легковѣріи Латышей, особенно въ то время, это было бы отнюдь не трудно.

Въ поясненіе этого предположенія, я укажу на сходный фактъ позднѣйшаго времени, изъ котораго читатели увидятъ какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ умные люди.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій, въ кругу новообращенныхъ Латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ Православія въ Лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія Православныхъ Латышей отъ исповѣди и причастія, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину Православной церкви, наконецъ стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣшеніи Православнымъ переходить въ Лютеранство, или, по крайней мѣрѣ, крестить въ Лютеранскую вѣру дѣтей рожденныхъ отъ браковъ Лютеранъ съ Православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство (не исключая генералъ-губернаторовъ) въ одинъ голосъ объясняли это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ увѣренію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ въ сущности никогда не вымиравшей привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали, будто бы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда тѣхъ же крестьянъ опрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ, за то только, что они исповѣдывали *Русскую* вѣру, сгоняли съ усадьбъ подъ самыми пустыми предлогами, а иногда безъ всякихъ предлоговъ; что ради той же причины, имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе чѣмъ на Лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ ними потому только, что они Православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось бы къ лучшему, еслибъ имъ удалось вернуться къ Лютеранству; что пасторы, съ каѳедръ, глумились надъ ихъ вѣрою и натравливали на нихъ ихъ односельцевъ Лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія, они много разъ жаловались, но ни у кого не находили ни защиты, ни сочувствія; что наконецъ мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они по неволѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, изъ невыносимаго положенія отверженцевъ. Въ доказательство правдивости этихъ заявленій, я приведу въ свое время свидѣтельства и факты, а на сей разъ достаточно сказать то, чего никто конечно не станетъ оспоривать, а именно, что жалобы писанныя на эти темы насчитывались сотнями въ канцеляріяхъ Рижскаго епископа и генералъ-губернатора. Въ виду двухъ столь рѣзко противоположныхъ объясненій одного и того же явленія, высшее правительство призадумалось и, наконецъ, прибѣгло къ обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ средству: послать флигель-адъютанта съ порученіемъ проѣхаться по Лифляндіи. Выборъ палъ на графа Бобринскаго. Онъ объѣхалъ два уѣзда и опросилъ Православныхъ крестьянъ, которыхъ вызывалъ *черезъ мѣстную полицію*, и которые иногда приходили къ нему цѣлыми толпами, вопреки его распоряженіямъ, такъ какъ онъ требовалъ всегда небольшаго числа уполномоченныхъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ 18 Апрѣля 1864 г., графъ Бобринскій писалъ о своихъ объясненіяхъ съ крестьянами между прочимъ слѣдующее: „меня поразилъ одинъ „фактъ, что изъ всѣхъ явившихся ко „мнѣ крестьянъ, *ни одинъ не подавалъ*

„*мнѣ просьбъ не касающихся вѣроисповѣданія*, за исключеніемъ 10 или 15 „человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ изъявленіемъ желанія остаться Православными, просили объ улучшеніи „ихъ матеріальнаго быта“—фактъ дѣйствительно курьезный! О множествѣ поданныхъ ими жалобъ на всякаго рода притѣсненія, обиды и оскорбленія, объ этомъ непрерывномъ своемъ плачѣ, которымъ они, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, оглушали Православное духовенство и генералъ-губернаторовъ, крестьяне вдругъ какъ будто позабыли; такъ-таки почти ни одинъ и не заикнулся объ этомъ! Изумиться было естественно; но жаль, что графъ Бобринскій ограничился выраженіемъ своего изумленія. Еслибъ онъ постарался разъяснить себѣ причину поразившаго его явленія, въ связи со всѣмъ предшествовавшимъ, то онъ безъ сомнѣнія уберегся бы отъ *оффиціальнаго обмана* ([19]), котораго сдѣлался невольною жертвою, и догадался бы, какъ догадается всякій сколько нибудь серьезно изучавшій Лифляндскіе порядки, что передъ нимъ разыгрывалась заранѣе подготовленная комедія и что ему подставляли людей напередъ обученныхъ и настроенныхъ. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что, какъ пишетъ графъ Бобринскій, бесѣды его съ крестьянами происходили всегда въ присутствіи Русскаго священника и *Орднунгсъ-Рихтера*, то есть мѣстнаго полицейскаго чиновника, избраннаго помѣщиками изъ своей среды. Чувствуя на себѣ внушительный взглядъ этого знакомаго имъ блюстителя порядка, который, по отъѣздѣ графа Бобринскаго, имѣлъ бы тысячи случаевъ съ ними разсчитаться, крестьяне конечно не забывали своей затверженной роли, а еслибы кто нибудь изъ нихъ невольно сбился съ нея, то тотъ же внушительный взглядъ скоро привелъ бы его въ память. До такого мастерства въ сценической постановкѣ, Русскіе вѣроятно никогда не дойдутъ; но я все таки повторю, что еслибы преосвященный Иринархъ дѣйствительно хотѣлъ водворить Православіе въ Лифляндіи обманомъ и лестью, то и онъ, по крайней мѣрѣ, постарался бы замаскировать побужденія Латышей высказывавшіяся въ ихъ просьбахъ съ такою наивностью; во всякомъ случаѣ, никто не повѣритъ, чтобъ онъ могъ надѣяться получить свыше разрѣшеніе на присоединеніе къ церкви такихъ людей, о которыхъ онъ самъ свидѣтельствовалъ, что большинство изъ нихъ просилось въ Православіе въ надеждѣ получить за это какія-то несуществующія земли. Здѣсь, улика противъ достовѣрности взведеннаго на него подозрѣнія заключается въ самомъ фактѣ, на который враги его ссылались какъ на доказательство.

Такого же рода обвиненія посыпались и на Православныхъ священниковъ. Приведу одно, какъ образчикъ, по которому читатели составятъ себѣ понятіе объ остальныхъ. Въ Августѣ 1841 года, баронъ Паленъ писалъ тому же своему доброжелателю и покровителю графу Бенкендорфу „что по „его генералъ-губернатора распоряженію, 4 числа вечеромъ, задержаны „были въ Ригѣ шедшіе изъ цитадели „въ сопрожденіи священника Суворова и какого-то Заволодскаго шесть „человѣкъ крестьянъ“.—За что и почему ихъ задержали?—этого баронъ Паленъ не объяснялъ; должно быть просто за то, что шли съ священникомъ, а не съ пасторомъ, съ Суворовымъ и Заволодскимъ, а не съ какимъ нибудь Гольдгаммеромъ или Шмидтомъ. Далѣе, въ бумагѣ значилось „что Заволодскій объявилъ, что „написалъ для крестьянъ прошеніе и

([19]) Подлинныя выраженія, которыми, въ томъ же рапортѣ, графъ Бобринскій характеризуетъ Православную церковь въ Лифляндіи. Этотъ рапортъ два раза изданъ въ Германіи въ Нѣмецкомъ переводѣ.

„велъ ихъ къ священнику; что изъ „шести задержанныхъ крестьянъ трое, „а также еще нѣкоторые задержан„ные на улицахъ, показали въ гу„бернскомъ правленіи, что священни„ки уговаривали ихъ принять Право„славіе, обѣщая за то переселеніе въ „другія губерніи, а трое показали, „что они обращались къ священни„камъ только по предмету принятія „Православія“. — Итакъ, безцеремонное хватаніе бродившихъ по городу Латышей, эти облавы на нихъ, производившіяся въ Ригѣ днемъ и ночью, повидимому бывали иногда довольно удачны. Въ отношеніи къ прописанному показанію крестьянъ въ частности, я опять таки не могу сказать ничего опредѣлительнаго, такъ какъ мнѣ неизвѣстно какое дали противъ него объясненіе священники, на которыхъ падало подозрѣніе; но я воспользуюсь случаемъ, чтобъ изложить разъ навсегда мой собственный взглядъ на всѣ подобнаго рода допросы и слѣдствія (которыхъ я видѣлъ довольно много) тѣмъ болѣе, что, для яснаго уразумѣнія Лифляндскихъ происшествій того времени, важно не столько убѣдиться въ достовѣрности или вымышленности того или другаго случая взятаго порознь, сколько уяснить себѣ въ какой мѣрѣ всѣ они вообще вѣроятны, часто ли они повторялись, и имѣли ли они характеръ исключеній или обычныхъ явленій?

Для этого, прежде всего, необходимо никогда не упускать изъ виду тогдашняго настроенія крестьянъ, о чемъ было уже говорено выше. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ возбужденныя чувства подъ часъ вводили ихъ въ добросовѣстный обманъ; они слышали не то что̀ имъ объявлялось и читалось, а то что̀ хотѣли слышать, то есть, подтвержденіе своихъ ожиданій. Оттого, повторяя чужія слова, они нерѣдко давали показанія совершенно невѣрныя, нисколько при этомъ не кривя душею. Тѣхъ изъ читателей, которымъ такое невольное затмѣніе способности выслушивать и понимать показалось бы невѣроятнымъ, я попросилъ бы припомнить безчисленные и всѣмъ извѣстные разсказы о томъ что̀ происходило въ Русскихъ деревняхъ, непосредственно послѣ прочтенія манифеста и во время оглашенія Положенія 19 февраля 1861 года.

Далѣе, представляя себѣ ходъ слѣдственнаго дѣлопроизводства въ Лифляндіи 1841 года, надобно разъ навсегда откинуть всѣ теперешнія наши представленія о юридическомъ характерѣ слѣдователя, объ отношеніи его къ общественной средѣ его окружающей, о настроеніи опрашиваемыхъ, о способѣ опрашиванія, и т. д. Мы предполагаемъ (когда нѣтъ причины въ этомъ сомнѣваться) въ слѣдователѣ — безпристрастіе и спокойствіе духа; въ опрашиваемомъ, когда онъ призывается въ качествѣ свидѣтеля — большее или меньшее сознаніе личной его безопасности; въ общественной средѣ — ясную совѣсть; въ судебной процедурѣ, какъ единственную ея цѣль — дознаніе правды, какова бы она ни была. Но ничего похожаго на это не было въ Лифляндіи 1841 года. Показанія отбирались не безстрастнымъ служителемъ закона, а цѣлымъ сословіемъ, раздраженнымъ и напуганнымъ, которому слѣдователь, этимъ сословіемъ избранный, служилъ всецѣло преданнымъ и послушнымъ агентомъ; допросъ производился келейно, въ кругу своихъ, чувствовавшихъ, думавшихъ и дрожавшихъ за одно; а общество, съ жадностью ловившее всякій слухъ, интересовалось не тѣмъ, что̀ правда и что̀ неправда, а тѣмъ: въ какой мѣрѣ записанное показаніе ускоритъ или отдалитъ грозу накоплявшуюся надъ головами преосвященнаго Иринарха и его подчиненныхъ. Подъ вліяніемъ той же заботы, задавались вопросы и записывались отвѣты, не съ цѣлью выяснить что̀ зналъ или что̀ думалъ

опрашиваемый, а въ надеждѣ вытянуть изъ него подтвержденіе заранѣе сложившагося взгляда. Словомъ: слѣдствіе и судъ были въ рукахъ не слѣдователей и судей, какими мы ихъ себѣ представляемъ, а обвинителей Православнаго духовенства. Теперь перенеситесь мысленно въ положеніе опрашиваемаго. Его хватаютъ на улицѣ и вталкиваютъ въ присутствіе. Ошеломленный, онъ оглядывается и видитъ передъ собою строгія физіономіи, которыхъ онъ издавна привыкъ бояться; палки, неизбѣжныя палки, бритвы, кандалы, конвой, угрозы слышанныя имъ дома, на пути, въ самомъ городѣ, все это мгновенно ему припоминается и кружится передъ его помутившимися взорами. Его спрашиваютъ: „ты вѣдь тоже изъ тѣхъ, что затѣяли бѣжать изъ края въ какую-то обѣтованную землю? Да смотри: не хитрить!“ — „Виноватъ! точно хотѣлось-бы куда нибудь подальше.“— „А отъ кого же слышалъ ты, что за перемѣну вѣры тебя переселятъ въ другую губернію?“ — „Ей Богу не умѣю сказать, многіе говорятъ, чуть ли не всѣ.“— „А! такъ ты запираешься? Смотри, какъ бы отъ этого не вышло для тебя хуже. Говори скорѣе: отъ кого слышалъ?“ — Латышъ молчитъ и переминается съ ноги на ногу. „Ну чтожъ ты молчишь? Еще разъ: кто подбивалъ тебя? Вѣдь не пасторъ же?“ — „Нѣтъ, не пасторъ.“ — „И не помѣщикъ, не Кирхшпильсъ-рихтеръ, не Орднунгсъ-рихтеръ?“ — „Нѣтъ, не они.“ — „Такъ ужь не Русскій ли попъ? Вѣдь ты отъ него уходилъ, когда попался?“ — „Точно отъ него.“— „Ага! Ну такъ чтоже? Значитъ онъ говорилъ? Такъ чтоли? Да ты не робѣй, постарайся припомнить и говори прямо.“ — „Да пожалуй что и онъ... онъ точно словно какъ будто обнадеживалъ.... то есть не то чтобы такъ таки...“ — „Ну ладно! будетъ: подписывай, а коли безграмотенъ, ставь крестъ.“— Латышъ, дрожащею рукою, ставитъ крестъ на бумагѣ писанной на языкѣ, котораго не понимаетъ, и на основаніи этой процедуры и множества другихъ подобныхъ, губернское правленіе доноситъ, что *всѣ* опрашиваемые крестьяне показываютъ будто епископъ и Православные священники подбиваютъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры, обѣщая имъ даровыя земли въ другой губерніи.

Но неужели однако, спроситъ вѣроятно читатель, во всемъ что писалось и разсказывалось въ то время объ интригахъ нашего духовенства, не было ничего кромѣ недобросовѣстныхъ натяжекъ, и можно ли, съ полною увѣренностью, считать всѣ тогдашнія его дѣйствія вполнѣ безукоризненными? Къ сожалѣнію — нѣтъ. Случалось, и притомъ не рѣдко, что Православные священники, частью по неосторожности, не подозрѣвая въ какомъ смыслѣ принимались ихъ слова, частью сознательно и намѣренно, пользовались мечтательными надеждами крестьянъ для склоненія ихъ къ обращенію. Таково мое убѣжденіе, основанное отнюдь не на оффиціальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ властей, къ которымъ нельзя имѣть вѣры, а на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ. Два побужденія могли сбивать, и дѣйствительно иногда сбивали, служителей нашей церкви съ пути строгой добросовѣстности. Первое хорошо намъ знакомо не по одной Лифляндіи: это своего рода служебная амбиція, изстари привившаяся къ кастѣ церковниковъ, это желаніе отличиться передъ своимъ начальствомъ, выставивъ на глаза обильные, хотя бы и скороспѣлые, искусственно выгнанные плоды своего такъ называемаго пастырскаго усердія. Тѣмъ же побужденіемъ объясняются у насъ поразительные иногда по своей быстротѣ успѣхи церковной проповѣди въ кругу раскольниковъ и не менѣе поразительная непрочность этихъ успѣховъ. Второе побужденіе исходило изъ

тогдашнихъ мѣстныхъ обстоятельствъ Лифляндіи; это невольное и почти безсознательное увлеченіе борьбою съ противною партіею. Одна крайность наталкивала на другую; одна преднамѣренная ложь вызывала ложь противоположную. Пасторы, Кирхшпильсъ-рихтеры, Орднунгсъ-рихтеры, депутаты дворянства и помѣщики стращали Латышей обнаруживавшихъ желаніе перемѣнить вѣру всякаго рода угрозами, и, въ этихъ случаяхъ, за словами немедленно слѣдовало исполненіе обѣщаннаго: палки, кандалы, бритье головъ, отобраніе усадьбъ. Вещественныя невыгоды присоединенія къ церкви были слишкомъ ощутительны и служили осязательнымъ подкрѣпленіемъ къ проповѣдямъ, въ которыхъ вѣра, считающаяся въ Имперіи господствующею, называлась *сатанинскимъ насажденіемъ*. Что было дѣлать противъ такой пропаганды и чѣмъ уравновѣсить борьбу? Средство было подъ рукою: за отсутствіемъ фактовъ въ настоящемъ,—надежды и мечты бродившія въ умахъ крестьянъ. Какой нибудь Латышъ, задумавшій перейти въ Православіе, приходилъ къ священнику потолковать. Онъ подробно высчитывалъ всѣ лишенія, оскорбленія и обиды, испытанныя имъ съ тѣхъ поръ какъ пасторъ и помѣщикъ догадались о его намѣреніи, и оканчивалъ свою длинную повѣсть вопросомъ: „Ну а вы чѣмъ вознаградите насъ, что вы для насъ сдѣлаете? Усадьбы отъ насъ отбираютъ, съ работы гонятъ, здѣсь житья для насъ не стало—это ясно. За все нами утраченное и выстраданное получимъ ли мы наконецъ хоть что нибудь, хоть клочекъ земли, если не здѣсь, то хоть въ другой губерніи?" — И Православный священникъ говорилъ въ утѣшеніе: „Не тужи и не теряй надежды: васъ не выдадутъ, потерпите только; станутъ за васъ хлопотать и авось выпросятъ!" — Не естественно ли, что подобныя слова могли срываться и дѣйствительно срывались съ языка? Я не оправдываю ихъ, какое бы побужденіе ихъ ни внушало, я только повѣствую и объясняю.

Приведенное выше цѣликомъ показаніе Спасскаго о писаніи просьбъ у архіерея, баронъ Паленъ поспѣшилъ сообщить въ одно время управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графу Строгонову и графу Бенкендорфу. Первый, то есть графъ Строгоновъ, кажется оцѣнилъ это показаніе по достоинству и не вынесъ изъ чтенія его того впечатлѣнія, какого ожидали и желали въ Ригѣ; онъ однако счелъ за нужное представить Государю Императору всѣ доставленныя барономъ Паленомъ данныя и присовокупилъ отъ себя, что слѣдовало бы поставить Рижскаго епископа въ извѣстность, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ такихъ просьбъ, въ которыхъ содержится что либо другое кромѣ желанія обратиться въ Православіе, отсылая прочія къ губернскому начальству. — „Справедливо"—написалъ на докладѣ Государь Императоръ ([20]). Но для графа Бенкендорфа, этого было мало, и онъ отъ себя обратился къ Синодальному оберъ-прокурору съ требованіемъ, чтобъ онъ обязалъ епископа не вмѣшиваться въ *это чисто гражданское дѣло* ([21]). Никто однако не находилъ неумѣстнымъ вмѣшательства депутатовъ дворянства, орднунгсъ и другихъ всякаго рода рихтеровъ въ чисто духовное дѣло обращенія крестьянъ въ Православіе, когда они, кромѣ присоединенія, ни о чемъ болѣе не ходатайствовали.

Испрошенное графомъ Строгоновымъ Высочайшее повелѣніе, безъ малѣйшаго сомнѣнія, основано было на строгой справедливости и на сообра-

---

([20]) Докладъ 25 Іюля 1841.
([21]) 24 Іюля 1841. № 4256 отношеніе къ мин. внутр. дѣлъ.

женіяхъ по себѣ совершенно уважительныхъ; но въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Лифляндіи, оно получало значеніе, котораго конечно не подозрѣвали ни управлявшій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, ни самъ покойный Императоръ. Это было первое слово произнесенное верховною властью по поводу тамошнихъ происшествій, и слово это содержало въ себѣ осужденіе дѣйствій епископа, хотя въ формѣ по возможности смягченной. Въ крайне сложномъ движеніи крестьянъ, высшее правительство какъ будто ничего болѣе не высматривало, ничего не находило заслуживающимъ вниманія, кромѣ составленія просьбъ на архіерейскомъ подворьѣ. Голодъ, угнетеніе крестьянъ, сыпавшіеся на нихъ удары за сношенія ихъ съ Православнымъ духовенствомъ, клеветы и доносы сыпавшіеся на духовенство за выслушиваніе крестьянъ, все это осталось въ сторонѣ, какъ бы не замѣченнымъ, и это въ то время, когда дружныя усилія мѣстныхъ властей и мѣстнаго общества направлены были къ тому, чтобъ объяснить народное движеніе интригами нашего духовенства. Правительство даже не озаботилось оговорить ясно, что оно вовсе не думало мѣшать Латышамъ переходить въ Православіе, конечно не полагая надобности въ такомъ объявленіи, и не зная, что въ Лифляндіи усердно старались объ утвержденіи въ народѣ противнаго убѣжденія. На дѣлѣ, Высочайшее повелѣніе испрошенное графомъ Строгоновымъ произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какого ожидали въ Петербургѣ. Резолюція положенная Государемъ Императоромъ, очевидно, касалась одного преосвященнаго Иринарха и весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ графъ Строгоновъ (если не графъ Бенкендорфъ) отнюдь не намѣревался оглашать ее во всеобщее свѣдѣніе и дѣлать ее предметомъ пересудовъ Нѣмецкой публики. Но въ Ригѣ ожидали съ жадностью именно чего нибудь подобнаго, то есть какого нибудь повода распустить молву о томъ, что и высшее правительство и самъ Государь Императоръ осуждаютъ епископа и вовсе не желаютъ, чтобы крестьяне обращались въ Православіе. Выраженіе Высочайшей воли (какъ это всегда бываетъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ подобныхъ случаяхъ) огласилось немедленно и проникло сверху, изъ генералъ-губернаторской канцеляріи, черезъ ландратовъ, депутатовъ и всякихъ рихтеровъ, обростая на пути своемъ всякаго рода прибавленіями, до мірскихъ судовъ и вотчинныхъ управленій, и тамъ окончательно преобразилось въ Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи крестьянамъ переходить въ Православіе. Разумѣется, этого не заявляли офиціально и письменно, но на словахъ объ этомъ твердили крестьянамъ безъ устали, при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно же передъ сѣченіемъ и послѣ сѣченія. А тѣмъ временемъ, въ Петербургѣ добродушно спрашивали: отчего безтолковые Латыши никакъ не хотятъ понять простаго правила, что никому не воспрещается переходить свободно въ господствующую вѣру, но никого и не подбиваютъ къ этому?

Итакъ высшее правительство, само того не подозрѣвая, выразило какъ бы признаніе, что такъ называемый бунтъ крестьянъ происходилъ, если не исключительно, то главнѣйшимъ образомъ отъ предосудительныхъ, или, покрайней мѣрѣ, неосторожныхъ дѣйствій Православнаго духовенства. Этого только и желали мѣстныя власти. Такое убѣжденіе высшаго правительства, во первыхъ, снимало съ нихъ и сваливало на Русскую церковную пропаганду отвѣтственность за несомнѣнное неудовольствіе крестіянъ; во вторыхъ, какъ бы узаконяло принятыя прежде мѣры строгости и, кос-

венным̆ъ образомъ, поощряло къ продолженію дѣйствій въ этомъ же духѣ. А всетаки желанія барона Палена не были вполнѣ удовлетворены. Еще до полученія въ Ригѣ приведенной Высочайшей резолюціи, онъ сообщилъ въ Петербургъ новую, блистательную мысль свою: заставить преосвященнаго Иринарха *публично*, какъ выражался генералъ-губернаторъ въ своей бумагѣ, при членѣ губернскаго правленія, разувѣрить крестьянъ въ ихъ заблужденіи „*такъ какъ сіи послѣдніе потеряли всякое довѣріе къ мѣстному начальству, считая его за одно съ помѣщиками* (22).

Это замѣчательное, невольно сорвавшееся съ языка сознаніе въ томъ, что мѣстная власть, въ глазахъ народа, перестала быть органомъ верховной власти, выражено было оффиціально. Кажется было бы надъ чѣмъ серьезно призадуматься; но къ удивленію, это многозначительное самоосужденіе не обратило на себя вниманія высшаго правительства. Въ Петербургѣ ограничились тѣмъ, что на сей разъ не удовлетворили требованія барона Палена, признавъ публичную исповѣдь придуманную имъ для преосвященнаго Иринарха ненужною и неудобною. Нечего было дѣлать! Пришлось взяться за тѣ средства, которыми располагали мѣстныя власти, и постараться внушить народу, въ замѣнъ довѣрія навсегда утраченнаго, по крайней мѣрѣ страхъ.

Тотъ самый баронъ Паленъ, который такъ наивно заявлялъ, что крестьяне ни въ чемъ не вѣрятъ мѣстному начальству именно потому, что считаютъ его дѣйствующимъ за одно съ дворянствомъ, не придумалъ ничего лучшаго какъ поручить все земледѣльческое сословіе губерніи особенному, ближайшему надзору двухъ уѣздныхъ предводителей (депутатовъ) дворянства. Для наблюденія за Латышами назначенъ былъ г. фонъ Гагемейстеръ (сочинитель приведенной выше классической фразы о готовившихся будто бы опустошеніяхъ и кровопролитіи), а для наблюденія за Эстами г. фонъ Вульфъ. Въ чемъ именно состояла эта странная, экстралегальная должность напоминавшая коммиссаровъ, которыхъ, въ разгарѣ Французской революціи, употреблялъ національный конвентъ для терроризаціи провинцій, довольно трудно опредѣлить; но не подлежитъ сомнѣнію, что избранныя лица пользовались весьма широкими уполномочіями. Вслѣдъ за тѣмъ, баронъ Паленъ предложилъ Губернскому Правленію покончить слѣдующимъ образомъ съ захваченными и арестованными крестьянами: выбрить имъ всю голову (прежде брили только половину) заковать ихъ въ кандалы, препроводить подъ конвоемъ на мѣста жительства, и тамъ, въ присутствіи созванныхъ сельскихъ обществъ, наказать ихъ розгами (23). Вотчинныя правленія, разумѣется, также не дремали; ревность ихъ въ содѣйствіи видамъ главнаго мѣстнаго начальства дошла до того, что на мызныхъ дворахъ, стали пороть за простое обнаруженіе намѣренія идти въ Ригу для заявленія желанія перейти въ Православіе. Такъ какъ это могло бы показаться невѣроятнымъ, по несообразности такого рода пріемовъ съ строгою легальностью и благодушною терпимостью, которыми, какъ насъ увѣряютъ, отличается Прибалтійскій край отъ остальной Россіи, то пусть сомнѣвающіеся прочтутъ печатное свидѣтельство чисто Нѣмецкаго и Лютеранскаго происхожденія. Въ газетѣ издающейся въ Ригѣ, подъ цензурою, для простаго народа, на Латышскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Путевой товарищъ (Zella beedrias)“ въ № 10-мъ, Мая 10,

(22) 28 Іюля 1841 года № 738.

(23) Отнош. къ Мин. В. Д. 5-го Авг. 1841 г. № 768.

1863 года помѣщена статья озаглавленная: „Два форминдера.“ Авторъ ея, очевидно пасторъ, прославляетъ въ ней передъ своими духовными чадами, какъ примѣръ достойный подражанія, усердное служеніе двухъ своихъ церковнослужителей, и объ одномъ изъ нихъ, Яковѣ Нейлантѣ, говоритъ (въ буквальномъ переводѣ) слѣдующее: „Онъ, орудуя своею властью, не скупился *на тридцать* (подразумѣвается розогъ) ибо памятовалъ слово Соломона: бичь коню, остенъ ослу, и жезлъ спинѣ безумнаго. Его крѣпкая рука часто творила чудеса, за что и теперь волость должна поминать его съ признательностью. Въ то время была година смятенія, нами еще не забытаго, когда сатана дерзнулъ разбрасывать свои семена въ Божьей церкви (сатанинскія семена значатъ, разумѣется, ученіе Православной церкви); тогда нашлись и въ нашей волости люди кричавшіе: если ужъ весь свѣтъ идетъ (переходитъ въ Православіе) чего же намъ-то ждать? особенно когда услыхали, что по деревнямъ развозятъ казенную муку. Тогда, они, какъ бѣшенные, кидались на обольщеніе; но старый отецъ Нейлантъ запрещалъ имъ, и слово его оказывалось болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ слово иного проповѣдника въ то время раздавшееся съ каѳедры. Въ самую горячую пору этого бѣснованія, онъ услышалъ, что одинъ изъ хозяевъ здѣшней волости *готовился*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ числа батраковъ, записаться (т. е. подать заявленіе о желаніи перейти въ Православіе); но мой старикъ не дремалъ. Онъ живо приказалъ привести бѣглеца на господскій дворъ и отсчиталъ ему на спинѣ 30 ударовъ, такъ какъ тотъ не взялъ свидѣтельства отъ вотчиннаго правленія, какъ было въ то время приказано.“ — Что форминдеръ, обязанный только помогать пастору въ исполненіи требъ, самовольно произвелъ себя въ агенты мѣстной полиціи, что наказанію за не взятіе свидѣтельства на отлучку подвергнутъ былъ человѣкъ находившійся въ вотчинѣ, и только по подозрѣнію въ намѣреніи отлучиться; наконецъ, что настоящимъ, всѣмъ извѣстнымъ поводомъ къ наказанію было предполагаемое желаніе перейти въ Православіе — все это конечно дѣло обычное и пустое. О какихъ нибудь лишнихъ тридцати палкахъ или розгахъ, при огромномъ числѣ ударовъ сыпавшихся со всѣхъ сторонъ на крестіянскія спины, не стоило бы и говорить; но въ другихъ отношеніяхъ, приведенный разсказъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Во первыхъ, это собственное признаніе, отъ котораго отпереться нельзя; во вторыхъ, признаніе съ похвальбою, въ третьихъ, сдѣланное двадцать два года спустя послѣ описаннаго происшествія, когда обращенія давно уже прекратились, когда Православіе было въ упадкѣ, когда, казалось бы, можно было успѣть одуматься, поостыть и отнестись къ давно прошедшему нѣсколько по спокойнѣе; наконецъ, эта циническая похвальба одного изъ членовъ Лютеранскаго духовенства не вызвала ничего похожаго на отрѣченіе или неодобреніе со стороны его товарищей, членовъ того же духовенства, которое, въ самое время обнародованія этой статьи, имѣло дерзость увѣрять правительство будтобы оно протестуетъ противъ примѣненія къ Лифляндіи общихъ законовъ Имперіи, только во имя чтимой имъ свободы совѣсти и непринужденности въ дѣлѣ вѣры. А люди власть имущіе выслушивали эти протесты опустивъ головы, переглядывались между собою въ смущеніи и говорили въ полголоса: „au fond, ils sont dans le vrai, et notre position vis-à-vis d'eux n'est plus tenable“ ([24]).

([24]) Вообще, еслибы кто нибудь, хорошо знающій по Латышски и Эстски, взялъ на себя трудъ пересмотрѣть газеты издаваемыя на этихъ

Толки о бунтѣ и строгія мѣры противъ бунтовщиковъ начались когда еще не было никакого подобія бунта. Дѣлали все то, что̀ могло, даже по видимому должно бы было непремѣнно раздразнить народъ (и ужъ какъ бы въ тѣ поры пригодился бунтъ!) а народъ все таки не бунтовалъ. Безропотно перенося всѣ истязанія, онъ только валилъ по прежнему въ Ригу и все съ просьбами о присоединеніи къ Православію. Чтобъ положить этому конецъ, баронъ Паленъ призналъ нужнымъ принять стратегическія мѣры; онъ оцѣпилъ губернскій городъ, разставилъ по дорогамъ полицейскихъ чиновниковъ съ нижними чинами внутренней стражи и велѣлъ имъ шедшихъ или ѣхавшихъ въ городъ крестьянъ останавливать и возвращать назадъ, а упрямыхъ наказывать на мѣстѣ. Въ тоже время, онъ, еще разъ и рѣшительнѣе прежняго, потребовалъ отъ преосвященнаго Иринарха, чтобъ онъ не принималъ отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ, и, ни самъ ни черезъ священниковъ, не записывалъ бы именъ просителей. Условное запрещеніе исшедшее изъ Петербурга, какъ видно, превратилось на мѣстахъ въ безусловное, и у епископа стали отнимать, не только возможность вмѣшиваться *въ это чисто гражданское дѣло* (какъ называлъ его графъ Бенкендорфъ) но и вообще имѣть какія либо сношенія съ крестьянами, хотя бы они приходили къ нему только по чисто духовному дѣлу присоединенія къ церкви. Въ этотъ разъ, преосвященный Иринархъ счелъ нужнымъ подчиниться требованію генералъ-губернатора; онъ отвѣчалъ ему, что предписалъ своимъ подчиненнымъ не принимать и самъ не будетъ принимать даже такихъ просьбъ, въ которыхъ заключалось одно выраженіе желанія обратиться въ Православную вѣру (25). Сообразивъ тогдашнія обстоятельства, читатели легко угадаютъ причину уступчивости епископа. Правительство все еще никакимъ яснымъ заявленіемъ не поставило внѣ сомнѣнія права каждаго присоединяться по желанію къ господствующей церкви, и вслѣдствіе этого, такъ какъ дворянство, словомъ и дѣломъ, отвергало это право въ отношеніи къ крестьянамъ, послѣдніе на оборотъ утверждались въ своемъ предположеніи, что съ перемѣною вѣры сопряжены какія либо существенныя потери для помѣщиковъ и слѣдовательно какія либо выгоды для новообращенныхъ. При такомъ общемъ настроеніи, что̀ бы ни говорили священники и самъ епископъ, слушатели во всемъ находили намёки въ свою пользу. Съ другой стороны, послѣдними мѣрами принятыми мѣстнымъ начальствомъ, дальнѣйшія, открытыя сношенія съ крестьянами дѣлались почти невозможными, а тайныя сношенія подвергли бы вовлеченныхъ въ ослушаніе безпощадной мести. Къ тому же, самъ преосвященный Иринархъ не находилъ себѣ поддержки нигдѣ и ни въ комъ. Вслѣдъ за требованіемъ барона Палена, и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода объявилъ Рижскому епископу Высочайшее повелѣніе не принимать отъ крестьянъ *никакихъ* просьбъ; но въ тоже время, и какъ бы въ огражденіе духовенства отъ общихъ и голословныхъ навѣтовъ, велѣно было генералъ-губернатору доставить епископу доказательства, что священники

языкахъ Лютеранскимъ духовенствомъ, онъ нашелъ бы въ нихъ много неосторожныхъ признаній и любопытныхъ откровеній объ изнанкѣ Прибалтійскихъ порядковъ. Эти газеты, выходящія подъ Нѣмецко-Лютеранскою цензурою, такъ строго бракующею окружныя посланія Православныхъ архіереевъ, составляютъ сильнѣйшее орудіе антиправославной и антирусской пропаганды въ деревняхъ, съ нашей стороны не встрѣчающей ни малѣйшаго противодѣйствія.

(25) Отнош. Рижс. епископа къ ген.-губ. отъ 10 Авг. 1841. № 951.

не только записывали имена крестьянъ, но также сочиняли для нихъ прошенія и поддерживали ихъ заблужденія относительно переселенія. Строжайшее изслѣдованіе обвиненій по этимъ доказательствамъ вмѣнено было преосвященному Иринарху въ обязанность, и для успѣшнѣйшаго окончанія этого рода дѣлъ, Государю Императору угодно было, чтобы баронъ Паленъ вошелъ по нимъ въ личныя, прямыя сношенія съ епископомъ. Видно, что до тѣхъ поръ, доносы и обвинительные акты на Православное духовенство пересылались изъ Риги въ Петербургъ помимо и безъ вѣдома преосвященнаго. Впрочемъ, всѣ эти распоряженія никакими новыми обстоятельствами вызваны не были; онѣ были послѣдствіями настойчивыхъ домогательствъ графа Бенкендорфа, начавшихся съ перваго, упомянутаго выше требованія его, обращеннаго къ Синодальному оберъ-прокурору, и съ тѣхъ поръ не прекращавшихся. Ободренный ходомъ дѣла, баронъ Паленъ счелъ возможнымъ ступить еще шагъ. Онъ обратился опять таки къ шефу жандармовъ съ вопросомъ: нельзя ли назначить для участія въ предполагавшихся изслѣдованіяхъ надъ Православными священниками депутата отъ гражданскаго вѣдомства, такъ какъ доказательства противъ духовенства состояли въ показаніяхъ крестьянъ, изъ коихъ между прочимъ видно было, что самъ преосвященный Иринархъ *показывается такимъ* (буквально) *подъ вліяніемъ коего дѣйствовало Православное духовенство*. По Русски это значило: вмѣсто слѣдствія, производство коего было поручено епископу, нельзя ли какъ нибудь его самаго отдать подъ слѣдствіе какому нибудь Гагемейстеру или Вульфу? Не знаю, что̀ отвѣчалъ графъ Бенкендорфъ на вопросъ своего друга, но онъ не далъ хода его ходатайству, а съ преосвященнымъ Иринархомъ вскорѣ нашли средство управиться и безъ формальнаго слѣдствія.

Кромѣ домашней расправы, которою будто бы укрощались, а на самомъ дѣлѣ вызывались безпорядки, приведена была въ движеніе и военная сила. Въ этотъ несчастный 1841 годъ, въ Лифляндіи перебывало столько войскъ, сколько, по всей вѣроятности, не имѣлъ ихъ Петръ Великій при завоеваніи края.

Еще въ началѣ Іюля, баронъ Паленъ откомандировалъ изъ Курляндіи полсотню казаковъ въ Венденъ, для предупрежденія безпорядковъ, отдавъ ихъ въ распоряженіе того самаго уѣзднаго депутата фонъ Гагемейстера, который писалъ, что нельзя окончить дѣла миролюбно и что кровопролитіе неизбѣжно. Въ тоже время, баронъ Паленъ просилъ графа Бенкендорфа двинуть для усмиренія крестьянъ отъ Гольдингена и Жегаръ одинъ пѣхотный полкъ въ Лифляндію и расположить его въ Вольмарскомъ, Венденскомъ и Валкскомъ округахъ; потомъ, въ первой половинѣ Августа, генералъ-губернаторъ отрядилъ изъ Риги батальонъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка въ уѣзды Венденскій, Валкскій и Дерптскій, а казаковъ велѣлъ собрать въ Верроскомъ, на границѣ Псковской губерніи; затѣмъ, двѣ роты того же Шлиссельбургскаго полка были отряжены въ уѣзды Вольмарскій и Рижскій, а въ исходѣ того же мѣсяца, вслѣдствіе прежняго ходатайства барона Палена, которому все еще казалось мало этихъ средствъ, получено было Высочайшее повелѣніе о немедленномъ командированіи въ Лифляндію, по окончаніи сбора войскъ въ Ковнѣ, Ладожскаго егерскаго полка. Эти распоряженія, въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжныя— для поддержанія пущенной въ ходъ фикціи объ общемъ бунтѣ, или (какъ выражался генералъ-маіоръ Дупельтъ) „о нѣкотораго рода Сицилійскихъ вечерняхъ противъ помѣщи-

ковъ“, частью предшествовали личному объѣзду предпринятому генералъ-губернаторомъ 13 Августа въ видахъ административно - стратегическихъ, по уѣздамъ Венденскому, Вольмарскому, Верроскому и Дерптскому, частью были послѣдствіемъ этой поѣздки. На пути, крестьяне, въ буквальномъ смыслѣ, осаждали его жалобами на помѣщиковъ и разнаго рода просьбами, ибо голодъ продолжался, люди умирали отъ истощенія, а въ палкахъ и бритвахъ, при самомъ щедромъ ихъ употребленіи, не оказывалось никакой питательной силы. Генералъ-губернаторъ кое-что сдѣлалъ и доставилъ возможное облегченіе, какъ онъ самъ писалъ, на счетъ обсемѣненія полей; но въ чемъ именно состояли принятыя имъ мѣры неизвѣстно. Гораздо несомнѣннѣе польза, которую принесла эта поѣздка ему лично, давъ ему возможность, собственными глазами, всмотрѣться въ бытъ крестьянъ. Какъ человѣкъ по природѣ благодушный и доходившій до жестокости только въ исправленіи своей должности усерднаго агента дворянской партіи, онъ не могъ не почувствовать состраданія къ простому народу, а это чувство не могло не возбудить досады на помѣщиковъ, безпощадно раззорявшихъ крестьянъ во имя свободы. Кажется, что именно съ этой поѣздки, прежнія воззрѣнія барона Палена нѣсколько поколебались; по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ его донесеніяхъ, стала пробиваться новая тема: неудовлетворительность хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ одна изъ причинъ тогдашнихъ волненій, чего онъ прежде не признавалъ, хотя именно на эту причину давно уже указывалъ ему графъ Строгоновъ. Иного рода, но одинаково безотрадныя впечатлѣнія вынесъ баронъ Паленъ во время своей поѣздки изъ интимныхъ своихъ сношеній съ помѣстнымъ дворянствомъ. Оно было имъ недовольно и не скрывало этого; не довольно не столько положеніемъ, которое онъ принялъ въ крестьянскомъ, хозяйственномъ вопросѣ (его измѣнившіяся воззрѣнія на эту сторону дѣла въ то время не успѣли еще обнаружиться) сколько его такъ называемою *слабостью* въ отношеніи къ преосвященному Иринарху, къ Православному духовенству вообще, и къ бунтовавшимъ будтобы крестьянамъ. Отъ своего собрата, Лифляндскіе рыцари ожидали бо́льшаго, и генералъ-губернатору довелось убѣдиться на опытѣ, что при всемъ желаніи угодить своимъ, трудно было согласить службу правительству съ службою дворянству. Онъ сталъ оправдываться и запутался въ своихъ объясненіяхъ. Вотъ, между прочимъ, отрывокъ изъ донесенія чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, командированнаго въ Лифляндію графомъ Строгоновымъ, и посѣтившаго Дерптъ вскорѣ послѣ выѣзда оттуда барона Палена: „Генералъ-губернаторъ, ограждающій помѣщиковъ передъ правительствомъ, лично удостовѣрился, что не всѣ они пекутся о крестьянахъ. Въ проѣздъ свой изъ Риги въ Дерптъ, свидѣтельствовалъ онъ сельскіе запасные магазины и во многихъ не нашелъ хлѣба, который, по показанію крестьянъ, употребленъ былъ на винокуреніе (26). Впрочемъ, и помѣщики къ нему нерасположены и въ послѣднее пребываніе его въ Дерптѣ изъявили ему свое неудовольствіе явно. Они упрекали его въ томъ, что при первомъ появленіи крестьянъ въ Ригѣ, онъ не принялъ строгихъ мѣръ, на что онъ, въ свое оправданіе, представлялъ, что, при самомъ началѣ, онъ писалъ къ министру внутреннихъ

(26) Читатели можетъ быть припомнятъ, что тоже самое говорилъ въ своихъ Запискахъ Православный Латышъ. Вотъ два свидѣтельства лицъ нисколько не сговаривавшихся, но конечно не имѣвшихъ одинъ о другомъ никакого понятія.

дѣлъ и, не получая три недѣли отъ него разрѣшенія, вынужденъ былъ донести Государю Императору. Дѣло о волненіи Лифляндскихъ крестьянъ показываетъ однако противное. Баронъ Паленъ писалъ въ первый разъ объ этомъ событіи 8 Іюля, и то вслѣдствіе вопроса сдѣланнаго ему министерствомъ. Къ чему было, передъ здѣшнимъ дворянствомъ, постоянно недовольнымъ нашимъ правительствомъ, выставлять небылицу?—это остается загадкою, а что онъ дѣйствительно это говорилъ, подтверждается единогласно" — Одно, что безусловно одобрялось дворянствомъ, что очень ему правилось и что было послѣдствіемъ усердныхъ домогательствъ его представителей ([27]), это было развертываніе Русскихъ военныхъ силъ противъ народа, въ которомъ бродила какая-то странная тоска по Россіи и Русской вѣрѣ. Ландраты, депутаты, орднунгсъ-рихтеры, вотчинныя правленія, всѣ просили войскъ, войскъ и только войскъ (бо́льшаго они, какъ извѣстно, отъ Россіи не требуютъ и даже не принимаютъ); но можно себѣ представить, во что обходилась крестьянамъ эта дорогая роскошь и каково имъ было, въ голодный годъ, принимать у себя военныхъ гостей?

А бунта все таки не оказывалось, и о Сицилійскихъ вечерняхъ тоже ничего не было слышно; даже Дерптская ярмарка, которой всѣ боялись, прошла какъ нельзя спокойнѣе. Вотъ что писалъ въ то время командированный въ Лифляндію чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ: „Все упованіе свое возлагаютъ крестьяне на защиту правительства и Государя, которому, какъ они сами говорятъ, готовы отдать жизнь свою и послѣднее достояніе свое. Вотъ причина, почему они теперь чрезвычайно покойны. Этому я былъ личный свидѣтель, во время послѣдней ярмарки въ Дерптѣ. Стеченіе народа превышало всѣ прочіе годы, какъ говорили мнѣ здѣшніе жители, а безпорядковъ и непослушанія не было. Спокойствіе ихъ доказывается и тѣмъ еще, что хлѣбъ господскій стоитъ въ полѣ, въ скирдахъ, никѣмъ не охраняемый, и никто ни одного зерна не тронулъ." ([28]) Вообще, до начала Сентября, несмотря на то, что во всей почти Лифляндіи производились мелкія экзекуціи, былъ только одинъ случай буйства со стороны крестьянъ, именно въ Венденскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ Вессельгофъ, гдѣ, по донесенію полученному генералъ-губернаторомъ „толпа крестьянъ, вооруженная дубинами, жердями и кочергами, воспрепятствовала мѣстной полиціи (т. е. вотчинной конторѣ?) наказать нѣсколькихъ зачинщиковъ неповиновенія (кому?) *несмотря* ([29]) на казачью команду изъ 20 человѣкъ."

Понятно, что уже и въ Петербургѣ, около половины Августа, начали подозрѣвать, что фразы фонъ-Гагемейстера и объясненія барона Палена давали не совсѣмъ точное понятіе о положеніи края, и стали доискиваться настоящей причины неудовольствія крестьянъ. Сперва графъ Строгоновъ подалъ барону Палену совѣтъ „обратить особенное вниманіе на бѣдность крестьянъ." Затѣмъ, статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ Высочайшее повелѣніе: „обратить *строгое вниманіе* генералъ-губернатора барона Палена на предметъ жалобъ крестьянъ — *на недостатокъ продовольствія.*" Подобнаго рода указанія повторяемы были неоднократно.

([27]) Тотъ же чиновникъ, въ своемъ донесеніи, называлъ тѣхъ, которые первые присовѣтывали барону Палену вразумлять крестьянъ военною силою. Чтенія 1865. Кн. II. стр. 97.

([28]) Чтенія 1865. К. II стр. 96.

([29]) Это *несмотря* довольно не ясно; кажется, что команда вовсе и не была употреблена въ дѣло; иначе, безъ сомнѣнія, было бы сказано, что она была отбита. Спрашивается: была ли она даже на мѣстѣ происшествія?

Наконецъ таки поймали крестьянъ, если не на бунтѣ, то на противозаконномъ требованіи. Доселѣ, они просили хлѣба и переселенія; но, встрѣчая вездѣ отказъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ уѣздахъ Вольмарскомъ и части Рижскаго, стали домогаться (все таки не захватывать) себѣ въ собственность помѣщичьей земли, конечно не господской, а крестьянской, то есть той, на которой они сидѣли и на которую, до 1819 года, имѣли право пользованія. Это опять оживило толки объ угрожавшемъ будто бы подъемѣ всего народа и подало поводъ, къ прежнимъ темамъ, прицѣпить новую — посягательство на дворянскую собственность. Кстати впутали въ дѣло и коммунизмъ, въ то время только что начинавшій входить въ моду, какъ вѣрное средство отвести глаза отъ правды. Тотчасъ же двѣ роты Шлиссельбургскаго егерскаго полка командированы были на мѣста для усмиренія крестьянъ, и Государь Императоръ, находившійся въ то время въ Варшавѣ и повидимому начинавшій также подозрѣвать, что дѣйствія барона Палена направлялись не въ ту сторону куда было нужно, отправилъ въ Лифляндію двухъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ Бутурлина и князя Урусова, съ особымъ наставленіемъ.

Оно, разумѣется, осталось секретомъ; но, соображая предшествовавшія обстоятельства, можно, не боясь ошибиться, предположить, что флигель-адъютантамъ велѣно было дѣйствовать съ особенною строгостью вездѣ, гдѣ бы они замѣтили признаки неповиновенія властямъ. Посланнымъ отъ Государя, конечно вмѣнялось также въ обязанность прекращать ложные слухи о переселеніи и о надѣленіи крестьянъ землею, распространявшіеся по корчмамъ, безпощадно преслѣдовать тѣхъ кто разносилъ эту молву, предавая виновныхъ военному суду, но не смѣшивая однако злонамѣренныхъ изобрѣтателей этихъ слуховъ съ тѣми лицами, которыя, по легковѣрію, только повторяли слышанное. Въ составъ порученія входило вѣроятно и раскрытіе дѣйствительныхъ причинъ волненій, дознаніе неудовлетворенныхъ нуждъ крестьянъ, изученіе ихъ быта; наконецъ (это видно изъ послѣдующихъ дѣйствій) относительно перемѣны вѣры, флигель-адъютантамъ вмѣнялось въ обязанность, по крайней мѣрѣ разрѣшалось, огласить и разъяснить общій для всей Имперіи законъ, въ силу котораго вступленіе въ нѣдра господствующей церкви никому не возбраняется. Во всѣхъ подобнаго рода порученіяхъ, необходимо различать двѣ стороны: простое изученіе положенія дѣлъ и вмѣшательство, въ силу даннаго уполномочія, въ распоряженія мѣстныхъ властей. Случается иногда, что эти власти запутываются и теряютъ голову; случаются между ними своего рода стачки, чаще всего въ мѣстностяхъ изолированныхъ по своему географическому положенію или по особенностямъ своего провинціальнаго устройства; случаются также непримиримыя противорѣчія въ донесеніяхъ получаемымъ изъ разныхъ источниковъ, ставящія въ тупикъ высшее правительство, и въ подобныхъ случаяхъ, взглядъ со стороны, брошенный человѣкомъ свѣжимъ, если онъ достаточно подготовленъ къ дѣлу и способенъ не поддаться вліянію мѣстныхъ воззрѣній, можетъ иной разъ разъяснить недоумѣнія, обнаружить неправильности, которыхъ глаза успѣвшія къ нимъ присмотрѣться не видятъ или не хотятъ видѣть. Иное дѣло: человѣку новому, обыкновенно не имѣвшему случая ознакомиться спеціальнымъ изученіемъ съ мѣстными особенностями края, давать уполномочіе дѣйствовать отъ имени верховной власти. Такое, по существу своему экстралегальное уполномочіе,

ставитъ вооруженнаго имъ въ ненормальныя отношенія къ мѣстному начальству, тою же властью уполномоченному. Въ случаѣ полнаго между ними согласія, экстралегальное уполномочіе оказывается излишнимъ; въ случаѣ разномыслія, рождается конфликтъ, нетолько въ мнѣніяхъ, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ; чаще же всего случается (и это почти неизбѣжно) что довѣренное лицо, будучи призвано рѣшаться на что нибудь и дѣйствовать съ первой минуты своего пріѣзда, прежде чѣмъ оно успѣетъ составить себѣ собственное понятіе о положеніи дѣлъ, усвоиваетъ себѣ чужой взглядъ, подчиняясь невольно господствующимъ на мѣстахъ воззрѣніямъ; а такъ какъ отъ спеціально-уполномоченнаго всѣ ожидаютъ рѣшительныхъ, видныхъ и скорыхъ результатовъ, то онъ обыкновенно доводитъ мѣстную систему дѣйствій до послѣднихъ крайностей, въ строгостяхъ или въ послабленіи. Въ какой мѣрѣ лица, на которыхъ палъ выборъ Государя Императора, избѣгли этой опасности, пусть разсудятъ сами читатели.

Извѣстіе о командировкѣ флигель-адъютантовъ не могло, до нѣкоторой степени, не встревожить мѣстныхъ властей. Онѣ имѣли причины опасаться именно свѣжаго, непредубѣжденнаго взгляда. Заглазно, можно еще было объяснять волненіе крестьянъ подпольными интригами Православнаго архіерея и какихъ-нибудь трехъ или четырехъ священниковъ; въ Петербургѣ, вдали отъ поразительнаго зрѣлища мѣстныхъ нуждъ простонародья и при усердномъ повтореніи сплетень, которыя разносились по гостинымъ агентами тамошняго министерства Остзейскихъ дѣлъ, можно было забывать и то, что быстрое распространеніе Гернгутерства, задолго до сближенія крестьянъ съ Православнымъ духовенствомъ, свидѣтельствовало о присутствіи въ народѣ неудовлетворенной потребности чисто религіознаго свойства, и то, что слухъ о переселеніи возникъ также до этого сближенія, и то наконецъ, что кромѣ желанія перемѣнить вѣру, гораздо громче и отчетливѣе этого желанія, раздавались жалобы на отобраніе земель, на невыносимую тягость повинностей, на нищету, на истязанія и голодъ. Всего этого можно было не знать на Невскомъ проспектѣ; но гораздо труднѣе было поддерживать фикцію объ интригахъ и подговорахъ, въ виду Латышскихъ деревень, въ виду крестьянъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Если бы, наконецъ, правда бросилась въ глаза свѣжему человѣку, если-бъ ему удалось различить мирное, религіозное движеніе, которое имѣло свои особенныя причины, отъ волненій вызванныхъ совершенно иными обстоятельствами, тогда пожалуй оказалось бы, что стремленіе народа въ Православіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго и что не было никакой причины не предоставить ему дальнѣйшаго, невозбраннаго хода; но тогда, дѣйствительно серьезный вопросъ объ экономическомъ бытѣ крестьянъ, отрѣшившись отъ всѣхъ затемнявшихъ его обстоятельствъ, самъ собою выступилъ бы на первый планъ какъ главная причина волненій. Этого-то именно болѣе всего боялись въ Ригѣ, и потому тамошнія власти не переставали въ своихъ донесеніяхъ занимать высшее правительство мелкими сплетнями, хотя въ то время, послѣ приведенныхъ выше распоряженій, не представлялось даже сколько-нибудь благовидныхъ къ тому поводовъ. Такъ, въ самомъ исходѣ Августа, баронъ Паленъ писалъ графу Бенкендорфу, что нѣсколько крестьянъ *лично ему* показали, что Православное духовенство продолжаетъ *втайнѣ* принимать ихъ (зачѣмъ же было запрещать принимать явно?) и уговаривать *перемѣнить вѣру* (здѣсь уже о переселеніи, объ отводѣ зе-

мель, не говорилось ни полслова), а самъ преосвященный будто бы сказалъ имъ: *„чтобы впредь они обращались къ епископу Псковскому, но не приходили бы болѣе въ Ригу.“* Въ понятіяхъ барона Палена, это тоже было преступленіе. Епископъ Рижскій не долженъ былъ осмѣливаться обращать изъявлявшихъ желаніе принять Православіе (и болѣе ничего) къ другому епископу, котораго онъ былъ викарнымъ. Вотъ до чего, послѣ первой поблажки, возросли притязанія.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій флигель-адъютантовъ, по прибытіи ихъ въ Ригу, было оглашеніе воли Государя Императора. Это было сдѣлано съ подобающимъ торжествомъ, но довольно неловко. 17-го Сентября, собраны были въ Ригѣ изъ 14 помѣстьевъ 47 человѣкъ крестьянъ и военныхъ нижнихъ чиновъ, какъ отставныхъ, такъ и безсрочно-отпускныхъ; ихъ ввели въ Губернское Правленіе, и тамъ флигель-адъютанты Бутурлинъ и князь Урусовъ объявили имъ, по Высочайшему повелѣнію: „что отнюдь не есть воля Государя Императора переселить Лифляндскихъ крестьянъ въ другія губерніи или дать имъ земли въ Лифляндіи, отнявъ у помѣщиковъ; что ложный слухъ объ этомъ вымышленъ злонамѣренными людьми, коихъ должно задерживать; *что если кто изъ крестьянъ, отъ истиннаго, внутренняго убѣжденія, а не по причинѣ земныхъ выгодъ, намѣренъ присоединиться къ Православію, то онъ, Государь, не можетъ и не хочетъ имъ это возбранять* ([30]), *но что они, крестьяне, вслѣдствіе присоединенія къ Православію, не уповали бы на какія либо земныя выгоды, ни на переселеніе, ни на отведеніе въ собственность земель и т. п., а чтобы оставались по прежнему покойными“.* За симъ, объявлено было безсрочно-отпускнымъ и отставнымъ солдатамъ, что если они будутъ сами участвовать въ незаконностяхъ и подкрѣплять крестьянъ въ ихъ движеніи, то будутъ наказаны, лишатся пріобрѣтенныхъ на службѣ правъ и вновь отданы будутъ на службу ([31]).

Давно, съ той самой минуты какъ началось движеніе, надлежало огласить невозбранность присоединенія къ церкви. Это было необходимо не только для разъясненія заблужденій, въ которыхъ находились крестьяне относительно послѣдствій присоединенія, но главнѣйшимъ образомъ потому, что помѣщики, пасторы и земская полиція, въ одинъ голосъ твердили крестьянамъ, что правительство не разрѣшало имъ перехода изъ Лютеранства въ Православіе и что Православные священники дѣйствовали будто-бы самовольно принимая отъ нихъ заявленія по предмету перемѣны вѣры. Если бы такое оглашеніе сдѣлано было во-время, все движеніе приняло бы можетъ быть иной оборотъ. Но огласить Высочайшую волю такъ, чтобъ она дѣйствительно проникла въ сознаніе простаго народа, особенно когда эта воля несогласна ни съ собственными его ожиданіями, ни съ тѣми внушеніями, приказаніями и угрозами, которыя онъ ежедневно слышитъ у себя дома, отъ ближайшихъ къ нему начальствъ, дѣло вовсе не легкое, и надобно сознаться, что въ настоящемъ случаѣ, способъ оглашенія избранъ былъ крайне неудачно. Вопервыхъ, что̀ значило 47 человѣкъ, по закону почти прикрѣпленныхъ къ своимъ приходамъ, на всю Лифляндію? Во вторыхъ, кѣмъ были избраны эти отряженные въ Ригу крестьяне и чѣмъ руководствовались при выборѣ? Такъ какъ

([30]) А *безусловное* запрещеніе передъ этимъ только что объявленное преосвященному Иринарху и Православному духовенству принимать у себя крестьянъ и брать отъ нихъ просьбы, *какія бы то ни было?*

([31]) Чтенія 1865. Кн. I, стр, 209.

нарядомъ въ губернскій городъ распорядились безъ сомнѣнія вотчинная и земская полиціи, то вѣроятно посланы были должностные крестьяне, старшины, приходскіе судьи, засѣдатели, словомъ тѣ, которыхъ, по закону, утверждали, а на практикѣ назначали помѣщики, во всякомъ случаѣ—люди въ помѣщичьемъ смыслѣ *надежные*, отъ которыхъ не было повода ожидать, чтобъ они, въ присутствіи флигель-адъютантовъ, осмѣлились промолвить слово о дѣйствительныхъ причинахъ общаго неудовольствія простаго народа. Но такого разбора люди могли ли пользоваться полнымъ довѣріемъ массы и дѣйствовать на ея убѣжденіе? Въ третьихъ, когда имѣется въ виду произвести то или другое впечатлѣніе, нельзя пренебрегать подробностями внѣшней обстановки; а тутъ, какъ нарочно, собраны были всѣ мѣстныя власти, по собственному ихъ сознанію, утратившія всякое къ себѣ довѣріе простаго народа, и собраны въ томъ самомъ Губернскомъ Правленіи, одинъ видъ котораго напоминалъ крестьянамъ недавніе допросы, не зажившіе еще рубцы на изсѣченныхъ спинахъ и не отросшіе волоса на выбритыхъ затылкахъ. Тамъ, въ уши оторопѣлыхъ, не предупрежденныхъ крестьянъ, прокричали Высочайшую волю и дѣлу конецъ! Но мы знаемъ по опыту какъ медленно и туго простой народъ усвоиваетъ себѣ чужія понятія, какъ бы, повидимому, ясно и точно ни были онѣ изложены. За первымъ прочтеніемъ, въ неподготовленныхъ умахъ, зарождаются неминуемо самыя неожиданныя сомнѣнія, самые странные вопросы; ихъ нужно не только выслушивать, но даже вызывать когда они не высказываются; нужно перебирать ихъ одно за другимъ, разъяснять каждое и повторять прочтенное по нѣскольку разъ. Само собою разумѣется, что флигель-адъютанты этого не сдѣлали и, по незнанію мѣстныхъ языковъ, даже не могли сдѣлать. Скучный трудъ разъясненія, требующій со стороны вразумляющихъ безконечнаго долготерпѣнія и невозмутимой добросовѣстности, а со стороны вразумляемыхъ полнаго и безбоязненнаго довѣрія къ вразумляющимъ, предоставленъ былъ мѣстнымъ властямъ, тѣмъ самымъ, которымъ народъ не вѣрилъ ни въ чемъ. Наконецъ, во всемъ что было объявлено крестьянамъ отъ Высочайшаго имени, не было ни единаго слова въ утѣшеніе и ободреніе, ни тѣни надежды на лучшую будущность; не сочли даже за нужное сказать имъ, что, запрещая имъ одно, отказывая имъ въ другомъ, верховная власть все таки знаетъ объ ихъ нуждахъ, принимаетъ ихъ къ сердцу и заботится объ удовлетвореніи ихъ. Какое впечатлѣніе вынесли крестьяне изъ присутствія?—этого они конечно не повѣдали, но смѣло можно сказать, что объявленіе не произвело въ краѣ желаннаго дѣйствія: оно не вразумило обманутыхъ и ошибавшихся, не подкрѣпило чаявшихъ, не ободрило близкихъ къ отчаянію.

Все доселѣ разсказанное продолжалось три мѣсяца, до половины Сентября, а положеніе крестьянъ ни въ чемъ не улучшалось, да и не могло улучшиться, такъ какъ зло лежало въ самомъ существѣ законоположенія опредѣлявшаго ихъ права или, точнѣе, ихъ безправіе. Сношенія съ Православнымъ духовенствомъ, которое одно обнаруживало къ нимъ сочувствіе, до нѣкоторой степени поддерживали въ нихъ темную надежду на улучшеніе ихъ быта, а съ тѣмъ вмѣстѣ (нельзя этого отрицать) и мечты о переселеніи; но и эти сношенія прекратились. Между тѣмъ, желая вырвать зло съ корнемъ, полиція, разумѣется по указаніямъ, при содѣйствіи и нерѣдко черезъ посредство вотчинныхъ правленій, усердно разыскивала и хватала по деревнямъ

такъ называемыхъ *зачинщиковъ* (32) бунта, то есть тѣхъ крестьянъ, которые, въ кругу своихъ, пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Тогда мѣра Латышскаго долготерпѣнія переполнилась, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, начались безпорядки, буйства, открытыя сопротивленія властямъ. Этого только и поджидали.

Вотъ въ чемъ заключались эти случаи, по донесеніямъ барона Палена, который переписывалъ отъ слова до слова рапорты орднунгсъ-рихтеровъ.

„Дерптскаго уѣзда, въ приходѣ Оденпе, въ помѣстьѣ Гейлигензе, крестьяне *вознамѣрились* переселиться въ другія губерніи. Орднунгсъ-рихтеръ, получивъ 1 Сентября просьбу приходскаго судьи задержать зачинщиковъ, прибылъ туда съ ротою Шлиссельбургскаго полка. Крестьяне ушли въ лѣсъ, гдѣ орднунгсъ-рихтеръ встрѣтилъ толпу вооруженную дубинами, которая спрашивала его: по какому праву онъ обыскиваетъ ихъ границы съ войскомъ, когда они ни въ чемъ не виноваты, а желаютъ только *исполнить волю Государя* и переселиться въ другія губерніи? Орднунгсъ-рихтеръ, не желая подвергать солдатъ опасности, ибо онъ не зналъ сколько въ лѣсу крестьянъ, уговорилъ толпу возвратиться на мызу, *обѣщая тамъ выслушать крестьянъ*; когда же толпа вышла изъ лѣсу, онъ встрѣтилъ ее съ цѣлою ротою“.—И такъ, орднунгсъ-рихтеръ, мѣстный помѣщикъ, располагая военною силою, *обманулъ* крестьянъ, которые охотно шли на объясненіе съ нимъ. Стратегическая хитрость имъ употребленная, конечно, не много содѣйствовала возстановленію поколебленнаго въ крестьянахъ довѣрія къ словамъ и обѣщаніямъ мѣстныхъ властей. Рапортъ оканчивался увѣдомленіемъ, что выйдя на чистое мѣсто и увидавъ передъ собою солдатъ „крестьяне бросили дубины и разбѣжались, причемъ былъ захваченъ одинъ изъ *водителей*, отставной лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ“.

Второй случай: „Верросскаго уѣзда, въ помѣстьѣ Нейгаузенъ, задержанъ былъ крестьянинъ, *извѣстный возмутитель*, и толпа крестьянъ, съ кольями, преслѣдовала двѣ версты конвой для освобожденія задержаннаго“, но, какъ видно, даже не пыталась отбить его.

Третій случай и самый серьезный: „По опредѣленію губернскаго правленія, долженъ былъ быть задержанъ крестьянинъ Рижскаго уѣзда помѣстья Нейбеверсгофъ, Виллуамъ Прейсъ, за подговоръ крестьянъ къ переселенію. Засѣдатель орднунгсъ-герихта фонъ Трапзеге и коммисаръ Гельманъ отправились для сего съ десятью солдатами гарнизоннаго баталіона, но, не заставъ Прейса дома, встрѣтили 10 Сентября толпу вооруженныхъ кольями крестьянъ, которые повалили коммисара, такъ что чиновники съ трудомъ пришли на мызу, которая, на другой день, была окружена крестьянами. *Военная команда* (10 человѣкъ солдатъ) *вышла безпрепятственно*, но крестьяне разсыпались по дорогамъ, чтобъ воспрепятствовать чиновникамъ удалиться и засѣдателю съ трудомъ удалось пробраться въ Ригу“ — видно однако, что его караулили не слишкомъ исправно и что толпа обступившая мызу была не очень густа и не очень страшна,

---

(32) Когда ложный слухъ, основанный на мнимомъ законѣ или распоряженіи власти, приводитъ въ движеніе народныя массы, лишенныя по своей безграмотности ближайшаго и простѣйшаго средства вразумленія, случается очень нерѣдко, что, при разыскиваніи зачинщиковъ, попадаютъ въ категорію злонамѣренныхъ подстрекателей лица совершенно добросовѣстно увлекающіяся общимъ заблужденіямъ, которыя стоятъ на виду, во главѣ толпы и ведутъ ее за собою только потому, что они умнѣе, честнѣе, зажиточнѣе другихъ, что имъ привыкли вѣрить, и что они вообще, во всякаго рода дѣлахъ, естественно выдвигаются впередъ. Хватаніе такихъ людей, болѣе всего, раздражаетъ толпу и чаще всего вызываетъ сопротивленіе.

иначе чиновники, вѣроятно, сами не отпустили бы солдатъ. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, генералъ-губернаторъ доставилъ статистику проданнаго крестьянамъ пороха; оказывалось, что, съ 1 Мая по 1 Августа 1840 года, они пріобрѣли 87 пудовъ 35 фун., а въ 1841 году, за тотъ же срокъ, 123 пуда 24 фунта, изъ чего можно было вывести математически вѣрное заключеніе, что безопасность мѣстныхъ властей и помѣщиковъ уменьшилась ровно на 40 $^5/_7$ % ([33]).

Если ужъ начато было усмиреніе бунта до его возникновенія, когда въ народѣ обнаруживалось только еще броженіе умовъ, то можно легко себѣ представить какіе размѣры приняло усмиреніе случаевъ дѣйствительнаго буйства. Для усиленія вооруженныхъ средствъ противъ грознаго подъема всей массы разъяренныхъ Латышей (какъ выражались въ то время) двинута была въ Лифляндію вторая бригада второй Гренадерской дивизіи, въ трехъ-баталіонномъ составѣ полковъ, и дивизіонъ атаманскаго, Наслѣдника Цесаревича казачьяго полка. Самъ баронъ Паленъ призадумался, сообразивъ какое бремя для края и сколько хлопотъ для помѣщиковъ могло произойти отъ размѣщенія въ Лифляндіи такого числа войскъ; онъ написалъ въ Петербургъ, что волненіе уже не такъ жестоко, а расквартированіе войскъ, по разбросанному положенію крестьянскихъ дворовъ и по недостатку въ продовольствіи, неудобоисполнимо. Онъ предлагалъ, какъ мѣру самую цѣлесообразную, разложить бремя содержанія войскъ нужныхъ для усмиренія Лифляндскихъ крестьянъ и для успокоенія Лифляндскихъ помѣщиковъ, на двѣ сосѣднія губерніи, Псковскую и Витебскую, а ему, генералъ-губернатору, предоставить право требовать ихъ оттуда по мѣрѣ надобности; но Государь Императоръ, вѣроятно помня прежнія донесенія о готовившихся Силиційскихъ вечерняхъ и о кровопролитіи, не изъявилъ согласія на послѣднюю, ловкую комбинацію, а повелѣлъ только отпускать деньги на провіантъ войскамъ. Начался настоящій походъ противъ крестьянъ; потомъ, когда побѣда осталась на сторонѣ войскъ, нигдѣ не встрѣтившихъ сопротивленія, начались военные суды и экзекуціи, страшныя экзекуціи, соразмѣрявшіяся не столько съ виною крестьянъ, сколько съ страхомъ помѣщиковъ, экзекуціи, о которыхъ много лѣтъ спустя крестьяне не могли вспоминать безъ содраганія. Противъ Нейбеверсгофа отправлена была экспедиція, сначала изъ пятидесяти казаковъ и пяти ротъ Шлиссельбургскаго полка, черезъ нѣсколько дней усиленная баталіономъ Ладожскаго. Силы эти отданы были въ распоряженіе опять таки тамошняго помѣщика, дворянскаго депутата фонъ-Нуммерса. Ему показалось мало, и онъ вытребовалъ себѣ еще изъ Крейцбурга два орудія легкой батареи 4-ой артиллерійской бригады. Крестьяне, при первомъ появленіи войска, разумѣется, разбѣжались и ихъ стали ловить. Этою ловлею исключительно и занимались войска; у нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ найдены были ружья и порохъ, которыхъ они не употребляли, и ни одного выстрѣла во всей Лифляндіи противъ войскъ сдѣлано не было ([34]). Флигель-адъютанты, наконецъ, нашли себѣ занятіе; они усердно способствовали мѣстной власти въ усмиреніи крестьянъ мѣрами строгости, но въ дѣлахъ не встрѣчается ни одного донесенія отъ нихъ, которое бы сколько нибудь раскрывало дѣйствительныя причины волненій. Повидимому, они совершенно усвоили себѣ взгляды, понятія и терминологію мѣстныхъ властей. Одинъ изъ нихъ ходатайствовалъ у

(33) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 207, 208.

(34) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 211. Кн. 3 стр. 130.

Государя о награжденіи нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, особенно усердствовавшихъ въ отклоненіи крестьянъ отъ перехода въ Православіе, и высшее правительство посылало имъ деньги и медали, а Губернское Правленіе публиковало объ этомъ печатно, по деревнямъ.

Роскошь средствъ и строгостей употребленныхъ на усмиреніе, повидимому, доказывала, что и высшее правительство, прежде какъ будто колебавшееся, наконецъ тоже заразилось страхами мѣстнаго начальства; но съ другой стороны, самыя эти карательныя мѣры, къ которымъ оно сочло себя вынужденнымъ прибѣгнуть, кажется навели его на болѣе внимательное изученіе дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Лифляндіи. По крайней мѣрѣ, изъ оффиціальной переписки видно, что въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ исходѣ Сентября, понятія стали проясняться. Такъ, излагая во всеподданнѣйшемъ докладѣ опасенія генералъ-губернатора предвѣщавшаго всеобщее возстаніе крестьянъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, графъ Строгоновъ заявлялъ, что онъ, съ своей стороны, не раздѣлялъ этого опасенія; однако Государь изволилъ замѣтить, что осторожность не мѣшала и приказалъ запретить продажу пороха. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе расходились въ своихъ воззрѣніяхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и главный начальникъ края. Баронъ Паленъ все еще не хотѣлъ признать, что главныя причины волненій заключались въ недостаткѣ хлѣба и въ притѣсненіяхъ помѣщиковъ; онъ увѣрялъ, что попеченіемъ мѣстнаго начальства продовольствіе будто бы было обеспечено, что жалобы крестьянъ, оказавшіяся справедливыми, будто бы были удовлетворены какими-то мѣрами (которыхъ впрочемъ и законъ не предоставлялъ начальству), а приписывалъ всю вину подговорамъ Православнаго епископа и подчиненнаго ему духовенства къ перемѣнѣ вѣры. Напротивъ того, графъ Строгоновъ, не отрицая „что неосмотрительныя и неправильныя дѣйствія духовенства по принятію просьбъ до него не касавшихся“ могли способствовать, до нѣкоторой степени, распространенію и укрѣпленію неосновательныхъ толковъ, гораздо прежде возникшихъ между крестьянами, настаивалъ однако на томъ, что настоящей причины этихъ толковъ и волненія „надлежало искать, главнѣйшимъ образомъ, въ хозяйственномъ положеніи крестьянъ, въ ихъ бѣдности, въ недостаткѣ продовольствія, въ обременительности работъ на помѣщиковъ“ и вообще въ отсутствіи всякаго надежнаго огражденія крестьянскихъ интересовъ при заключеніи такъ называемыхъ полюбовныхъ соглашеній. Въ подтвержденіе, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ ссылался на личный опытъ самаго генералъ-губернатора, напоминая ему массы жалобъ, которыми закидывали его крестьяне во время его объѣздовъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ помѣщиковъ, признававшихъ чрезмѣрную обременительность крестьянскихъ повинностей. Баронъ Паленъ долго упирался противъ очевидности, но наконецъ совѣсть перевѣсила въ немъ другія побужденія; къ тому же, сами представители Лифляндскаго дворянства стали догадываться, что пора уже было взять дѣло въ свои руки, чтобъ не допустить до него правительства. Отъ ихъ имени, баронъ Паленъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи дворянскому ландтагу заняться пріисканіемъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ. Докладывая объ этомъ Государю Императору, графъ Строгоновъ воспользовался случаемъ изложить въ цѣлости свое воззрѣніе на положеніе дѣлъ въ Лифляндіи, и указалъ на ходатайство дворянства какъ на новое подтвержденіе той мысли, что источникъ вол-

ній заключался не въ дѣйствіяхъ Православнаго духовенства, а въ хозяйственной обстановкѣ крестьянъ. На докладѣ Государь написалъ, что взглядъ въ немъ выраженный совершенно согласенъ съ Его собственнымъ убѣжденіемъ и повелѣлъ *поставить это генералъ-губернатору на видъ* (35).

Съ этого, повидимому, долженъ бы былъ начаться поворотъ къ другой системѣ дѣйствій. Порядокъ возстановленъ, настоящая причина волненій отыскана, признана и ощупана; дворянство приступаетъ къ обсужденію недостатковъ дѣйствующихъ законоположеній, а тѣмъ временемъ, главный начальникъ края конечно поспѣшитъ обеспечить продовольствіе крестьянъ, облегчить, насколько это возможно, ихъ повинности, и оставитъ наконецъ въ покоѣ Рижскаго епископа и Православное духовенство. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, дѣло непремѣнно приняло бы этотъ или похожій на это оборотъ; но въ Прибалтійскомъ краѣ случилось противное.

Довольно рѣзкая Высочайшая резолюція ставившая генералъ-губернатору на видъ несообразность его объясненій и дѣйствій съ дѣйствительнымъ положеніемъ ввѣренной ему области, была приписана, не безъ основанія, впечатлѣнію произведенному на Государя откровеннымъ докладомъ Министра Внутреннихъ дѣлъ. Пока графъ Строгоновъ, не понимая еще сущности дѣла, вѣрилъ на слово мѣстнымъ властямъ и содѣйствовалъ имъ своими распоряженіями, не было повода опасаться его вліянія, но теперь положеніе вдругъ измѣняется. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ становится въ прямое противорѣчіе съ Ригою; его доклады, болѣе и болѣе уясняя дѣло, могутъ повредить мѣстнымъ интересамъ и, пожалуй, разоблачить передъ Государемъ нѣкоторыя тщательно отъ Него скрываемыя тайны нашей Балтійской окраины, и вотъ — баронъ Паленъ, отъ 6-го Октября (36), увѣдомляетъ графа Строгонова, что графъ Бенкендорфъ *лично поручилъ ему* отсылать всѣ дѣла по предмету перехода крестьянъ въ Православіе требующія Высочайшаго разрѣшенія, не къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, а прямо къ шефу жандармовъ. Не видно даже, чтобъ на это было испрошено Высочайшее повелѣніе. Изъ всего предшествующаго, читатели могли усмотрѣть, что баронъ Паленъ и прежде постоянно переписывался съ графомъ Бенкендорфомъ, который этимъ и другими путями, узнавалъ о Балтійскомъ краѣ все что̀ ему было нужно или что̀ онъ желалъ узнать; слѣдовательно, дѣло шло только объ устраненіи министра Внутреннихъ Дѣлъ. Неизвѣстно какимъ путемъ этого достигли и какой въ этомъ случаѣ придуманъ былъ предлогъ; видно только, что графъ Строгоновъ ничего не возразилъ на распоряженіе шефа жандармовъ.

Вслѣдъ затѣмъ, и также по неизвѣстному поводу, исходатайствовано было Высочайшее повелѣніе объ удаленіи изъ Риги преосвященнаго Иринарха. Самъ графъ Бенкендорфъ ѣздилъ передъ этимъ въ Ригу; тамъ онъ перешептался съ своимъ другомъ барономъ Паленомъ и вѣроятно оттуда убѣдилъ Государя Императора пожертвовать православнымъ епископомъ для такъ называемаго умиротворенія края (37). Сила была очевидно на сторонѣ той партіи, которая такъ горько сѣтуетъ и такъ благородно негодуетъ въ иностранныхъ газетахъ, когда экстралегальныя мѣры

(35) Отнош. Ст. Секр. Танѣева отъ 25 Сент.

(36) Отнош. къ Мин. Вн. Д. № 1057.

(37) В. В. Скрыпицынъ, на пути изъ Петербурга въ Ригу, куда онъ былъ посланъ за преосвященнымъ Иринархомъ, встрѣтилъ графа Бенкендорфа возвращавшагося изъ Риги въ Петербургъ.

такогоже рода постигаютъ какого нибудь суперъинтендента Вальтера или пробста Дебнера. На сей разъ, ей нуженъ былъ скандалъ, какъ свидѣтельство полнаго ея торжества, и она добилась скандала: во всякомъ другомъ случаѣ, правительство *вызвало* бы архіерея, котораго оно не захотѣло бы оставлять долѣе въ его эпархіи, а тутъ, почему-то признано было нужнымъ непремѣнно *вывезти* преосвященнаго Иринарха. Для этого, по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода графа Протасова, командированъ былъ въ Ригу В. В. Скрыпицынъ, принявшій это непріятное порученіе только по убѣдительному настоянію покойнаго митрополита Кіевскаго Филарета, въ то время находившагося въ Петербургѣ и хорошо знавшаго, что В. В. Скрыпицынъ, личнымъ своимъ обращеніемъ съ впавшимъ въ немилость епископомъ, усладить, насколько это было возможно, горечь его положенія. Видно, что въ выборѣ исполнителя графъ Бенкендорфъ не имѣлъ голоса.

Преосвященный Иринархъ, неизвѣстно за что поставленный на одну доску съ государственными преступниками, не обнаружилъ ни страха ни досады; онъ встрѣтилъ посланнаго за нимъ чиновника спокойно и холодно, не проронилъ ни одной жалобы и покорился съ достоинствомъ незаслуженной имъ участи. Баронъ Паленъ поступилъ въ этомъ случаѣ не какъ рыцарь, а какъ слѣпое орудіе мѣстнаго озлобленія; онъ сдѣлалъ все отъ него зависившее, чтобъ усугубить оскорбленіе наносимое въ глазахъ Нѣмецкаго общества представителю Православной церкви. Когда В. В. Скрыпицынъ, явившись сперва къ преосвященному Иринарху и условившись съ нимъ относительно времени выѣзда, потомъ представился генералъ-губернатору, баронъ Паленъ сказалъ ему, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда, чтобъ избавиться отъ епископа и прибавилъ, что подорожная будетъ изготовлена на имя Скрыпицына *съ будущимъ*. Баронъ Паленъ простеръ свою предупредительность до того, что предложилъ ему даже командировать къ нему жандармовъ для конвоированія. На все это В. В. Скрыпицынъ отвѣчалъ, что преосвященный Иринархъ вовсе не арестантъ, а желаетъ отправиться въ Псковъ, для свиданія съ тамошнимъ епископомъ, котораго онъ викарный, а потому не угодно ли будетъ выдать подорожную на имя преосвященнаго Иринарха; самъ же онъ, Скрыпицынъ, имѣетъ свою подорожную, по которой ѣдетъ въ Вильну, и въ жандармахъ нисколько не нуждается. Несмотря однако на это категорическое объясненіе, генералъ-губернаторъ, на другой день, всетаки прислалъ Скрыпицыну подорожную на его имя, *съ будущимъ* — видно, не легко было разстаться съ мыслью, что преосвященный Иринархъ не самъ выѣдетъ, а будетъ вывезенъ изъ Риги, какъ лакей посланнаго за нимъ чиновника. Но Скрыпицынъ возвратилъ подорожную, повторилъ объясненіе данное имъ наканунѣ и наконецъ таки добился того, что генералъ-губернаторъ уступилъ. Преосвященный Иринархъ выѣхалъ въ 10 часовъ вечера, въ собственной каретѣ, а Скрыпицынъ, вслѣдъ за нимъ, въ своемъ экипажѣ. Графъ Бенкендорфъ захотѣлъ насладиться вполнѣ подготовленною имъ сценою и просилъ своего Рижскаго друга увѣдомить его обо всѣхъ подробностяхъ: какъ совершился выѣздъ епископа, въ какое время, и какое впечатлѣніе произвело это обстоятельство на жителей города и на весь край? — „Самое благопріятное (отвѣчалъ баронъ Паленъ): извѣстіе объ увольненіи епископа распространилось съ большою скоростью, и волненіе народа *вдругъ* (!) уменьшилось“.

Преосвященнаго Иринарха провезли въ Псковъ черезъ Митаву, Ша-

вель и Вилькоміръ. Маршрутъ этотъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ потому, какъ объяснялъ онъ, что на прямомъ, почтовомъ трактѣ, производилось близъ Кокенгузена, по поводу Нейбсверсгофскихъ безпорядковъ, *военное дѣйствіе*, какъ выражался баронъ Паленъ, подразумѣвая жестокія экзекуціи надъ беззащитными крестьянами, разбѣжавшимися при видѣ солдатъ и потомъ переловленными. Въ одно время съ преосвященнымъ Иринархомъ выслано было изъ Риги, на сей разъ не безъ провожатыхъ въ голубыхъ мундирахъ, нѣсколько Православныхъ священниковъ, ближе другихъ стоявшихъ къ своему епископу. Всѣ они отданы были подъ судъ, и всѣ были по суду оправданы. Невинность ихъ признана была столь очевидною, что какъ бы въ вознагражденіе за незаслуженную обиду имъ нанесенную, они получили мѣста въ столицѣ; одинъ изъ нихъ былъ даже назначенъ протоіереемъ при Казанскомъ соборѣ ([38]).

Устраненіе графа Строгонова отъ прямаго участія въ дѣлѣ перехода Латышей въ Православіе и изгнаніе преосвященнаго Иринарха должны были естественно развязать руки мѣстному начальству, или, говоря точнѣе, мѣстному дворянству; но еще этого было мало. Хотя передъ этимъ самъ Государь Императоръ не разъ оставался недоволенъ дѣйствіями барона Палена и, повидимому, начиналъ сознавать, что онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ строгой опеки, подъ которой держало его дворянство, однако, благодаря вѣроятно повому ходатайству графа Бенкендорфа, состоялся 13 Октября Высочайшій указъ, которымъ предоставлено было право генералъ - губернатору конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры, по которымъ и болѣе 10 человѣкъ присуждались къ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ или къ ссылкѣ въ Сибирь. У меня хранится выборка изъ подлинныхъ дѣлъ того времени, сдѣланная нѣсколько лѣтъ спустя, изъ которой видно, что благодушный баронъ Паленъ воспользовался довольно широко даннымъ ему уполномочіемъ. Утвержденными имъ сентенціями военныхъ судовъ приговорено: *крестьянъ* къ наказанію шпицрутенами 45 человѣкъ, къ наказанію розгами передъ фронтомъ 55 человѣкъ, дѣтскими розгами (по малолѣтству) 8 человѣкъ, итого 108 человѣкъ. Изъ нихъ, сверхъ тѣлеснаго наказанія, приговорены къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе 9 человѣкъ, къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ отсылкѣ въ Сибирь—5; къ отдачѣ въ военную службу, а въ случаѣ негодности въ арестантскія роты—4; къ заключенію въ исправительномъ рабочемъ домѣ и къ отдачѣ въ кантонисты —1; *отставныхъ нижнихъ чиновъ* приговорено: къ наказанію шпицрутенами сквозь строй черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ—1; черезъ 500 человѣкъ два раза —1; черезъ 500 три раза и къ ссылкѣ въ Сибирь—1; къ содержанію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ—1; въ арестантскихъ ротахъ на тотъ же срокъ—1; итого отставныхъ и безсрочноотпускныхъ 5, а всѣхъ вообще 113 человѣкъ однихъ наказанныхъ по приговорамъ смѣшанныхъ военныхъ судовъ, не считая всѣхъ тѣхъ, съ которыми расправились безъ суда, полицейскимъ порядкомъ. Выходитъ, что Православный Латышъ въ своихъ Запискахъ ничего не преувеличилъ—баронъ Паленъ n'y allait pas de main morte.

Несмотря однако на дѣйствительность мѣръ принятыхъ для отрезвленія Латышей, Лифляндское дворянство не было еще вполнѣ удовлетворено и съ безпокойствомъ поглядывало въ ту сторону куда отвезенъ

([38]) Извлечено изъ письма В. В. Скрыпицына.

былъ преосвященный Иринархъ. Изгнаніе его изъ Риги не могло не произвести на крестьянъ глубокаго впечатлѣнія. Правда, они не принадлежали къ его паствѣ и еще никто изъ нихъ не былъ присоединенъ къ Православію; но его теплое къ нимъ участіе, характеръ ихъ сношеній съ нимъ, наконецъ строгіе запреты посѣщать его и наказанія, которымъ подвергались ослушники — все это основало между Латышами и впавшимъ въ немилость архіереемъ таинственную связь и внушило имъ безпредѣльное къ нему довѣріе. Два крестьянина рѣшились пойти къ нему въ Псковъ за добрымъ совѣтомъ. Преосвященный Иринархъ объяснилъ имъ, что онъ уже не могъ ни въ чемъ быть имъ полезенъ и отослалъ ихъ къ мѣстному губернскому начальству, которое опросило ихъ о причинѣ поѣздки ихъ въ Псковъ. Они были съ мызы Вальгутъ и заявили, что не имѣя никакихъ средствъ къ существованію и не встрѣчая у себя ни въ комъ сочувствія, пошли за помощью къ единственному человѣку, который въ Ригѣ обнаруживалъ къ нимъ состраданіе. Крестьянъ отослали въ Ригу. Тамъ, генералъ-губернаторъ поручилъ предводителю дворянства лично изслѣдовать положеніе крестьянъ на мызѣ Вальгутъ и поспѣшилъ донести обо всемъ въ Петербургъ, какъ о новомъ доказательствѣ преступнаго и продолжавшагося участія удаленнаго епископа въ волненіяхъ крестьянъ. Таковъ былъ смыслъ подробныхъ коментаріевъ барона Палена на отвѣтъ преосвященнаго Иринарха двумъ крестьянамъ и на отобранныя отъ нихъ показанія. Генералъ-губернаторъ жаловался и на Псковское губернское правленіе, замѣчая, что еслибъ оно не опрашивало пришедшихъ изъ Лифляндіи крестьянъ, то они не имѣли бы и повода говорить о стѣсненномъ своемъ положеніи. Высѣчь ихъ въ Псковѣ, въ видѣ задатка, пожалуй было бы не дурно, а то опрашивать! — это ужъ выходило изъ рукъ вонъ. На сей разъ, дѣло попало однако не къ графу Бенкендорфу, а къ графу Строгонову, который въ докладѣ своемъ Государю Императору высказалъ, что по его мнѣнію, генералъ-губернаторъ углублялся въ мелочи и не хотѣлъ видѣть настоящей причины зла; что все Лифляндское простонародіе видимо тяготилось крайне стѣсненнымъ своимъ положеніемъ, и что хотя конечно нельзя было оставлять безъ строгаго преслѣдованія зачинщиковъ происходившихъ безпорядокъ, но съ другой стороны, не менѣе необходимо было теперь облегчить крестьянамъ способы продовольствія, *сдѣлавъ это негласнымъ для нихъ образомъ*, и поспѣшить, на предстоявшемъ ландтагѣ, принятіемъ хотя бы временныхъ мѣръ, которыя могли бы быть приведены въ исполненіе къ веснѣ. Этотъ докладъ былъ представленъ въ началѣ 1842 года. Государь Императоръ, совершенно соглася съ графомъ Строгоновымъ, нашелъ, что заключенія барона Палена „*даже смѣшны, что онъ вовсе не такъ дѣйствовалъ какъ бы слѣдовало*", и присовокупилъ, „*что надобно будетъ вновь послать отъ графа Бенкендорфа, чтобъ его вразумить.*"

Здѣсь, разомъ, представляется столько противорѣчій, что поневолѣ приходится на минуту остановиться.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, убѣдившись въ необходимости (не ограничиваясь одними шпицрутенами) обезпечить какъ нибудь продовольствіе крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто опасаясь, чтобъ они не отнесли подготовляемой для нихъ помощи къ заботливости объ нихъ высшаго правительства, спѣшитъ присовокупить, что нужно сдѣлать это негласнымъ для народа образомъ. Болѣе чѣмъ строгія репрессивныя мѣры мѣстныхъ начальствъ поддерживаются всѣмъ авторитетомъ власти и приводятся въ

исполненіе войсками, по инициативѣ или при прямомъ содѣйствіи лицъ самимъ Государемъ командированныхъ. Словомъ: дѣлается все возможное, чтобы народъ увидалъ и понялъ, что карательныя мѣры, не только одобряются высшимъ правительствомъ, но отъ него идутъ. А когда наконецъ обнаруживается, что крестьяне выведены изъ нормальнаго положенія такими обстоятельствами, противъ которыхъ человѣческое благоразуміе и Латышское долготерпѣніе безсильны, когда высшее правительство собственнымъ своимъ сознаніемъ ставится въ необходимость помочь, оно стыдливо прячется отъ народа. Кого-жъ бы однако стали благодарить крестьяне за позднюю помощь и кому бы могли они приписать ее? Ужъ не заботливости-ли мѣстнаго начальства? Но въ то время не успѣли еще зажить рубцы на изсѣченныхъ крестьянскихъ спинахъ, ни отрости волоса на выбритыхъ затылкахъ, а впечатлѣнія и убѣжденія простаго народа обновляются еще медленнѣе. Да если-бъ даже и можно было разсчитывать въ этомъ случаѣ на невѣроятную забывчивость, съ какою цѣлью стало бы высшее правительство уклоняться отъ признательности крестьянъ и передавать ее всецѣло своимъ же агентамъ, только втораго разряда? Или, можетъ быть, въ Петербургѣ хотѣли, чтобы крестьяне приписали помощь сердоболію помѣщиковъ? Если таково было намѣреніе правительства, то можно только сказать, что великодушная цѣль его—погасить вражду и недовѣріе крестьянъ къ угнетавшему ихъ сословію, не могла быть достигнута этимъ придуманнымъ за дворянство благодѣяніемъ, когда на каждомъ шагу народъ видѣлъ и чувствовалъ доказательства совершенно инаго расположенія къ нему помѣщиковъ.

Не менѣе странны отношенія высшаго правительства къ преосвященному Иринарху и къ барону Палену. Перваго можно было упрекнуть развѣ только въ неосторожности дѣйствій давно прекращенныхъ; но въ тоже время нельзя было не видѣть, и правительство дѣйствительно видѣло, что мѣстныя власти взваливали на него послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій или своего бездѣйствія. Тѣмъ не менѣе, преосвященный Иринархъ приносится въ жертву, какъ бы въ оправданіе падавшихъ на него и очевидно несправедливыхъ нареканій. Второй, то есть баронъ Паленъ, съ самаго начала волненій, сознательно или безсознательно, скрывалъ отъ правительства дѣйствительное ихъ значеніе и главныя причины, которыми онѣ были вызваны; правда была наконецъ обнаружена не имъ, а вопреки его донесеніямъ, а онъ все таки остается на мѣстѣ и даже получаетъ экстралегальныя уполномочія. Наконецъ, Государь Императоръ, убѣдившись въ односторонности его воззрѣній дошедшей до комизма, признаетъ нужнымъ вразумить его, и на кого же приходится возложить это деликатное порученіе? На графа Бенкендорфа, того самаго, который внушалъ, одобрялъ и отстаивалъ всѣ распоряженія вразумляемаго, на вожака той партіи, которой баронъ Паленъ служилъ покорнымъ орудіемъ, на человѣка, который, захватомъ въ свои руки дѣлъ по закону входившихъ въ вѣдомство графа Строгонова, хотѣлъ отнять у послѣдняго возможность раскрыть передъ Государемъ ихъ истинную суть.

Когда приведенная Высочайшая резолюція сообщена была шефу жандармовъ, раздраженіе его вышло изъ всякихъ предѣловъ. Онъ оффиціально отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ „что въ жандармскомъ вѣдомствѣ нѣтъ чиновниковъ, которые умѣли-бы вразумлять генералъ-губернаторовъ.“ А любопытно бы было знать: отыскались-ли бы въ немъ такіе чи-

новники, которые умѣли бы вывозить Православныхъ архіереевъ изъ ихъ эпархій, если-бы графъ Бенкендорфъ осчастливленъ былъ предложеніемъ распорядиться въ этомъ дѣлѣ отъ себя?—Одумавшись, онъ правда смягчилъ въ послѣдствіи свой отзывъ и, скрѣпя сердце, принялъ мѣры для исполненія объявленной ему Высочайшей воли; но первоначальный отвѣтъ его доказываетъ какъ неравнодушно относились къ Рижскимъ дѣламъ правительственныя лица, смотрѣвшія на нихъ съ точки зрѣнія своихъ традиціонныхъ интересовъ.

Между тѣмъ, на мѣстахъ, все шло по прежнему. Крупныя экзекуціи были окончены, но войска долго еще оставались расквартированными въ Лифляндіи, для острастки, и баронъ Паленъ сложилъ съ помѣщиковъ обязанность доставлять имъ приварокъ. Онъ перенесъ ее исключительно на крестьянъ, такъ какъ они, своимъ буйствомъ, вызвали необходимость употребить военную силу, а дворяне были только приглашены *облегчать* по возможности тягость возложенную на крестьянъ и наблюдать, чтобъ войска ни въ чемъ не нуждались. Нельзя не сознаться, что послѣднее распоряженіе было вполнѣ разумно: разоренные и голодные крестьяне конечно не смогли бы, безъ особеннаго участія дворянъ, обеспечить продовольствіе войскъ. Затѣмъ, приняты были мѣры, чтобъ вытравить малѣйшіе слѣды движенія и, по возможности, изолировать крестьянъ, въ видахъ огражденія ихъ отъ вредныхъ вліяній, въ особенности православно-русскаго. Генералъ-губернаторъ самъ объѣхалъ нѣкоторые уѣзды, дѣлалъ крестьянамъ приличныя внушенія, удалилъ изъ обществъ еще нѣсколькихъ высмотрѣнныхъ имъ или указанныхъ ему вотчинными конторами *зачинщиковъ* и вмѣнилъ въ строгую обязанность земской полиціи бдительно слѣдить за сношеніями Лифляндскихъ крестьянъ съ Эстляндіею и съ Псковскою губерніею черезъ Чудское озеро. Ничто не укрылось отъ заботливаго начальника. Онъ между прочимъ узналъ, къ крайнему своему прискорбію, что какіе-то Русскіе крестьяне удѣльнаго вѣдомства, торговавшіе щетиною, издавна ѣздили въ Лифляндію по своимъ дѣламъ. На нихъ указалъ ему г. фонъ-Поль, какъ на разглашателей ложныхъ слуховъ и опасныхъ пропагандистовъ, въ смыслѣ православно-русскомъ, и потому, для огражденія ввѣренной ему паствы отъ этой заразы, генералъ-губернаторъ вошелъ съ представленіемъ о воспрещеніи упомянутымъ торговцамъ въѣзда въ Лифляндію. Это было благоразумно: положеніе *вольныхъ* Латышей дѣйствительно было таково, что разсказы крѣпостныхъ крестьянъ, даже весьма какъ извѣстно не зажиточныхъ Псковичей, могли въ Лифляндіи казаться соблазнительными и наводить на сравненія для бароновъ невыгодныя. Но по этому послѣднему своему ходатайству, генералъ-губернаторъ, сколько мнѣ извѣстно, не имѣлъ успѣха. Тутъ замѣшался въ дѣло интересъ ужъ не одной Россіи и не Православной только церкви, а самаго удѣльнаго вѣдомства, и потому встрѣтилось неожиданно сильное сопротивленіе.

А корешокъ все таки оставался въ землѣ! Все еще, въ горькія минуты безвыходной тоски, мысли невольно обращались къ Православному духовенству. Два крестьянина Венденскаго уѣзда рѣшились пойти къ новому Рижкому епископу, преосвященному Филарету, на сей разъ только съ просьбою принять ихъ въ лоно Православной церкви. Въ присутствіи опрашивавшаго ихъ полицмейстера, они заявили, что желали быть одной вѣры съ Царемъ, но никакихъ мірскихъ выгодъ не ожидали и не требовали. Хотя въ этомъ не было повидимому ничего особенно страшна-

го, однако мѣстныя власти мигомъ переполошились. Баронъ Паленъ предписалъ военному начальству быть въ готовности дѣйствовать по первому востребованію, а въ Венденъ послалъ Вольмарскаго депутата Гагемейстера *для открытія виновныхъ по горячимъ слѣдамъ.* Дальнѣйшее разслѣдованіе было возложено на мѣстныхъ кирхшпильсъ- и орднунгсъ-рихтеровъ. Слѣдствіе производилось крайне медленно, съ безпримѣрнымъ пристрастіемъ, съ явными натяжками, съ очевиднымъ желаніемъ впутать въ дѣло Православное духовенство и отыскать какихъ-то его агентовъ. Опрашиваемыхъ сѣкли, нѣкоторые получили по 40 и по 60 розогъ, въ томъ числѣ одинъ семидесятилѣтній старикъ. (39) Оказалось, что желавшихъ присоединиться къ церкви было болѣе чѣмъ сколько явилось ихъ въ Ригу, и всѣ были наказаны. Объ этомъ доносилъ оффиціально чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, покойный А. Ѳ. Штакельбергъ, бывшій на мѣстѣ, и строгой правдивости котораго никто конечно не оскорбитъ подозрѣніемъ; но что́ именно выставлено было какъ поводъ къ наказанію, изъ доставленныхъ свѣдѣній нельзя высмотрѣть. Послѣ этихъ распоряженій, генералъ-губернаторъ увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ все таки приказалъ напомнить крестьянамъ Высочайшую волю объявленную имъ флигель-адъютантомъ Бутурлинымъ, а именно: что переходить въ Православное вѣроисповѣданіе никому не воспрещается. Итакъ, прежде всего—розги изъявлявшимъ желаніе перейти, а затѣмъ—оглашеніе невозбранности перехода; таковъ былъ принятой въ Лифляндіи порядокъ вразумленія крестьянъ.

Послѣдній изъ упомянутыхъ случаевъ происходилъ уже въ Августѣ 1842 года; но такъ какъ онъ прошелъ безслѣдно, то нѣтъ причины относить его ко второму періоду, то есть къ возобновленію религіознаго движенія въ Лифляндіи; скорѣе можно назвать его послѣднею, слабою судорогою первоначальнаго движенія нами описаннаго. По всѣмъ тогдашнимъ признакамъ, можно было считать стремленіе Латышей въ Православіе, если не навсегда заглушеннымъ, то по крайней мѣрѣ надолго прерваннымъ Нейбеверсгофскою экзекуціею, и потому есть достаточное основаніе принять за конецъ перваго періода Октябрь мѣсяцъ 1841 года. Въ это время, баронъ Паленъ писалъ своему покровителю, шефу жандармовъ, что спокойствіе (какъ они оба его понимали) было возстановлено, а графъ Бенкендорфъ, рукоплескавшій издали подвигамъ своего земляка, отвѣчалъ ему въ частномъ письмѣ: „Dieu soit loué. Tout parait terminé, pour le moment du moins.“ (Слава Богу! все кажется кончено, по крайней мѣрѣ на сей разъ).

И мы теперь, окончивъ первую часть своего разсказа, ничего лучшаго сдѣлать не можемъ для уясненія результатовъ пройденнаго времени, какъ постараться угадать чѣмъ въ особенности дорожила въ тогдашнемъ торжествѣ своемъ побѣдившая партія, и за что именно славилъ Всевышняго тогдашній начальникъ жандармскаго корпуса?

Главный поводъ къ славословію заключался конечно не въ матеріальной побѣдѣ одержанной надъ безоружными Латышами — въ этомъ никто не могъ сомнѣваться—даже не въ томъ, что ни одинъ Латышъ не выбылъ изъ Лютеранской паствы, а скорѣе въ томъ, что удалось таки помѣшать высшему правительству и простому народу взаимно опознаться и, такъ сказать, всмотрѣться другъ другу въ глаза. Неразборчивый лепетъ пробудившейся въ темной массѣ потребности духовнаго оживленія, жалобный стонъ голодныхъ, баснословные раз-

(39) Чтенія 1865. Кн. I. стр. 220.

сказы о какой-то теплой землѣ будто бы кѣмъ-то обѣщанной, ропотъ на помѣщиковъ, по утру наряжавшихъ крестьянъ на барщину, а къ вечеру являвшихся передъ ними во главѣ военной силы, все это слилось въ одинъ нестройный гулъ и было покрыто барабаннымъ боемъ и командными словами начальства распоряжавшагося экзекуціями.

Даже графъ Строгоновъ, который подъ конецъ все таки лучше всѣхъ высматривалъ правду и очень вѣрно указывалъ на *одну изъ причинъ* всеобщаго неудовольствія крестьянъ, не уяснилъ ни Государю, ни самому себѣ почему волненіе приняло ту, а не другую форму и почему Латыши, вырываясь изъ условій тогдашняго своего быта, избрали именно этотъ путь, то есть черезъ Православную церковь? Онъ кажется самъ раздѣлялъ внутренно мнѣніе барона Палена, будтобы Православное духовенство только тѣмъ и пріобрѣло такое сильное вліяніе на народъ, что питало въ немъ несбыточныя надежды и пользовалось ими для склоненія его на свою сторону, какъ могла бы воспользоваться тѣмъ же сподручнымъ орудіемъ всякая другая пропаганда, даже вовсе не религіознаго, а хоть бы чисто политическаго свойства. По крайней мѣрѣ, по бумагамъ исходившимъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣтно, что графу Строгонову, въ диспутѣ его съ барономъ Паленомъ о причинахъ волненій, становилось всегда какъ будто неловко когда рѣчь заходила о преосвященномъ Иринархѣ и о Православныхъ священникахъ. Онъ осуждаетъ, правда въ возможно мягкихъ выраженіяхъ, неосторожность ихъ дѣйствій, старается умалить практическую важность сдѣланныхъ ими ошибокъ, и, бросая эту щекотливую тему, поспѣшно переходитъ къ другой сторонѣ дѣла. Очевидно, что проснувшаяся въ народѣ потребность духовнаго свойства, то что́ мы назвали въ началѣ религіозною струею въ Лифляндскихъ волненіяхъ, совершенно укрылась отъ высшаго правительства. Графъ Бенкендорфъ, и партія во главѣ которой онъ стоялъ, не могли этому не радоваться.

Равномѣрно, остался совершенно неразгаданнымъ характеръ сопротивленія мѣстнымъ властямъ, кое-гдѣ оказаннаго крестьянами. Отличительныя его особенности сгладились подъ общимъ терминомъ бунта, которымъ его окрестили въ Ригѣ. Но вѣдь и бунты бываютъ различнаго свойства; иные можно назвать наступательными, другіе оборонительными, бываютъ бунты политическіе, соціальные, національные, бываютъ также бунты отъ недоразумѣній. Лифляндскій такъ называемый бунтъ 1841 года, за который виновные такъ дорого поплатились, имѣлъ также свои особенныя черты. Во первыхъ, крестьяне ни разу ни на кого не нападали, а только отстаивали своихъ когда ихъ хватали; во вторыхъ, крестьяне не грабили. Помѣщичьи анбары оставались цѣлы и невредимы, въ то время какъ народъ волновался отъ голода, и вообще, во всемъ дѣлопроизводствѣ о бунтѣ, не встрѣчается ни одной жалобы на расхищеніе чужой собственности. Итакъ, крестьяне бунтовали не противъ помѣщиковъ *какъ собственниковъ*. Они, повидимому, оказывали сопротивленіе законной власти, но вопросъ въ томъ: могли ли они опознать *законную власть* въ той формѣ, въ которой она передъ ними являлась? Объявивъ крестьянамъ, что крѣпостное право отмѣнено и что они свободны, правительство сказало помѣщику: отнынѣ я признаю въ тебѣ какъ бы два лица; ты хозяинъ-землевладѣлецъ и, какъ таковой, ты не болѣе какъ частное лице, имѣющее свои особенные, личные интересы; ты сдаешь землю или обработываешь ее, заключаешь контракты, подряжаешь батраковъ и т. д. Эта частная твоя

дѣятельность ставитъ тебя въ постоянныя сношенія и въ самое близкое соприкосновеніе съ свободными отнынѣ крестьянами проживающими въ твоемъ имѣніи; у нихъ и у тебя интересы, конечно не непримиримые между собою (сохрани Богъ!) но всетаки прямо противоположные; твой интересъ: сдать землю дорого, а работника нанять дешево; крестьянину на оборотъ, хотѣлось бы получить землю почти за даромъ, а за свою работу получить тройную цѣну. Это понятно — спорьте, торгуйтесь, договаривайтесь какъ знаете. Ты и они, вы стоите на почвѣ своего права, за свои частныя выгоды, а надъ вами безпристрастное правительство, вооруженное закономъ, передъ которымъ всѣ равны. Затѣмъ, тебя же, какъ помѣщика-дворянина, я возвожу на степень своего агента; я передаю тебѣ надъ тѣми самыми крестьянами, которымъ ты сдаешь землю и которыхъ ты наряжаешь на работу, долю мнѣ принадлежащей правительственной власти; передаю не съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ты непремѣнно ею пользовался, а для того только, чтобъ ты имѣлъ право ею вооружиться когда найдешь это нужнымъ, или когда вздумаешь. Ты можешь даже ввѣрить ее другому, своему прикащику, конторщику, лакею, и тогда твой повѣренный также раздвоится на два лица: твоего служителя и моего агента. Словомъ, эта власть, какъ одна изъ принадлежностей твоей дворянской вотчины, есть частная твоя собственность; это палка, которую ты можешь взять въ руки, передать другому, повѣсить на гвоздь и даже забросить; но когда она у тебя въ рукахъ, ты лице правительственное, и пока ты ею владѣешь, правительство во всеоружіи стоитъ за тобою и тебя поддерживаетъ.—Не мудрено было переложить все это на канцелярскій слогъ, разбить на параграфы и назвать закономъ — бумага все терпитъ; но на практикѣ, полицейская власть, какъ вотчинное право, должна была неизбѣжно сдѣлаться орудіемъ хозяйственныхъ интересовъ вотчинника, иными словами: крѣпостное право на личность должно было воскреснуть въ новой, при томъ гораздо худшей формѣ; потому худшей, что, возведя вотчинную контору на степень полицейской инстанціи, законъ придавалъ обычнымъ традиціямъ помѣщичьяго произвола характеръ правительственныхъ дѣйствій. Конечно, въ 1819 году, у насъ этого не предусматривали; но едвали и въ то время можно было серьезно предполагать, что простой народъ постигнетъ законодательный процессъ превращенія стараго своего знакомца, помѣщика или прикащика, въ вотчиннаго полиціймейстера. Да еслибъ даже Латыши и усвоили себѣ эту фикцію въ теоріи, они всетаки не могли бы признать ее за осуществившійся фактъ, потому именно, что на практикѣ, все шло по старому. Вотчинная контора утверждала или не утверждала мірскіе приговоры и выборы, выдавала паспорты, приказывала, ревизовала, хватала людей и наказывала; другой власти, въ иномъ образѣ, который бы не сливался съ образомъ помѣщика, крестьяне почти и не видѣли; вотчинное правленіе замѣняло для нихъ все. Правда, иногда забѣгалъ къ нимъ кирхшпильсъ-рихтеръ и орднунгсъ-рихтеръ, но вѣдь это были другіе экземпляры того же помѣщичьяго типа, сосѣди, родственники и пріятели мѣстнаго вотчиннаго начальника, такіе же какъ и онъ вотчинные начальники въ своихъ имѣніяхъ, въ добавокъ избранные помѣщиками и слѣдовательно ихъ агенты. — „Да гдѣ же наконецъ (спрашивалъ самъ себя народъ) власть настоящая, правительственная, въ подлинномъ смыслѣ слова, отрѣшенная отъ частныхъ интересовъ, всѣмъ одинаково близкая, ко всѣмъ одинаково благосклонная, власть какъ сила служащая закону и прав-

дѣ, та власть, о которой мы имѣемъ такое высокое понятіе, которой мы должны и готовы повиноваться не токмо за страхъ, но и за совѣсть, словомъ власть Царя и Его, дѣйствительно *Его*, уполномоченныхъ?" — Да вотъ они эти уполномоченные: генералъ-губернаторъ, флигель-адъютанты, наконецъ вотъ и Царская, несомнѣнно Царская сила, Русское войско..... И что же? Вокругъ генералъ-губернатора, рядомъ съ флигель-адъютантами, во главѣ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи, все тѣже вотчинные начальники, тѣже депутаты дворянства, тѣже орднунгсъ-рихтеры, и всѣ за одно! — „Да это подлогъ, это обманъ, а не явленіе власти!" — вотъ что смущало народъ. А между тѣмъ, возведя помѣщика, какъ помѣщика, то есть *потому только что онъ помѣщикъ*, на степень своего агента и удѣливъ ему часть своей власти, правительство, очевидно, не могло уже, въ случаѣ надобности, отказать ему въ употребленіи крайнихъ средствъ своихъ для возстановленія его, а слѣдовательно и своего собственнаго поколебленнаго авторитета. И вотъ разгадка того оригинальнаго явленія, въ которомъ, съ такою наивностію, сознавался баронъ Паленъ: „весь народъ потерялъ всякое довѣріе къ мѣстнымъ властямъ, считая ихъ за одно съ помѣщиками."

Это было неизбѣжное послѣдствіе порядка вещей существовавшаго въ Лифляндіи, и тоже явленіе неминуемо повторилось бы вездѣ гдѣ бы ни завелся подобный порядокъ. Народъ, повидимому, сопротивлялся правительственной власти, а въ сущности, такъ называемый бунтъ направленъ былъ противъ вотчинныхъ конторъ, какъ административно - полицейскихъ инстанцій, которыхъ крестьяне не могли и не хотѣли отождествлять съ своимъ представленіемъ о власти правительственной. Но этого, въ Петербургѣ не понялъ рѣшительно никто; иначе, конечно не позволили бы барону Палену отдавать войска въ распоряженіе депутатовъ дворянства, а за тѣмъ, когда приступлено было къ пересмотру законоположеній о крестьянахъ и когда правительство поставило Лифляндскому дворянству на видъ тѣ стороны ихъ быта, на которыя признано было нужнымъ обратить вниманіе для предупрежденія волненій въ будущемъ, не ограничились-бы указаніемъ на вопросы о землѣ и о повинностяхъ, а безъ сомнѣнія выдвинули бы на первый планъ вопросъ о вотчинной полиціи. Но онъ былъ преднамѣренно устраненъ. Какъ же было не благодарить Всевышняго!

Даже отъ покойнаго Государя, котораго слухъ былъ вообще такъ чутокъ для всѣхъ интересовъ власти, повидимому совершенно укрылась политическая сторона волненій 1841 года. На это есть доказательство. Спустя не болѣе пяти лѣтъ, въ Маѣ 1846 года, представленъ былъ на Высочайшее утвержденіе докладъ Комитета учрежденнаго въ Петербургѣ для устройства быта Лифляндскихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ графа Палена, съ участіемъ барона Палена, барона Мейндорфа, т. с. Гана и пяти депутатовъ отъ тамошняго дворянства. Комитетъ раздѣлилъ свои предположенія на двѣ категоріи: въ первую введены были существенныя основанія будущаго законоположенія, которыя, для ландтага призваннаго къ его разработкѣ, должны были имѣть силу строго обязательныхъ правилъ; ко второй отнесены были мѣры по мнѣнію Комитета полезныя и нужныя, но изложенныя въ видѣ вопросовъ подлежавшихъ свободному обсужденію ландтага. Въ пунктѣ седьмомъ, между прочимъ, значилось: нельзя ли вовсе лишить владѣльцевъ права наказывать арендаторовъ (т. е. крестьянъ-хозяевъ) безъ суда (какъ было до 1819 года)? — Этотъ пунктъ,

по усиленному настоянію графа П. Д. Киселева, принятъ былъ *единогласно* Комитетомъ состоявшимъ изъ девяти Остзейскихъ дворянъ и трехъ Русскихъ (графа Киселева, графа Перовскаго и т. с. Сенявина). Государь остался вполнѣ доволенъ трудами Комитета и написалъ на поднесенномъ ему докладѣ: „прекрасно, кромѣ одной статьи, по которой исполнить какъ мною помѣчено“. Это былъ именно приведенный выше пунктъ 7-ой, противъ котораго Государь написалъ: „эту статью не допускаю, ибо помѣщики должны всегда оставаться *первою полицейскою властью* въ своихъ помѣстьяхъ, но опредѣлить точно: *за что* и въ какой мѣрѣ сіе право наказанія имъ и впредь предоставляемо быть можетъ“. Иными словами: гибельное начало, подрывавшее въ самомъ корнѣ нравственный авторитетъ власти, начало заключавшее въ себѣ источникъ недавнихъ волненій и вынудившее правительство проливать кровь искренно преданнаго ему народа, было тщательно сбережено и перенесено цѣликомъ въ новое законоположеніе, а въ видѣ смягченія, заявлено было неисполнимое требованіе строгой регламентаціи его примѣненія. Даже ясный въ этого рода вопросахъ умъ покойнаго Государя помутился отъ напущеннаго изъ Риги тумана, если только въ приведенной резолюціи выразилось дѣйствительно его убѣжденіе, а не простое желаніе ублажить встревоженное дворянство.

Но если Лифляндскіе помѣщики и Петербургское министерство Остзейскихъ дѣлъ находили для себя выгоднымъ поддерживать недоразумѣнія высшаго правительства относительно источника сомнѣній и подозрѣній бродившихъ въ простомъ народѣ, то, съ точки зрѣнія тѣхъ же интересовъ, было еще несравненно желательнѣе и важнѣе оставить крестьянъ въ такомъ же недоразумѣніи относительно воли высшаго правительства. Это также удалось и едва-ли не этимъ по преимуществу дорожила Нѣмецко-Лютеранская партія въ одержанной ею побѣдѣ. Несмотря на описанную выше сцену происходившую въ Рижскомъ Губернскомъ Правленіи, при торжественномъ объявленіи согнаннымъ Латышамъ невозбранности присоединенія къ господствующей Церкви, несмотря на позднѣйшее повтореніе тогоже объявленія по распоряженію барона Палена, народъ все таки не узналъ и не понялъ, что право перехода изъ Лютеранства въ Православіе предоставлено каждому. Такъ какъ всякая попытка воспользоваться этимъ правомъ, какъ до объявленія его, такъ и по объявленіи, непремѣнно влекла за собою аресты, допросы и наказанія, то понятно, что для простыхъ людей было довольно мудрено рѣшить: чему надлежало больше вѣрить, словамъ или розгамъ? При этомъ, не надобно забывать, что помѣщики, пасторы, орднунгсъ и кирхшпильсърихтеры, при каждомъ удобномъ случаѣ, твердили крестьянамъ, чтобъ они не дерзали и помышлять о перемѣнѣ вѣры, что за помѣщиками и мѣстными чиновниками, стояли кавалерія и пѣхота, всегда готовыя нагрянуть по первому ихъ призыву, и наконецъ, что всякое слово произнесенное Православнымъ священникомъ для склоненія къ переходу крестьянъ обнаруживавшихъ расположеніе къ церкви, преслѣдовалось какъ преступное подстрекательство. Въ результатѣ оказалось, что карательныя мѣры, въ такомъ страшномъ излишествѣ употребленныя для вразумленія Латышей, не только не разсѣяли сомнѣній преднамѣренно внесенныхъ въ ихъ умы, а напротивъ какъ будто засвидѣтельствовали, кровью пролитою по распоряженію власти, комментаріи мѣстныхъ ея агентовъ, которыми сопровождалось чтеніе и исполненіе военносудныхъ сентенцій.

Изъ всего имъ испытаннаго въ 1841 году, народъ вынесъ убѣжденіе, что благодаря проискамъ помѣщиковъ, переходъ въ Царскую вѣру ему воспрещенъ. Кромѣ министерства Остзейскихъ дѣлъ, этого въ Петербургѣ никто конечно не подозрѣвалъ, никто бы въ то время этому и не повѣрилъ; да и теперь, тому, кто не видалъ въ глаза Латышей сороковыхъ годовъ, такое недоразумѣніе покажется невѣроятнымъ; а между тѣмъ — это фактъ, немного лѣтъ спустя, до очевидности обнаружившійся въ несказанномъ, радостномъ изумленіи Латышей, когда передъ ними, во очію, стали совершаться присоединенія. Но въ исходѣ 1841 года, никто не предусматривалъ, что движеніе въ Православіе возобновится, и потому можно было отъ души радоваться и благодарить Всевышняго, считая Латышей окончательно сбитыми съ толку относительно дозволеннаго и запрещеннаго.

Таковы были общіе результаты перваго, трагическаго періода исторіи Православія въ Лифляндіи.

Юрій Самаринъ.

*

Въ Русскомъ Архивѣ помѣщена будетъ подробная біографія одного изъ благороднѣйшихъ представителей нашего Прибалтійскаго края, именно графа Якова Ефимовича Сиверса, который оказалъ Россіи незабвенныя услуги, и между прочимъ, ходатайствовалъ объ улучшеніи быта Православнаго духовенства въ Новогородской губерніи. *П. Б.*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УПРАЗДНЕНІЯ КРѢПОСТНАГО ПРАВА ВЪ РОССІИ.

I.

Пріемъ депутатовъ перваго приглашенія по крестьянскому дѣлу въ 1859 году доставилъ не мало хлопотъ правительству. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской сначала переписывался съ предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцовымъ о назначеніи имъ срока для прибытія въ С.-Петербургъ. Редакціонныя коммиссіи съ своей стороны принимали мѣры, чтобы депутаты не застали ихъ въ расплохъ, — время было коротко: въ засѣданіяхъ коммиссій обсуждался вопросъ, когда можетъ быть оконченъ трудъ перваго періода занятій, или по крайней мѣрѣ когда онъ будетъ приведенъ въ тотъ видъ, въ которомъ могъ бы быть сообщенъ на разсмотрѣніе депутатамъ (1). Независимо отъ сего, Я. И. Ростовцовъ въ частныхъ засѣданіяхъ совѣщался еще съ нѣкоторыми избранными членами коммиссій о порядкѣ ихъ пріема (2).

Петербургская публика между тѣмъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившая въ то время за ходомъ крестьянскаго дѣла, нетерпѣливо ожидала появленія представителей дворянства, вызванныхъ изъ глубины Россіи; въ высшихъ сферахъ общества слышались самые разнообразные толки о ихъ значеніи, на нихъ возлагались большія надежды; высшее Петербургское дворянство видѣло въ нихъ опору для поддержанія своихъ сословныхъ интересовъ, имъ стали отворяться двери гостиныхъ нашей аристократіи. Но прибытіе депутатовъ возбудило одни неопредѣленныя желанія, въ тѣхъ которые болѣе всего на нихъ расчитывали; въ высшихъ кругахъ общества носились неясныя представленія о послѣдствіяхъ задуманной реформы; дѣло было слишкомъ ново и необыкновенно. Настоящій трудъ мысли и тяжелая работа лежали еще впереди.

Въ слѣдствіе бюрократическаго устройства нашей администраціи: іерархическаго подчиненія мѣстъ и лицъ съ одной стороны и раздѣленія ея на независимыя вѣдомства съ другой, всякое государственное дѣло относилось болѣе или менѣе исключительно къ одному изъ нихъ и составляло за тѣмъ его неприкосновенную такъ сказать спеціальность, такъ что всякій видъ вмѣшательства одного вѣдомства въ дѣло другаго считалось даже нѣкоторымъ оскорбленіемъ; сообразно этому порядку настроивалось конечно и общественное мнѣніе. Поэтому и

---

(1) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крест. дѣлу Русск. Вѣстн. 1864 г. № 11 стр. 123 и 124 и № 12 стр. 454.

(2) См. Вызовъ и пріемъ депутатовъ. Русск. Вѣстн. 1868 г. № 11 стр. 43.

крестьянское дѣло относилось собственно къ министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ что назначенію предсѣдателемъ редакціонныхъ коммиссій генералъ-адъютанта Ростовцова, посторонняго лица, предшествовало даже напечатаніе на столбцахъ газеты le Nord слуха, что онъ назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Надъ этимъ министерствомъ въ то время въ іерархическомъ порядкѣ поставлено было вновь созданное особое учрежденіе: Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу; а редакціонныя коммиссіи находились по особому ихъ положенію внѣ всѣхъ учрежденій, подъ прямымъ вѣдѣніемъ верховной власти, причемъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нужнымъ, какъ для совокупныхъ дѣйствій, такъ и въ знакъ личнаго вниманія къ Я. И. Ростовцову связать въ нѣкоторой степени съ коммиссіями земскій отдѣлъ, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (3). Тѣмъ не менѣе переходныя къ облегченію крестьянъ мѣры и подготовительныя распоряженія, считавшіяся тогда необходимыми для спокойнаго воспріятія ими свободы, во все время существованія редакціонныхъ коммиссій, исходили, въ многочисленныхъ циркулярахъ, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и вся, если можно такъ выразиться, администрація реформы главнымъ образомъ принадлежала ему: — она доставила потомъ обильный матеріалъ печатавшемуся этимъ вѣдомствомъ Сборнику правительственныхъ распоряженій, котораго первая часть появилась еще въ 1861 году.

Этимъ отчасти объясняется, почему покойный министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской, счелъ обязанностью, отъ своего лица, помимо предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій Я. И. Ростовцова, представить Государю письменно взглядъ на господствовавшія тогда по его понятіямъ мнѣнія о крестьянскомъ дѣлѣ въ средѣ призванныхъ къ нему дѣятелей. Въ то время этотъ документъ долженъ былъ храниться подъ кровомъ непроницаемой тайны, что показываетъ самая надпись на подлинномъ покойнаго Ланскаго, по поводу данной между прочимъ на запискѣ резолюціи Государя: «прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцову.» Это не помѣшало однако запискѣ перейти тогда же въ руки съѣзжавшихся депутатовъ, отъ которыхъ получили ее и нѣкоторые члены редакціонныхъ коммиссій; вскорѣ затѣмъ она разошлась по всей Россіи между лицами, которыя такъ или иначе могли принимать участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, а передъ прибытіемъ депутатовъ втораго приглашенія, собиравшихся въ Петербургѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1860 года, эта записка была напечатана въ одномъ изъ многочисленныхъ изданій русской заграничной печати, и въ этомъ новомъ видѣ, конечно въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, она возвратилась въ отечество. Въ статьѣ моей: «Вызовъ и пріемъ депутатовъ» (Русск. Вѣстн. 1868 г. № 11 стр. 41—43) между прочимъ сказано слѣдующее о всеподданнѣйшемъ письмѣ С. С. Ланскаго: «Эта записка есть совершенно однородный по предмету документъ съ письмомъ, писаннымъ 23-го Октября 1859 года къ Государю, покойнаго Якова Ивановича (см. ст. Болѣзнь и кончина генер. Ростовцова. Русск. Вѣстн. 1866 г. № 2 стр. 726—730), въ которомъ онъ тоже дѣлалъ обзоръ или очеркъ различныхъ мнѣній, которыя ходили въ обществѣ между лицами, принимавшими участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Любопытно сравнить эти два документа въ ихъ цѣломъ объемѣ для составленія себѣ понятія о томъ, какое различіе и какое сходство представляли между собой воззрѣнія двухъ государственныхъ людей, на долю которыхъ выпалъ жребій руководить въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствіями правительства по дѣлу освобожденія крестьянъ, къ совершенію котораго оба стремились довольно дружно. Затѣмъ въ моей статьѣ было напечатано только самое заключеніе этой записки, относящееся собственно до депутатовъ, но она вся имѣетъ особый интересъ:— этой категоріи документы составляютъ самую любопытную характеристику времени.

Николай Семеновъ.

23 Апрѣля 1869 г.

(3) См. Дѣят. Я. И. Ростовцова въ редакц. коммис. по крест. дѣлу Русск. Вѣст. 1864 г. № 11 стр. 94 и 98.

Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время. (Августъ 1859.)

(*Всеподданнѣйшая записка министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.*)

Всѣ губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу (за исключеніемъ только Пермскаго и Ставропольскаго) кончили и прислали свои работы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о главныхъ чертахъ направленій ими руководившихъ.

Отъ появленія первыхъ трехъ рескриптовъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости (по Литовскимъ, Санктпетербургской и Нижегородской губерніямъ) прошло слишкомъ $1\frac{1}{2}$ года. На предварительное соглашеніе дворянъ всѣхъ прочихъ губерній потребовалось 11 мѣсяцевъ (съ Ноября 1857 года по Октябрь 1858). Согласно

волѣ Вашего Величества, административныя мѣры, по сему предмету не имѣли въ себѣ ничего понудительнаго. Онѣ ограничивались однимъ лишь устраненіемъ недоразумѣній и опасеній, возникавшихъ въ дворянскомъ сословіи разныхъ мѣстностей.

Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній; отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостнаго труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатокъ мѣстныхъ администрацій, черезполосность имѣній и продажа усадьбъ, долги кредитнымъ установленіямъ и наконецъ участь мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ—представлялись неодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи. Примѣръ Санктпетербургскихъ и Нижегородскихъ дворянъ не могъ еще дать рѣшительнаго оборота дѣлу; ожидали отзыва Москвы.

Для успокоенія и направленія умовъ, по непосредственному указанію Вашему, сдѣланъ былъ цѣлый рядъ поясненій по всѣмъ предметамъ, возбудившимъ сомнѣніе. Разграничены неприкосновенныя, общія начала, и частное развитіе ихъ сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ; объявлено, что правительство беретъ на себя преобразованіе мѣстнаго управленія и устройство межеванія; сдѣланы нѣкоторыя указанія о способѣ выкупа крестьянскихъ усадьбъ и о пользованіи ими до выкупа; вмѣнено въ обязанность комитетамъ обратить вниманіе на положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и представить объ устройствѣ ихъ особыя соображенія; наконецъ объяснено чрезъ предводителей дворянства, что не въ поспѣшности, какъ думали помѣщики нѣкоторыхъ губерній, а въ медленности изъявленія желанія на открытіе комитетовъ заключается опасеніе народныхъ волненій. Мало по малу опасенія разсѣялись; мысль о возможности и необходимости преобразованія стала распространяться, а губерніи, одна за другой, начали присылать всеподданнѣйшіе адресы о желаніи приступить къ устройству крестьянскаго быта. Въ 10 губерніяхъ адресы эти представлены за подписью 217 предводителей и депутатовъ, по единогласному уполномочію дворянства, состоящаго изъ 25,204 помѣщиковъ; въ остальныхъ губерніяхъ они подписаны 18,548 дворянами. Вслѣдствіе сего состоялись Высочайшіе рескрипты въ Январѣ 1858 г. по Московской губерніи, въ Мартѣ по 8 губерніямъ, въ Апрѣлѣ по 12, въ Маѣ по 11, въ Іюнѣ по 4-мъ, въ Іюлѣ по 3-мъ, и Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ быта крестьянъ въ Сибири; наконецъ въ Октябрѣ по губерніямъ: Вятской, Пермской и Олонецкой.

По полученіи рескриптовъ были произведены выборы членовъ въ комитеты и ихъ кандидатовъ; а за симъ послѣдовало и самое открытіе занятій. Въ первую половину минувшаго года, начиная съ открытія Санктпетербургскаго комитета 14 Января, были открыты 8 комитетовъ; во вторую половину 35, въ томъ числѣ Виленская общая коммиссія. Въ первые мѣсяцы текущаго года приступили къ своимъ работамъ остальные 5 комитетовъ, въ томъ числѣ послѣдняя 19 Апрѣля Кіевская общая коммиссія. Такимъ образомъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживали въ 48 губернскихъ комитетахъ и коммиссіяхъ. Всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ было до 1377, изъ числа коихъ, можно положительно сказать, едва ли $1/_{10}$ доля занималась предложеннымъ предметомъ. Остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, успѣвшихъ овладѣть дѣломъ.

Возложенное на комитеты порученіе не было окончено въ срокъ и породило, при самомъ исполненіи, значительное различіе мнѣній. Главная причина медленности заключалась въ новости дѣла и недостаткѣ раціональнаго знанія хозяйственнаго быта и мѣстныхъ условій, а отъ того въ неясности понятій о предметѣ. Не имѣя самостоятельнаго выработаннаго взгляда и боясь повредить интересамъ помѣщиковъ, большая часть комитетовъ ждали себѣ образцевъ въ постановленіяхъ Санктпетербургскомъ и Московскомъ. Ко всему этому присоединилась неопытность предсѣдателей, соединенная съ опасеніемъ лишиться голосовъ на дворянскихъ избраніяхъ. Въ то же время изъ столицъ доходили сбивчивые толки. Одни говорили, что положеніе уже написано въ Петербургѣ, и трудъ комитета будетъ напрасенъ; другіе увѣряли, что все дѣло остановлено. Смущаясь этими слухами, большинство старалось оттянуть рѣшеніе вопроса и теряло время въ спорахъ мелочныхъ, о неотносящихся къ сущности дѣла подробностяхъ.

Между тѣмъ разногласіе мнѣній касалось самыхъ коренныхъ началъ реформы: предоставленія крестьянамъ личныхъ правъ и прочной усадебной осѣдлости. Оба эти начала были сохранены твердою волею Вашего Императорскаго Величества, выраженною: относительно личнаго выкупа въ Высочайшемъ повелѣніи по Нижегородскому комитету; относительно усадьбъ, въ резолюціи на докладъ бывшаго Московскаго генералъ-губернатора и въ рѣчи Московскому дворянству. Указанія на эти Высочайшія повелѣнія послужили предостереженіемъ другимъ комитетамъ, когда въ нихъ возникали подобные вопросы. Начало сохраненія за крестьянами усадебной осѣдлости, столь необходимой для обеспеченія ихъ быта, имѣло еще то благопріятное послѣдствіе, что навело комитеты на мысль о предоставленіи крестьянамъ на выкупъ не однѣхъ усадьбъ, а всего надѣла. При незнаніи членами порядка совѣщаній, разномысліе порождало во многихъ комитетахъ нарушенія внѣшняго порядка засѣданій, которыя впрочемъ имѣли ту хорошую сторону, что убѣдили большинство въ необходимости установить въ преніяхъ болѣе порядка и давать каждому члену возможность свободно высказывать свои мысли.

Изъ показаннаго выше числа комитетовъ 7 кончили свои занятія въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года; 37 въ первую половину настоящаго; за тѣмъ ко второй половинѣ остальные 4, изъ нихъ Калужскій въ началѣ Іюля прекратилъ уже свои работы. Вообще въ большинствѣ представленныхъ комитетами проэктовъ не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразилось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проэктовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ и земли ихъ останутся безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны комитеты вдались въ мелочныя подробности, наприм. опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы, о соединеніи вѣдомствъ, объ откупной системѣ и т. п. Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ,—и на оборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны

бы были отразиться мѣстныя различія, а именно: въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ напримѣръ Астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ Санктпетербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различные надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства.

Въ нѣкоторое извиненіе комитетовъ слѣдуетъ указать, что правительство возложило на нихъ рѣшеніе трудной и весьма сложной задачи. Имъ поручено было нетолько устроить хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, примѣняясь къ существующимъ нынѣ въ каждой мѣстности условіямъ, но и обсудить крестьянскій вопросъ съ юридической и административной точки зрѣнія.

Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, то во мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ. Такъ кромѣ выкупа земли нѣкоторые проэкты содержатъ въ себѣ: сохраненіе за крестьянами настоящаго надѣла, уменьшеніе повинностей, предоставленіе крестьянамъ безвозмездно ихъ строеній и движимаго имущества, оставленіе за ними права пользованія лѣсомъ и т. д.

Не входя въ разборъ подробностей, при общемъ обзорѣ комитетскихъ положеній, можно вывести изъ нихъ слѣдующія преобладающія мнѣнія: *Первое мнѣніе* тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Нельзя подвергать ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостнаго права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ раззореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты 1-ою статьею своихъ положеній единогласно постановили отрѣченіе отъ крѣпостнаго состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: Воронежскомъ, Костромскомъ, Курскомъ, Тамбовскомъ, въ большинствѣ: Тульскаго, Рязанскаго, Владимірскаго, Московскаго, Нижегородскаго, Симбирскаго, Вологодскаго, Тамбовскаго и Новгородскаго.

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ въ особенности слѣдуетъ отнести представленную Вашему Величеству безъимянную записку подъ литерою А, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестья-

нами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе и личности крестьянъ и выхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе землями однимъ 12-лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельнаго надѣла. Воронежскій комитетъ, напримѣръ, даже совсѣмъ не хочетъ употребить слова надѣлъ, а называетъ его наймомъ. Или же напр. Ярославскій комитетъ, который изъявляетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ чтобы получить отъ правительства по 270 р. за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія, въ настоящее время, не имѣютъ никакого твердо установленнаго плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостнаго состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе *сословнаго интереса.* Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно Англійской, и вмѣсто нынѣшней привиллегированной дворянской собственности, на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую не менѣе привиллегированную, на началахъ феодальныхъ. За предоставленныя крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полевыя угодья, оставляютъ за помѣщиками, подъ именемъ „вотчинныхъ правъ", особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привиллегіи на Западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть, со стороны этого направленія, только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія, весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англіи, не принимая въ соображеніе различіе времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе и въ остальномъ дворянствѣ, можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ Вамъ, Государь, особахъ и въ нѣкоторыхъ членахъ главнаго комитета. Вопросъ о „вотчинныхъ правахъ" первоначально возбужденъ былъ въ Санктпетербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостнаго права. Они составляютъ, хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство и можно сказать меньшинство Тверскаго комитета, большинство Харьковскаго и Кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности Самарскаго, Тульскаго, Рязанскаго, Владимірскаго и Симбирскаго. Сочувствуя видамъ правительства относительно огражденія отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею, они впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ, между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и все-

сторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ, обязательный или необязательный, всего или части крестьянскаго надѣла, въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ.

Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться, въ послѣднее время, желаніе вызвать какое либо явное проявленіе того, что они называютъ *общественнымъ мнѣніемъ*, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать объ ожиданіи рѣшенія со стороны крестьянскаго сословія. Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что Государь желаетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу.

Съ самаго восшествія Вашего на престолъ, народная молва, время отъ времени, назначаетъ то тотъ, то другой срокъ манифеста объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ настоящее время этотъ срокъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается въ день рожденія и празднованія совершеннолѣтія Государя Наслѣдника.

Объяснивъ со всею откровенностью нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла, считаю обязанностію всеподданнѣйше повергнуть вниманію Вашего Императорскаго Величества нѣкоторыя соображенія по этому предмету. По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, мысль о выкупѣ все болѣе и болѣе укореняется и становится общимъ убѣжденіемъ. При обнародованіи первыхъ мѣръ, къ устройству крестьянскаго быта, правительство не упомянуло о выкупѣ. Комитеты: Нижегородскій, Ковенскій, Виленскій, Тверской, а за нимъ и другіе, сами вошли въ обсужденіе сего предмета, какъ лучшаго исхода для крестьянскаго вопроса. Дозволеніе комитетамъ составлять выкупныя положенія, встрѣчено было всеобщею радостію, и даже многіе комитеты понизили предполагаемую ими оцѣнку земли и въ особенности усадьбъ; партія, несочувствовавшая реформѣ, ослабѣла; нѣкоторые комитеты, уже окончившіе проэкты срочнообязаннаго положенія, спѣшили составить другіе на выкупномъ началѣ. Въ настоящее время, на мысли о выкупѣ сошлись комитеты самыхъ противоположныхъ концовъ Россіи и самыхъ противоположныхъ направленій, защищающіе исключительно помѣщичій интересъ и преданные крестьянскому дѣлу. Многіе изъ нихъ сознаютъ невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа, но нѣтъ ни одного, который не признавалъ бы его безусловно-полезнымъ при добровольномъ соглашеніи помѣщика съ крестьянами.

Но при всемъ желаніи и общемъ распространеніи этой мысли, выкупъ угодій, посредствомъ добровольнаго соглашенія, можетъ совершиться нескоро. Посему немедленно надлежитъ даровать крестьянамъ гражданскія права, для обезпеченія этихъ правъ улучшить полицейскія учрежденія, открыть новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, сохранить за крестьянами настоящій надѣлъ угодьями, съ нѣкоторыми только измѣненіями; и немедленно облегчить повинности, а въ слѣдъ за симъ привести ихъ въ соразмѣрность съ надѣломъ. Но дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи; а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей,

полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ міровыхъ судей и другихъ, общихъ для обоихъ сословій, должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій.

При такихъ только мѣрахъ можно будетъ спокойно ожидать послѣдствій добровольнаго выкупа, который, при надлежащемъ посредничествѣ правительства, вѣроятно не замедлитъ осуществиться.

Въ заключеніе, обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ комитетами членовъ, я признаю священнымъ долгомъ выразить, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ ѣдетъ съ намѣреніемъ поддержать и если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія выразятъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараясь достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣла. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленныя и необразовавшіяся еще разноцвѣтныя партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій, съ самаго начала должно быть положительно устранено. Согласно Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія, избранные комитетами члены вызываются „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть“.

Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы, не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проэктированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ: будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ. Уничтоженіе крѣпостнаго права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ: осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какими оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства.

На вопросъ земскаго отдѣла: «списать ли копію для Ростовцова?» Министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ: «Я не желаю, чтобы копіи ходили по рукамъ, а потому и намѣренъ дать прочесть прямо отъ себя».

Важныя опечатки: на стр. 1138 въ имени М. И. Глинки. На стр. 1144 вм. Аррагонская хатѣ слѣдуетъ «Аррагонская хота»; это — названіе Испанскаго танца.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.